ДТ
30
Т35
г. III-IV

А. Терещенко

Быт русского народа

г. С-Петербург
1848 г.

8297
29

ДТ
30
Т-35

БЫТЪ
РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ III.

I. ВРЕМЯСЧИСЛЕНІЕ.
II. КРЕЩЕНІЕ.
III. ПОХОРОНЫ.
IV. ПОМИНКИ.
V. ДМИТРІЕВСКАЯ СУББОТА.

Соч. А. Терещенки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 іюля 1846 года.

Цензоры: *А. Фрейгангъ.*

Священникъ *А. Окуневъ.*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
646334

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА

I. ВРЕМЯСЧИСЛЕНІЕ.

Различное исчисленіе времени. — Христіянское лѣтосчисленіе. — Магометанское лѣтосчисленіе. — Величина года. — Астрономическое исчисленіе. — Начало года. — Лѣтосчисленіе въ Россіи церковное и гражданское. — Тма, вѣкъ, лѣто и годъ — Названія мѣсяцевъ у африканскихъ, азіятскихъ и европейскихъ народовъ. — Древнія названія славянскихъ мѣсяцевъ. — Значеніе латинскихъ мѣсяцевъ. — Астрономическіе знаки мѣсяцевъ. — Значеніе календаря и святцевъ. — Раздѣленіе времени на недѣли. — Значеніе семи дней. — Исчисленіе дневнаго времени и первые боесые часы. — Пасхалія. — Подвижные и неподвижные праздники.

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ.

Различное исчисление времени. — Христіанское лѣтосчисленіе. — Магометанское лѣтосчисленіе. — Великія эпохи. — Астрономическое исчисленіе. — Начало года. — Лѣтосчисленіе въ Россіи церковное и гражданское. — Типа, вѣка, лѣто и годъ. — Названія мѣсяцевъ, у древнихъ, азіатскихъ и европейскихъ народовъ. — Древнія названія славянскихъ мѣсяцевъ. — Значеніе латинскихъ мѣсяцевъ. — Астрономическое знаки мѣсяцевъ. — Значеніе квадратуръ и квартилей. — Указаніе времени на циферблатѣ. — Значеніе семи дней. — Цѣленаправленіе времени и первые богослужебные часы. — Названія. — Подвижные и неподвижные праздники.

I.

ВРЕМЯСЧИСЛЕНІЕ.

Различное исчисленіе времени.

У всѣхъ народовъ велось лѣтосчисленіе, съ самой глубокой древности, но оно вездѣ было различное, и эта разность происходила отъ понятія о величинѣ года и его началѣ. — Время, съ котораго народъ велъ свое лѣтосчисленіе, извѣстно подъ именемъ эры, и она начиналась обыкновенно отъ важнаго какого-либо событія, напримѣръ: отъ основанія или разрушенія царствъ, отъ переворотовъ или преобразованій въ государствѣ, и т. п.

Одни Евреи понынѣ ведутъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра, за 5508 до Р. Х., которое употреблялось у насъ до Петра Великаго. Они считали также: 1) отъ разрушенія города Іерусалима, что случилось въ царствованіе римскаго императора Веспасіана, въ 71 г., послѣ Р. Х. Въ это время сгорѣлъ и знаменитый храмъ Сіонскій, построенный Вездѣсущему, мудрѣйшимъ изъ царей, Соломономъ (за 1000 л. до Р. Х.

2) Отъ плѣненія Іудеевъ, вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ (за 588 л. до Р. Х.) и 3) отъ совершеннаго разсѣянія ихъ по всему земному шару, что произошло въ царствованіе римскаго императора Андріана (въ 134 послѣ Р. Х.). — Истребленіе царства іудейскаго, сбылось по предреченіямъ пророковъ. Полководецъ римскій Юлій Северъ, предалъ смерти около 500,000 Іудеевъ, а остальные распроданы въ неволю.— Семейство продавалось по одному динарію (по одной полушкѣ). — Евреи ожидаютъ Мессію, котораго они не познали на землѣ; но судъ Божій давно произнесенъ надъ ними, и они, скитаясь по всему свѣту, бѣдствуютъ доселѣ.

Ассиріяне вели свое лѣтосчисленіе отъ основанія монархіи Ассуромъ, на берегахъ р. Тигра (за 2000 л. до Р. Х.). Почти съ того самаго времени считали Вавилоне, отъ основанія ихъ монархіи Немвродомъ, на берегахъ р. Ефрата. По разрушеніи древняго вавилонскаго царства, Набопассаръ основалъ новое, и съ сего времени ввелъ лѣтосчисленіе, за 750 л. до Р. Х.— Мидяне за 710 л. до Р. Х., отъ основанія ихъ царства Дейіоцесомъ. Древніе Персіяне отъ основанія персидской монархіи Киромъ, за 550 л. до Р. Х.

Изъ малоазійскихъ народовъ, примѣчательны Финикіяне и Трояне. Финикіяне, извѣстные въ глубокой древности, не составляли отдѣльнаго царства: это было собраніе республиканскихъ городовъ, которые, во время опасности одному изъ нихъ, соединялись въ одно чтобы отразить непріятелей общими силами. Они были лучшими мореплавателями въ древнемъ мірѣ, какъ нынѣшніе Англичане, и за всѣмъ тѣмъ никакихъ не оставили историческихъ свѣдѣній о лѣтосчисленіи, а потому трудно опредѣлить ихъ лѣтосчисленіе. Обыкновенно полагаютъ отъ тирскаго царя Абибала, со-

временника Давида, за 1050 л. до Р. Х. Въ другомъ состояніи находится лѣтосчисленіе троянскихъ Грековъ. Намъ извѣстно, что европейскіе Греки вели лѣтосчисленіе: 1) отъ разрушенія города Трои за 1185 л. до Р. Х., потомъ 2) отъ учрежденія олимпійскихъ игръ, за 777 л. до Р. Х. — Счисленіе олимпіадъ состояло въ четырегодичной перемѣнѣ, и пятой годъ образовалъ обыкновенно новую олимпіаду. По общему мнѣнію хронологистовъ, время рожденія Іисуса Христа соотвѣтствуетъ 196 олимпіадѣ.

Африканскіе народы: Египтяне и Карѳагеняне, вели лѣтосчисленіе различно. Египтяне, которые славятся своею незапамятною древностію, равною Китайцамъ и Индѣйцамъ, считали первопачально годы отъ Менеса, построившаго въ среднемъ Египтѣ городъ Мемфисъ, за 2200 л. до Р. Х.; потомъ отъ перенесенія столицы въ городъ Саисъ, въ нижній Египетъ или Дельту, за 650 л. до Р. Х. — Карѳагеняне, финикійскіе поселенцы, отъ прибытія къ нимъ Дидоны, родной сестры тирскаго царя Пигмаліона, которая отторгнула ихъ отъ финикійскаго владычества, за 900 л. до Р. Х.

Римляне вели отъ построенія Ромуломъ города Рима, за 750 л. до Р. Х. Съ перемѣною монархическаго правленія на республиканское, за 508 л. до Р. Х., начали считать по консуламъ, что и продолжалось до императора Октавія Августа, до 30 года его царствованія, въ которое время родился Спаситель міра, и христіяне ввели лѣтосчисленіе съ сего времени. При господствованіи Римлянъ надъ древнимъ свѣтомъ, лѣтосчисленіе прочихъ народовъ соединилось въ одно римское. Точно какъ нынѣ всѣ христіяне ведутъ свое лѣтосчисленіе отъ Р. Х., такъ тогда вели покоренные народы по римскому исчисленію.

Христіанское лѣтосчисленіе.

Долгое время спорили о единогласномъ времяисчисленіи. Діонисій малый, жившій въ 530 г. послѣ Р. Х., первый ввелъ въ исторіи своей исчисленіе годовъ отъ Р. Х. Англичанинъ Беда, жившій за 720 л., исправивъ его лѣтосчисленіе, основалъ на немъ всѣ историческія событія. Не смотря на единогласно утвержденное лѣтосчисленіе, Христіяне различно считаютъ годы отъ сотворенія міра до Рождества Христова. Обитатели западной Европы принимаютъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра до Р. Х., по исчисленію француза Петавія (живш. въ концѣ XV в.), а восточные по Библіи семидесяти толковниковъ. Разность между ними значительная. По Библіи 70 толковниковъ, отъ сотворенія міра до всемірнаго потопа, 2262 г.; а по Петавіеву 1756 г., разность въ 606 г. Отъ сотворенія міра до Р. Х., по Библіи 70 толковниковъ 5508 л., а по Петавію 3983, разн. 1525.

Кальвицій, лейпцигскій астрономъ, считаетъ 3947 л. отъ сотворенія міра до Р. Х.; Лютеръ, 3870. Разность въ исчисленіи восточныхъ Грековъ и западныхъ Римлянъ, отъ сотвор. міра до Р. Х., только въ 8 годахъ. Св. Димитрій, епископъ ростовскій, трудился надъ исправленіемъ этой погрѣшности, но дѣло его не окончено.— Сверхъ сихъ лѣтосчисленій были: 1) александрійское, 2) антіохійское, 3) константинопольское и 4) селевкидовъ, или грековъ александрійскихъ. Первые христіяне вели первоначально лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра, по примѣру Евреевъ. Юлій африканскій, видя несходство въ нѣсколькихъ годахъ, противу еврейскаго, ввелъ въ Александріи новое лѣтосчисленіе, почему называется александрійскимъ. По его счету отъ сотвор. міра 5503 г. — Пандоръ, монахъ египетскій, жившій въ концѣ IV в., предпринялъ исправить его лѣтосчисленіе. По исчисленію Пандора оказалось отъ

сотв. міра до Р. Х. 5400, и было въ употребленіи въ Антіохіи, бывшей столицы Сиріи, находящейся въ малой Азіи. Вслѣдъ засимъ появилось константинопольское лѣтосчисленіе, по коему отъ сотв. міра до Р. Х. 5508 г. Лѣтосчисленіе Селевкидовъ начинается съ первыхъ завоеваній Селевка Никатора, за 311 л. до Р. Х. Это лѣтосчисленіе было во всеобщемъ употребленіи у леванскихъ народовъ, или на востокѣ.

Магометанское лѣтосчисленіе.

Кромѣ христіянскаго, есть еще магометанское, которое ведется поклонниками Магомета, отъ бѣгства его изъ Мекки въ Медину, что случилось въ 622 г. іюля 16., послѣ Р. Х. — Магометанская эра называется эджирою или гиджрою.— Гиджра отъ арабскаго глагола *гаджаре*, выходить изъ отечества.—Языческіе народы считаютъ годы отъ весны и осени. —

Величина года.

Величина года исчислялась у древнихъ народовъ не одинаково. У Халдеевъ и Египтянъ, первой годъ составлялъ одинъ мѣсяцъ, у Аркадійцевъ 3. мѣсяца, у жителей Эллады и Иверійцевъ 4 мѣсяца; у Евреевъ 12 лунныхъ цѣсяцевъ; у Персіянъ 365 дней; у Латинянъ 13 мѣсяцевъ, во время же Ромула 10 мѣсяцевъ, каждой мѣсяцъ имѣлъ 30 и 31 день, почему годъ ихъ состоялъ изъ 304 дн. Нума Помпилій отнялъ у 6 мѣсяцевъ по одному дню, почему образовалось 6 мѣсяцевъ въ 29 дн., а остальные 4. въ 31 д., и цѣлой годъ составилъ 298 д. Для уравненія этого года съ луннымъ, которой состоялъ изъ 355 дн., Нума прибавилъ къ нему два новыхъ мѣсяца: генварь въ 29 дн. и февраль въ 28 дн., — отъ чего прибавилось къ цѣлому году 57 дн. По этому лунному году, Римляне обозначали свои праздники; но чтобы согласить его съ солнечнымъ или астрономическимъ, постановилъ Нума, чтобы добавлять ко второму и третьему году, по 22 д., а къ четвертому 23 дн., и приходилось всегда добавлять между 23 и

24 февралемъ, ибо 23 февраля было у нихъ послѣднимъ днемъ года, отъ чего произошелъ потомъ высокосный годъ. Около 450 л. до Р. Х., когда Децемвиры пожелали продлить отправленіе своей должности, еще на одинъ годъ; тогда они опредѣлили, чтобы генварь былъ первымъ а февраль вторымъ мѣсяцемъ въ годовомъ исчисленіи.

Александрійскій астрономъ Созигенъ, повѣривъ преждебывшія вычисленія, сосчиталъ годъ въ 365 дн. 6 ч. Его исчисленіе не совсѣмъ согласно съ теченіемъ солнца, котораго среднее тропическое обращеніе совершается въ 365 дн. 5 ч. 48′ 41″ 8‴, а потому къ каждому году не достаетъ 11′ 12″, 2‴, кои въ 128 л. составляютъ почти цѣлой день; въ 400 л. 3 дн. 2 ч. 41′ 20″. — По не имѣнію въ то время хорошихъ астрономическихъ орудій, для вѣрнѣйшаго наблюденія за движеніями небесныхъ свѣтилъ, было причиною вкравшейся этой незначительной разности. — За всѣмъ тѣмъ Созигеново вычисленіе было принято во многихъ земляхъ, а Юлій Цезарь указалъ, за 45 л. до Р. Х., ввести во всеобщее употребленіе по римской имеріи, потому и называется *юліяновскимъ исчисленіемъ*. Юлій удержалъ прежній порядокъ мѣсяцевъ, въ февралѣ мѣсяцѣ оставилъ 28 дн., а къ прочимъ прибавилъ то число дней, которое понынѣ въ употребленіи. Папа Григорій XIII., основываясь на послѣднихъ астрономическихъ наблюденіяхъ, постановилъ (въ 1582 г. февраля 24), считать годъ въ 365 дн. 5 ч. 48′ 45″; и потому чрезъ каждые 400 л. выбрасывается 3 дня. Отъ сего произошли два времяисчисленія: *юліановское и грегоріянское*. Первое называется еще *старымъ*, которому мы слѣдуемъ, а второе *новымъ*, коему слѣдуетъ остальные европейскіе народы. При употребленіи юліянскаго календаря постановлено было, на никейскомъ соборѣ (въ 310 г.), чтобы Св. Пасху праздновать от-

дѣльно отъ Іудеевъ, и всегда въ Воскресенье, въ первой лунной мѣсяцъ по весеннемъ равноденствіи. Тогда равноденствіе пришлось марта 21., и астрономы замѣтили, что Пасха чрезъ нѣсколько столѣтій совпадетъ съ первыми числами начальнаго года. Это случалось въ 1582 г.: весенне равноденствіе пало на 10 марта, и вышло лишнихъ 10 дней противу юліановскаго лѣтосчисленія. Потому рѣшено, чтобы чрезъ каждые 400 лѣтъ выбрасывать по 3 дня, и начавшееся тогда XVII столѣтіе, т: е: 1600 г. считать высокоснымъ годомъ, прочіе: 1700, 1800 и 1900 простыми, а 2000 высокоснымъ, такъ чтобы чрезъ каждые три столѣтія приходилось высокосное въ четвертое, потому 3600 годъ будетъ также высокоснымъ, основываясь на томъ, что 1600 г. принятъ за высокосный, и посему изчисленію можно узнать о каждомъ простомъ и высокосномъ столѣтіи. —

Астрономическій мѣсяцословъ исчисляетъ годъ по теченію солнца. По исчисленію Бланхиса старой годъ составлялъ, въ юліановскимъ календарѣ, 365 дн. 5′ 49″, а въ новомъ грегоріянскомъ, 365 дн. 5 час. 49′ 50″ потому разность, старого съ новымъ штилемъ, заключается въ 12 дняхъ. — Астрономическое исчисленіе

Годы еще раздѣляются на лунные и солнечные. Лунный, состоящій изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, заключается въ 354 дн. 8 ч. 48′ и 38″, и въ употребленіи между Туркамн и Жидами. Первые считаютъ новой годъ въ первой день мѣсяца магаремма, соотвѣтствующаго нашему 25 марта; вторые съ 1. сентября, которое совпадетъ съ нашемъ 7 числ. того же мѣсяца. — Солнечный, образующійся изъ теченія солнца по эклиптикѣ 12 небесныхъ знаковъ, какъ то: овна, тельца, близнецовъ, рака, льва, дѣвы, вѣсовъ, скорпіона, стрѣльца, козерога, водолея и рыбъ, кото-

рые составляютъ 12 мѣсяцевъ, есть наиболѣе полной и точный, и называется астрономическимъ; онъ состоитъ изъ 365 дн. 5 часовъ 48′ 50″. Это исчисленіе называется еще гражданскимъ, потому что оно употребляется въ опредѣленіи событій и дѣлъ общественныхъ. Гражданскій годъ бываетъ простой и высокосной, послѣдній всегда приходится черезъ три года. Въ простомъ году 365 дн., а въ высокосномъ 366 дн. Это происходитъ отъ того, что если будемъ считать, что въ солнечномъ или астрономическомъ годѣ 365 дн. 5 час. 49′ 50″, то въ четыре года прибавятся сутки или 24 ч., безъ нѣсколькихъ секундъ, и выйдетъ четвертый годъ въ 366 дн., называемый нами высокосный, и день, который добавляется къ февралю (т. е. 29 день) называется *вставнымъ*.

Начало года.

Время, отъ коего вели годъ, у разныхъ народовъ было то же различное. Иные считали его отъ 1. марта, другіе отъ весенняго равноденствія, а другіе въ первое полнолуніе, по весеннемъ равноденствіи. — Римляне первоначально вели годъ съ 1 марта, а потомъ съ 29 августа. — Греческій императоръ Константинъ В., постановилъ вести съ сентября 1.

Лѣтосчисленіе въ Россіи, церковное и гражданское.

Намъ неизвѣстно, какъ вели свое лѣтосчисленіе наши предки, до принятія христіянской вѣры. По принятіи же вѣры, введено было церковное и гражданское; первое начиналось съ марта 1, а второе съ сентября 1.

Изъ лѣтописей видно, что Несторъ и продолжатели его лѣтописи, начинали годъ со дня Пасхи, и въ своихъ сказаніяхъ ведутъ счетъ нетолько по числамъ мѣсяцевъ; но по недѣльнымъ днямъ и праздникамъ. Это было причиною спора о началѣ года, на соборѣ въ Москвѣ, въ великокняженіе Симеона гордаго, при митрополитѣ Ѳеогностѣ, и соборомъ опредѣлено (1348 г.):

чтобы церковный и гражданскій годъ считать съ сентября. — Петръ I, желая согласить съ прочими европейскими народами начало года, отмѣнилъ счисленіе отъ сотворенія міра, и постановилъ (указами 1699 г. декабря 15 и 19), вести лѣтосчисленіе отъ Р. Х., годъ съ генваря 1. и писать гражданскими числами. Съ 1700 г. введено у насъ единообразное счисленіе новаго года,— съ общимъ европейскимъ.

Западные европейцы, по опредѣленію папы Григорія XIII., начали считать новой годъ съ 1600 г. Протестанты, изъ ненависти къ католическимъ дѣйствіямъ, долго не принимали исправленнаго грегоріянскаго лѣтосчисленія, и только его приняли въ нач. XVIII в.; Шведы ввели новой годъ въ пол. XVIII. в.

Египтяне праздновали начало своего года съ оживленія Озириса. Въ честь его учреждали пляски, игры и пиршества; надѣвали на себя личины и бѣгали по улицамъ. Персы праздновали рожденіе Миеры, а Индѣйцы Перунъ-Понгола и Угоды, и все это соединялось тѣсно съ ихъ священными обрядами. Греки ознаменовывали переходъ стараго года къ новому, шумными забавами. Мущины наряжались въ женскія, а женщины въ мужскія одежды: то же самое дѣлали молодые люди и дѣвицы. Три дни проводили въ изобрѣтательныхъ увеселеніяхъ. — Гадали и пѣли подблюдныя пѣсни, и лили воскъ.—Римляне обратили годъ въ гражданскій торжественный праздникъ, посвятивъ первые три дни на добрыя дѣла, почему они назывались обѣтными. Наканунѣ новаго года и въ первой его день, дарили другъ друга; патроны освобождали своихъ рабовъ изъ неволи или оказывали имъ другія милости. Въ Европѣ также вошло въ обычай дарить другъ друга, особенно дѣтей, небольшими подарками. Въ честь своихъ родителей они происносятъ стихи и

привѣтственныя поздравленія.—Турки празднуютъ новой годъ въ первой день мѣсяца *магарема*, между 25. чис. марта и началомъ апрѣля. —

Церковь наша хотя празднуетъ новолѣтіе съ генвара 1., однако церковные праздники и служебные дни ведетъ по старому, т. е. или съ 1 марта, или съ 1 сентября, отличая годы и недѣльные дни церковными буквами, которыя употреблялись и по гражданскимъ дѣламъ. Счетъ, церковными буквами, былъ слѣдующій:

А 1, В 2, Г 3, Д 4, Є 5, Ѕ 6, З 7, И 8, Ѳ 9, І 10, АІ 11,

ВІ 12, ГІ 13, ДІ 14, ЄІ 15, ЅІ 16, ЗІ 17, ИІ 18, ѲІ 19,

К 20, Л 30, М 40, Н 50, Ѯ 60, О 70, П 80, Ч 90, Р 100,

С 200, Т 300, У 400, Ф 500, Х 600, Ѱ 700, Ѿ 800,

Ц 900, ≠А 1000, ≠В 2000 и проч.

Каждая тысяча отмѣчается внизу перекрестной палочкою; напримѣръ 1800 годъ пишется ≠АѾ, 1840 г. ≠АѾМ, 6565 ≠ЅФЖЄ, и т. д. (*).

(*) Счетъ церковный позаимствованъ нами отъ Грековъ: α′ 1, β′ 2, γ′ 3, δ′ 4, ε′ 3, ϛ′ 6, ϛ′ 7, η′ 8, ϑ′ 9.; ι′ 10, ια′ 11, ιβ′ 12, κ′ 20, λ′ 30, μ′ 40, ν′ 50, ξ′ 60, ο′ 70, π′ 80, ϛ или ϟ 90, ϛ′ 100, σ′ 200, τ′ 300, υ′ 400, φ′ 500, χ′ 600, ψ′ 700, ϖ′ 800, θ′ 900, ͵α 1000, ͵αφοϑ 1779, ͵β 2000 і. 10.000, ͵ϛ 100.000 и т. д.

Кромѣ счета церковными буквами, употребляются еще у насъ, и во всей Европѣ, римскіе знаки:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 20.
I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. IX. X. XI XII. XX.
30. 40. 50. 60. 70. 80. 90. 100.200. 300.
XXX. XL. L. LX. LXX. LXXX. XC. C. CC. CCC.
400. 500. 600. 700. 800. 900. 1000. 10,000.
CCCC, D. DC. DCC. DCCC. CD. M. XM.;
80,345.
LXXXM,CCCXLV., и т. д. —

— Съ введеніемъ новаго года, съ 1700 г. генваря 1., повелѣно ввесть въ гражданскихъ дѣлахъ числа арабскія, которыя доселѣ во всеобщемъ употребленіи, по всему свѣту. Счетъ ихъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. и т. д.

Тма, вѣкъ, лѣто и годъ.

Многосложное исчисленіе у Славянъ, называлось *тмою*, т: е: 10,000 (*); столѣтіе вѣкомъ. Какой вели счетъ наши предки, въ общественныхъ дѣлахъ? — неизвѣстно. Тма числомъ 10,000, еще встрѣчается въ XVI ст. Въ среднихъ вѣкахъ торговой народъ велъ счеты десятками, напримѣръ: *сорокъ*, *девяносто*, и считалъ обыкновенно: *сорокъ*, *два сорока*, *трп сорока*, *де-*

(*) При счисленіи Евреевъ, вышедшихъ изъ вавилонскаго плѣна, съ дозволенія персидскаго царя Кира, и подъ предводительствомъ Зоровавеля, сказано, что ихъ вышло *четыре тмы двѣ тысящы триста шестьдесять*. — I. кн. Эздры, гл. 2. ст. 64. При описаніи города Ненивіи сказано, что въ немъ болѣе 12.0000 жителей: *въ немъ же живутъ множайшіи неже двонадесять темъ человѣкъ* — Пр. Іона гл. 4. с. II.

вяносто, два девяносто, пять девяносто, тысяча, тма (10.000), *двѣ тмы* (20.000), *три тмы* (30,000) (*).

Военноначальникъ десятитысячнаго отряда у Татаръ, господствовавшихъ надъ Россіею, былъ нами называемъ темникомъ, которой собственно именовался у нихъ *туменъ-бай*, а предки наши произвели его отъ тмы. Верховные сановники при ханскомъ дворѣ, носили это имя и въ мирное время, потому что это было самое высшее достоинство.

Изъ старинныхъ пѣсней XVII в. видно, что *тма* замѣнена *тьмою*, по испорченному употребленію, и она уже означала тысячу. При описаніи силы царя Калины, сказано:

Еще со Калиномъ сорокъ царей съ царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи (**).

Торговые расчеты производились на счетахъ, которые перенесены къ намъ *изъ Золотой* орды, выходцемъ Мурзою, родоначальникомъ Строгоновыхъ (въ концѣ XIV в.)

Лѣто означало въ древности время человѣческой долговѣчности, и было иногда началомъ новаго года, которой вели отъ наступленія лѣта; потомъ, когда стали вести времясчисленіе съ весны, полнолунія и весенняго равнодѣнствія, то превратилось лѣто въ наз-

(*) Herberst. Rer. Moscov. com. c. 61. ed. Antverp. 1557 г.

(**) Древн. русск. стихотвор., собр. Кирил. Даниловымъ, изд. 1818 г, с. 244. — Въ татарскомъ исчисленіи десять тысячь называется нынѣ онбингъ.

ваніе года. Но откуда происходитъ слово годъ? неизвѣстно. — *Году*, однознаменательское съ нашимъ *годъ*, донынѣ на польскомъ языкѣ означаетъ пиръ и веселіе. Лѣто и годъ праздновались Славянами, какъ начало полевыхъ трудовъ, ибо съ лѣтомъ начинались сѣнокосъ и жатва, и никакія не начинали работы безъ совершенія обрядныхъ угощеній и пира; потому годъ, тоже самое что веселіе, тѣсно былъ связанъ съ лѣтомъ.

Нынѣ лѣто и годъ, употребляется одно вмѣсто другаго, — но это не правильно. Подъ лѣтомъ должно разумѣть собственно трехъ мѣсячное теченіе времени (іюнь, іюль и августъ), а подъ годомъ двѣнадцать мѣсяцевъ.

Названіе мѣсяцевъ у африканскихъ и азіятскихъ народовъ.

Каждой народъ сохранилъ въ своемъ лѣтосчисленіи названія, соотвѣтственно времени года. Наши предки дѣлили годъ на 12 мѣсяцевъ, и каждому изъ нихъ дали названія, согласныя съ временными явленіями или дѣйствіями природы. — Наши мѣсяцы были солнечные, которые считались съ того времени, когда солнце въ теченіи своемъ проходило присвоенный каждому мѣсяцу знакъ небесный. Лунные же мѣсяцы употреблялись и употребляютъ понынѣ Евреи и Турки, считая время отъ одного новомѣсячія до другаго, т: е: 29 дн. 12 ч. 44′ и 3″. Изъ африканскихъ народовъ: Египтяне и Ефіопяне; изъ азійскихъ, Сиріяне, изъ европейскихъ, Греки, знали за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х., астрономическое исчисленіе года, которое потомъ принято Римлянами, съ измѣненіями; отъ нихъ оно распространилось по Европѣ. Вотъ названія мѣсяцевъ. У Египтянъ. 1. θοθι, сентябрь. 2. паοθι или фаοθι, октябрь 3. аθиръ, ноябрь. 4. хіакъ, декабрь. 5. тиви, генварь. 6. меширъ или мехиръ, февраль. 7. фаменоѳъ, мартъ. 8. фармонти или фармуѳій, апрѣль. 9. пахонъ, май. 10.

пайни, іюнь. 11. епифи, іюль. 12. мессири, августъ. Числа. древнихъ египетскихъ мѣсяцей, не сходны съ нашими: 1. θοθι начинается съ нашего 29 августа. 2. паοθι съ сентября 28. 3. аθиръ съ октября 28. 4. хіакъ съ ноября 27. 5. тиви съ декабря 27. 6. мехиръ съ генваря 26. 7. фаменοθъ съ февраля 25. 8. фармуθіи съ марта 27. 9. пахонъ съ апрѣля 26. 10. пайни съ мая 26. 11. епифи съ іюня 25. 12. мессири съ іюля 28.—Когда въ мѣсяцѣ тивѣ 11 число, тогда у насъ 6 генваря, праздникъ Богоявленія Господня.

у Эфіопянъ.

1. Тикмитъ.	7. Міазія.
2. Годаръ.	8. Жмиботъ.
3. Таскамъ.	9. Сене.
4. Тиръ.	10. Гаметъ.
5. Якатитъ.	11. Нагазъ.
6. Магабатъ.	12. Маскаракъ.

у Сирійцевъ.

1. Элулъ.	7. Адаръ.
2. Тизри 1.	8. Низакъ.
3. Тизри 11.	9. Гіаръ
4. Канумъ 1.	10. Газиранъ.
5. Канумъ 11.	11. Тамусъ.
6. Сабатъ.	12. Абъ.

у Грековъ.	*у Римлянъ.*
1. Горпеосъ.	1. Сентябрь.
2. Иперверетеосъ	2. Октябрь.
3. Діосъ,	3. Ноябрь.
4. Апеллеосъ.	4. Декабрь.
5. Авдинеосъ.	5. Генварь.
6. Перитіосъ.	6. Февраль.
7. Дистросъ.	7. Мартъ.
8. Ксанфикосъ.	8. Апрѣль.

9	Артемисіосъ.	9	Маій
10	Десіосъ	10	Іюнь.
11	Панемосъ.	11	Іюль.
12	Лоосъ (*)	12	Августъ.

У египтянъ былъ еще тринадцатый мѣсяцъ, составлявшій продолженіе августа, и назывался *эпагоменъ*. — У коптовъ онъ называется *низи*, когда годъ простой; а *Кебъ*, когда высокосный или прибавочный, за коимъ слѣдуетъ высокосный. —

Евреи, до плѣненія вавилонского, случившаго при вавилонскомъ царѣ Навуходоносѣ за 750 л. Р. Х., именовали нѣкоторые мѣсяцы иначе, нежели какъ они именуются нынѣ: 1 *авивъ*, мартъ а въ плѣнѣ вавилонскомъ *ниссанъ*, которой заимствовали отъ ассиріянъ 2. *изій* апрѣль, а въ плѣнѣ *іасаръ*, 3. *сиванъ*, май 4. *тамузъ*, іюнь, 5. *авъ*, іюль 6. *элулъ*, августъ 7. *ваванилъ*, сентябрь, въ плѣну вавилонскомъ *тисри*, которой позаимствовали отъ ассиріянъ, 8. *вулъ*, октябрь 9. *хаслевъ* ноябрь, 10. *тивиевъ*, декабрь. 11. *севатъ*, генварь 12. *адиръ*, февраль.

Каждой мѣсяцъ не имѣлъ полныхъ 30 дней, и въ теченіи столѣтія выходилъ неправильной тринадцатой.

(*) Приведенные мѣсяцы ефіопянъ, сирійцевъ и грековъ, должно здѣсь считать не съ генваря, а съ сентября мѣсяца, какъ обозначено по счету римскому съ 1 по 12, мѣсяцъ, т. е. съ сентября по августъ.

У грековъ назывались еще: μαιμάκτηριών сентяб., πυανεφιών окт., ἀνθεστηριών ноябр., ποσειδεών декаб., γαμηλεών генв., ἐλαφηβολιών февр., μουνυχιών мартъ, ϑαργηλιών апр., σκιροφοριών май, ἑκατομβαιών іюнь, μεταγειτνιών іюль., βοηδρομιών августъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Это дало поводъ къ раздѣленію года на 13 мѣсяцевъ, которой у нынѣшнихъ евреевъ начинается съ сентября, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1.) эль—эль (сентябрь), который имѣетъ 29 дн.; 2.) тишри (октябрь), 30 д.;—3) хешвенъ (ноябрь), 30 дн. 4) каслевъ (декабрь), 30 дн.; 5) тевешъ (генварь), 29 дн., 6) шеватъ (февраль), 30 дн.; 7) адеръ (мартъ), 29. д.; 8) ниссанъ (апрѣль), 30 дн.; 9) іеръ (май) 29 дн.; 10) сивень (іюнь), 30 дн., 11) тамосъ (іюль), 29 дн; 12) авъ или абъ (августъ), 30 дн.) 13) вейадеръ, добавочный мѣсяцъ. — У турковъ начинается годъ около 25 марта, и считается слѣдующимъ образомъ: 1) могареммъ (апрѣль) 30 дн., 2) сеферъ (май), 29 дн. 3) реби-уль-эвель (іюнь), 30 дн.; 4) реби–уль–ахиръ (іюль), 29 дн.; 5) джемаззи–уль–эвель (августъ), 30 дн.; 6) джемаззи–уль–ахиръ (сентябрь), 29 дн.; 7) регебъ (октябрь), 30 дн. 8) шабанъ (ноябрь), 29. дн.; 9) рамазанъ (декабрь) 30. дн.; 10) шеваль (генварь), 29. дн.; 11) зилькаде (февраль), 30. дн. 12) зильгадже (мартъ), 29. дн. —

Древнія названія славянскихъ мѣсяцевъ.

Русскіе Славяне имѣли другія названія мѣсяцевъ, нежели кіевскіе и подольскіе, а именно: 1) *просинецъ* (генварь), по малороссійски *сѣченъ*, по польски *styczeń*; 2) *сѣчень* (февраль), по малороссійски *лютый*, по польски *luty;* 3) *сухій* (мартъ), по малоросійски *березозоль*, по польски *marzec*; 4) *березозоль* (апрѣль), по малоросійски *цвѣтень*, по польски *kwiecień*; 5) *травный* (май), по малоросійски *травенъ*, по польски *maj*; 6) *изокъ* или *высокъ* (іюнь), по малороссійски и по польски *czerwiec*; 7) *червень* (іюль), по малороссійски и по польски *lipiec*: 8) *заревъ* (августъ), по малороссійски и по польски *serpień*. 9) *рюенъ* (сентябрь), по малороссійски *вресень*, по польски *wrzesień*; 10) *листопадъ* (октябрь), по малороссійски и по польски *październik* ; 11) *грудень* (ноябрь), по малороссійски и по польски *listopad*; 12)

студеный (декабрь), по малороссійски *студень*, по польски *грудень*. — (*)

Названія этихъ мѣсяцевъ произошли отъ временъ года и земледѣльческихъ занятій. *Просинецъ* (генваръ) объясняютъ отъ синеты неба; *сѣчень* (февраль), малороссійскій сѣчень (генваръ), соотвѣтствуетъ смыслу *сѣчь*. Но что онъ значитъ?—трудно сказать навѣрное. Въ это время бываютъ постоянно сильные морозы, которые всё посѣкаютъ, посему можно полагать, что названіе сѣчень, дано по этой причинѣ, какъ польскій *люты*, отъ лютыхъ морозовъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ XV ст. встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ, генваръ и февраль подъ названіемъ *свадебъ*, потому что въ это время совершались всего чаще свадьбы. «Явися звѣзда хвостатая на западной странѣ, и въ схожаше съ прочими звѣздами отъ свадебъ до вербной субботы» (**) У древнихъ грековъ самой генваръ мѣсяцъ назывался женидьбеннымъ γαμηλιών, по совершенію въ немъ свадьбъ (***) Польскій *стычень* (генваръ), отъ столкновенія частыхъ морозовъ. Русскій *сухій* (мартъ), отъ весенней засухи. Руссій *березозолъ* (апрѣль), малороссійскій березозолъ (мартъ), отъ пріуготовленія березовой золы для щелока; а польскій *марзецъ* (мартъ), отъ слова *marznać*, мерзнуть, потому что въ это время бываютъ перемежающіеся вечерніе морозы. Малороссійскій цвѣтень, а

(*) Кар. И. Г. Р. т. 1. пр. 159.

(**) Новгород. лѣт. подъ 1402 г.; Кар. И. Г. Р. т. V. прим. 222 и 386. подъ 1460 г.

(***) γαμηλιών генваръ, происходитъ отъ γαμέω женюсь, отсюда Гименей, богъ браковъ, а Ганимедъ, отъ γάνυμα, веселюсь, радуюсь, означалъ у нихъ веселіе брачное.

польскій *квецень* (анрѣль), произошли отъ разцвѣтающей весны. Русскій и малороссійскій *травень* (май), значатъ время, въ которое все покрывается травами. Польскій *май*, отъ латинскаго мѣсяца май. *Высокъ* или *изокъ* (іюнь), вѣроятно отъ высоты солнца, которое въ это время находится на высшей точкѣ лѣтняго равноденствія, и тогда бываютъ самые большіе дни. Экзархъ болгарскій, въ своемъ предисловіи *къ шестодневу*, ставитъ *изокъ* въ числѣ птицъ; но въ его переводѣ «бесѣда Василія Великаго» (с. 240), сказано: *не точію бо изоци въ дождь се раждаютъ*. — Могутъ ли птицы раждаться отъ дождевой воды? Экзархъ болгарской включилъ изокъ въ число птицъ, слѣдуя Василію великому, которой въ девятой своей бесѣдѣ, причисляетъ летающихъ насѣкомыхъ къ роду пернатыхъ. Въ премудрости Іисуса Сираха (гл. 11. с. 8.) сказано: *мала есть въ пернатыхъ пчела*.—Эпифаній Славеницкій переводитъ изокъ *сверщомъ* — *Не бо точію сверщы въ надожденіихъ выходятъ*, слѣдовательно Славеницкій уже понималъ естественную исторію: но онъ, въ другомъ мѣстѣ спрашиваетъ самого себя, съ удивленіемъ: *кій образъ пѣснопѣнія сверща*? Въ кіевскомъ славенороссійскомъ лексиконѣ (1527 г.) *сверщъ* значитъ *коникъ*, *скачокъ*, *сверчокъ*. — Изъ всего этаго видно, что *изокъ* есть сверчокъ, кузнечикъ (cicada).—Древніе думали, что кузнечики поютъ. Извѣстно, что эти насѣкомыя производятъ звукъ, отъ частаго и крѣпкаго тренія своихъ крылушекъ, и являются во множествѣ послѣ дождей въ теплые дни, что бываетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, которой, безъ сомнѣнія, по сему такъ и названъ (*). — Чер-

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX., см. прибавленіе къ сему тому. — Гомеръ однако описываетъ цикаду такъ:

вецъ (іюнь), по малороссійски и польски названъ отъ множества, появляющихся въ то время красильныхъ червей. Какъ красильное вещество, оно называется еще *камаха*. Нѣкоторые думаютъ, что только іюля 8. можно отыскивать камахъ, около одного куста, нарочно сюда собирающихся, по сему кто встанетъ всѣхъ ранѣе, тому предстоитъ счастіе собирать ихъ. Русскій *червень* (іюль), отъ плодовъ и ягодъ, которыя, во время своей зрѣлости, бываютъ красныя, *червоны*. — *Липецъ* (іюль), малороссійскій и польскій, отъ дерева липы, достигающей въ это время полнаго цвѣта и издающей запахъ, подобно липецкому меду. Самой лучшій медъ есть тотъ, которой собирается пчелами съ липъ и гречихи. Нынѣшній липецкій медъ, получилъ свое названіе отъ города *Липецка* (тамбовской губерніи), гдѣ умѣютъ пріуготовлять его преимущественно предъ другими.—Русскій *заревъ* (августъ), отъ сіянія зарницы. *Серпень* (августъ), малороссійскій и польскій, отъ серповъ, потому что тогда жнутъ серпами созрѣлой хлѣбъ. Руской *рюень* (сентябрь), объясняютъ иллирическимъ глаголомъ *rujan*,—рюмить, плакать. Но не отъ того ли рюень, что начинаются сентябрьскіе дожди? — Малороссійской *вресень*, польской *вржесень* сентябрь, отъ *wrzesnia*, тамарковаго дерева. — Рус-

---

Старцы, уже не могучіе въ брани, но мужи совѣта
Сильные словомъ, цикадамъ подобные, кои по рощамъ
Сидя на вѣтвяхъ деревъ, разливаютъ голосъ ихъ звонкой.

Гнѣдичъ думаетъ, что эта цикада (τεττιξ), не стрекоза и не кузнечикъ, и въ Россіи неизвѣстна, и что древніе употребляли ихъ въ пищу. Гнѣд. Ил. Гомер. пѣсн. III ст. 150–153. Arist. Hist. animal. кн. V. гл. XXX.

скій листопадъ (октябрь), отъ паденія листовъ. Малороссійской и польской листопадъ есть ноябрь, означаетъ паденіе листовъ, между тѣмъ, какъ малороссійской и польской *паздерникъ* (октябрь), показываютъ глубокую осень. Русскій *грудень* (ноябрь), отъ груды снѣга. Зимняя дорога называлась въ старину грудянымъ путемъ.—Русской и малороссійской *студень* (декабрь), значитъ морозный, студеный мѣсяцъ, когда вѣютъ холода и стоятъ стужи. Польскій *грудень* (декабрь), значитъ зимній путь. —

Съ котораго времени прекратилось у насъ названіе мѣсяцевъ славянскихъ? Этого неизвѣстно. У поляковъ доселѣ въ употребленіи свои древнія названія. Изъ отечественныхъ лѣтописей видно, что мѣсяцы именовались, въ первые времена основанія нашего государства, такъ же, какъ нынѣ. Преподобный Несторъ, говоря о переводѣ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ, Св. Меѳодіемъ (около 850 г.), пишетъ: *приложиста вся книги въ шесть мѣсяцъ, начеше отъ марта мѣсяца до 12 октября мѣсяца.* Въ древнѣйшемъ договорѣ Олега съ греками, въ 911 г., подписано: *сентябрь 2., недѣли 8, въ лѣто созданія міра 6,420.* Нигдѣ мнѣ не случалось читать, чтобы названія славянскихъ мѣсяцевъ употреблялись послѣ этоговремени. Быть можетъ, что до временъ Нестора, жившаго въ первой половинѣ XI. в., употреблялось еще славянское названіе мѣсяцевъ.

Значеніе латинскихъ мѣсяцевъ.

Наши предки переняли латынскія названія, отъ восточной имперіи.

Генварь, первый въ году мѣсяцъ, назывался *януарій*. Имя это онъ получилъ отъ Януса, бога мира. Въ царствованіе Ромула (за 750 л. до Р. Х.), было въ году десять мѣсяцовъ, и годъ тогда начинался съ марта мѣсяца.—Наслѣдникъ Ромула, Нума Помпилій, построилъ въ Римѣ храмъ въ честь Януса или Януарія, который,

во время военныхъ дѣйствій, отворялся, и сюда стекались для умилостивленія божества. Истуканъ Януса изображался съ двумя лицами: одно означало прошедшій годъ, а другое наступающій новой.

Римляне въ началѣ сего мѣсяца посѣщали другъ друга, поздравляли и взаимно дарили, таковые подарки назывались *strenae*, въ новой мѣсяцъ.

Греки называютъ генварь *гамиліонъ*, женьбеный,— потому что они имѣли обычай совершать, въ семъ мѣсяцѣ, брачные договоры и торжества. Императоръ франковъ, Карлъ В., наименовалъ генварь Winter Monat, зимній мѣсяцъ.—*Февраль* или *февруарій* получилъ свое названіе отъ februare, потому что римляне отправляли, въ это время, празднество въ честь Плутона и Юноны, которая называлась февруалія. Это празднество имѣло въ виду два предмета: а) очищеніе гражданъ отъ грѣховъ, и б) поминовеніе умершихъ и приношеніе жертвъ, для умилостивленія тѣней. Карлъ В. назвалъ этотъ мѣсяцъ Hornung, грязный (отъ древняго нѣмецкаго слова *горъ*, грязь), и понынѣ онъ называется, въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи Hart-Monat, грязный мѣсяцъ, потому что въ сіе время земля, начиная таять, производитъ грязь.

Въ Библіи *мартъ* называется *авивъ*, и считается первымъ мѣсяцемъ въ году. Полагаютъ, что въ этомъ мѣсяцѣ Богъ создалъ видимый міръ, и перваго человѣка со всѣми животными. Самъ Богъ сказалъ Моисею и Аарону: *мѣсяцъ сей вамъ начало мѣсяцемъ, первый да будетъ вамъ въ мѣсяцѣхъ лѣту* (*). Израильтя-

(*) Исходъ глав. 2., Четьи-минея: о календарѣ эллино-римскомъ древнѣйшимъ, на обор. л. 177. изд. 1815 г.

не праздновали въ этомъ мѣсяцѣ Пасху, и исходъ свой изъ египетской неволи; а Единородный Сынъ Бога Отца, сошелъ на землю.

У римлянъ *мартъ* былъ первымъ въ году. Названіе марта далъ Ромулъ, по имени мнимаго своего отца Марса, бога войны. Въ семъ мѣсяцѣ, однажды въ годъ, зажигали Весталки неугасимый огонь, въ честь богини Весты или непорочности. Мартъ считался несчастнымъ для бракосочетаній, какъ май. Карлъ В. назвалъ мартъ Lenz-Monat, весенній мѣсяцъ. Марта 9 бываетъ весеннее равноденствіе, подъ знакомъ овна: день и ночь тогда равныя, солнце дѣлаетъ поворотъ къ лѣту, дни начинаютъ постепенно увеличиваться, а ночи уменьшаться, и это продолжается до лѣтняго поворота, іюня 10.

Апрѣль получилъ свое названіе отъ ab aperienda terra, возобновленія земли, ибо въ это время она открываетъ богатыя произведенія цвѣтущей весны.—Этотъ мѣсяцъ былъ посвященъ римлянами Венерѣ, какъ богинѣ красоты и рожденія. У македонянъ апрѣль былъ первымъ мѣсяцемъ въ году (*). Карлъ В. назвалъ этотъ мѣсяцъ Oster-Monat, пасхальный, потому что въ это время чаще праздновали Пасху.

Май названъ Ромуломъ, въ память раздѣленія народа на majores, (предковъ). Карлъ В. назвалъ Wonn-Monat, радостный мѣсяцъ, потому что въ это время весна въ полной красѣ.

Іюнь или *юній*, въ церковныхъ книгахъ *іуній*. Имъ называлась у римлянъ богиня Юнона, — Iuno. Онъ

(*) Bajerus: Doctrina temporum indica, c. 158. ed. Petropol. 1738. г.

былъ посвященъ юношамъ. — Другіе производятъ его отъ консула Юнія Брута, потому что онъ, по лишенію престола царя Тарквинія гордаго (за 500 л. до Р. Х.), и по изгнаніи его со всѣмъ семействомъ изъ Рима, приносилъ въ это время благодарственную жертву богинѣ Карнѣ, на горѣ Целіѣ.— Карлъ В. назвалъ Brach-Monat, мѣсяцъ воздѣлыванія, — потому что въ это время всѣ поля воздѣланы и покрыты плодами. Въ этомъ мѣсяцѣ 10 числа, бываетъ долгайшій лѣтній день: 18 час. 29′, и самая маленькая ночь: 5 ч. и 31′. Солнце дѣлаетъ поворотъ къ осени; дни начинаютъ постепенно уменьшаться, а ночи увеличиваться. Въ Петербургѣ съ 6 числа по 14 ч. восходитъ солнце въ 2 ч. 19′, а заходитъ въ 9 часовъ 14′. Небо бываетъ покрыто, до солнечнаго восхода, краснымъ заревомъ, а ночь свѣтлая, какъ день.

Іюль по церковнымъ книгамъ *іулій*, назывался сначала *квинтилисъ*, пятый, поелику онъ былъ пятымъ мѣсяцемъ въ году, считая годъ съ марта. — Маркъ Антоній повелѣлъ, будучи консуломъ, чтобы сей мѣсяцъ впредь называли *Юліемъ*, въ честь Юлія Цезаря, который родился въ томъ мѣсяцѣ. Карлъ В. назвалъ Heu-Monat, сѣнокосный, потому что въ это время производится повсемѣстный сѣнокосъ.

Августъ названъ римлянами въ честь Октавія Августа, перваго ихъ императора, бывшаго прежде первенствующимъ консуломъ. Въ семъ мѣсяцѣ онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Римъ, и всѣ важныя дѣянія его царствованія, случились въ августѣ. Храмъ Януса, которой стоялъ 200 л. отвореннымъ, по случаю безпрерывныхъ войнъ, затворился навсегда въ томъ же мѣсяцѣ. Карлъ В. наименовалъ Ernd-Monat, жатвенный, потому что въ это время собираютъ повсюду жатву.

Сентябрь, по церковному *сентемврій*. Сентябрь такъ названъ Ромуломъ потому, что по его исчисленію онъ былъ седьмымъ въ году, которой начинался тогда съ марта мѣсяца. Импер. Августъ первый установилъ исчисленіе индиктіоновъ съ сентября, продолжавшихся до Константина В. Этотъ императоръ, побѣдивши Максентія, гонителя христіянъ, даровалъ имъ свободу, и вскорѣ потомъ, на первомъ вселенскомъ соборѣ установлено святыми отцами вести христіянскіе индиктіоны, которые считаютси доселѣ, въ воспоминаніе торжества истинной вѣры надъ языческой. Многіе изъ римскихъ императоровъ называли его своимъ именемъ, но послѣ ихъ смерти, онъ назывался по прежнему.

Во всей Европѣ долгое время считался новой годъ съ сентября, а у насъ до 1700 г.—Карлъ В. назвалъ сентябрь Herbſt-Monat, осенній. — Сентября 10. бываетъ осеннее равноденствіе, солнце дѣлаетъ поворотъ къ зимѣ, день и ночъ равныя; но день начинаетъ уменьшаться, ночь прибавляться и это продолжается до 9 декабря.

Октябрь, по церковному *октемврій*, по Ромулову исчисленію восьмой мѣсяцъ. Римскіе императоры и сенатъ, давали ему разныя проименованія, и онъ долгое время назывался *Фавстини*, въ честь супруги Антонина, и *Домиціанъ*, по имени импер. Домиціана; но этотъ мѣсяцъ удержалъ прежнее свое имя. Карлъ В. назвалъ его Wein-Monat, виноградной, потому что въ это время занимаются собираніемъ винограда.

Ноябрь, по церковному *новембрій*, по Ромулову исчисленію девятой (отъ латин. слова *novet*, (девять). Императ. Комодъ велѣлъ называть его *тогамъ виримъ* (togam virilem), потому что онъ получилъ въ это время одежду, называемую тога, которую носили консулы и знатные люди, и вмѣстѣ съ отцемъ онъ по-

здравленъ императоромъ. Послѣ ихъ смерти, этотъ мѣсяцъ удержалъ прежнее свое названіе.

Декабрь, по церковному *децемврій*, названъ (въ 450 г. до Р. Х.) по случаю римскихъ децемвировъ, правителей десяти мужей, которые, желая продлить еще на мѣсяцъ свою власть, установили, чтобы февраль былъ не послѣднимъ, а вторымъ въ году. — По Ромулову исчисленію онъ названъ десятымъ (decem), потому что онъ былъ въ его время десятымъ въ году. Карлъ В. назвалъ Heil-Manat, здоровой, и Winter-Monat зимній. Въ декабрѣ 9 ч. самой короткій день: 5 час. 31′, а ночь самая продолжательная: 8 ч. 29′. Солнце вступаетъ тогда въ знакъ козерога и дѣлаетъ поворотъ на зиму. Въ Петербургѣ, съ 6 по 19 число, солнце восходитъ въ 9 часовъ 14′; а заходитъ въ 2 ч. 46′.—

Французы, при введеніи у нихъ республиканскаго правленія, въ 1792 г., считали начало новаго года съ 11 сентября; годъ раздѣляли на 12 мѣсяцевъ, изъ коихъ каждой былъ въ 30 дн., къ концу каждаго года прибавляли 5. дн., для составленія 365. дн., а чрезъ три года прибавляли къ четвертому 1. день, чтобы имѣть высокосный въ 366 дн.—Названіе ихъ мѣсяцевъ, было слѣдующее:

1. Ваадемьеръ	—	11. сентяб.	виноградный.	—
2. Брюмеръ	—	11. октяб.	туманный.	—
3. Фримеръ	—	10. ноябр.	изморозный.	—
4. Нивозъ	—	10. декабр.	снѣжный.	—
5. Плювіозъ	—	9. генвар.	дождливый.	
6. Вантозъ	—	8. феврал.	вѣтренный.	
7. Жерминаль	—	10. март.	прозябательный.	
8. Флоріаль	—	9. апрѣл.	цвѣтной.	
9. Преріаль	—	9. мая	луговой.	
10. Мессидоръ	—	8. іюня	жатвенный.	

11. Термидоръ — 8. іюля, жаркій.
12. Фруктидоръ — 7. августа, плодоносный. —

Каждой мѣсяцъ состоялъ изъ трехъ недѣль, а недѣля изъ 10. дн., которые назывались: 1. примиди, 2. дуоди, 3. триди, 4. квартиди, 5. квинтиди, 6. секстиди, 7. септиди, 8. октиди, 9. нониди, 10. декади. —

По возвращеніи престола династіи Бурбоновой, французы ввели прежнее исчисленіе и названіе мѣсяцевъ, недѣлей и дней, какъ нынѣ умотребляютъ всѣ европейцы. —

При раздѣленіи древними римлянами года на 12 мѣсяцевъ, должно еще замѣтить, что мѣсяцъ дѣлился у нихъ на три части: *календы*, *ноны* и *иды*. Календы отъ греческаго слова *калео*, созываю, означали созываніе народа въ первое число, каждого новаго мѣсяца, для совершенія праздника. Тутъ жрецы объявляли: въ какой день будутъ отправляться жертвоприношенія богамъ, и сколько въ томъ мѣсяцѣ нонов и идовъ. Потому календы, правильнѣе могутъ называться у насъ *новомѣсячіемъ*.

Ноны суть дни послѣ новомѣсячія, въ которые производились всѣ общественныя дѣла. Названіе нонов позаимствовано римлянами изъ Этруріи, по завоеваніи ими этой области. Тамъ прежде былъ обычай, что народъ въ каждой девятой день, поздравляя своего царя съ *ономъ* или *девятицею*, приносилъ ему жалобы, потому *nonus*, понынѣ сохранившійся на латинскомъ языкѣ, остался при прежнемъ значеніи девять.

Иды, а правильнѣе *идосъ*, означали окончательный день мѣсяца; по нимъ считали дни календовъ и самые праздники.

Астрономическое исчисленіе мѣсяцевъ изображается особыми знаками, которые ведутся съ марта мѣсяца, а именно: ♈ овенъ (мартъ), ♉ телецъ (апрѣль), ♊ близнецы (май), ♋ ракъ (іюнь), ♌ левъ (іюль), ♍ дѣва (августъ), ♎ вѣсы (сентябрь), ♏ скорпіонъ (октябрь), ♐ стрѣлецъ (ноябрь), ♑ козерогъ (декабрь), ♒ водолей (генварь), ♓ рыбы (февраль). — Мартъ (овень) и апрѣль (телецъ), названы потому такъ, что въ это время наиболѣе раждаются овцы, теленки и козы; май — близнецами потому, что тогда родятся въ большемъ числѣ близнецы, нежели въ другое время. — Іюнь, находящійся подъ созвѣздіемъ рака, производитъ тогда въ изобиліи раковъ; іюль обозначенъ львомъ, потому что это весьма жаркій мѣсяцъ. Онъ называется еще каникульнымъ, потому что тогда собаки подвергаются бѣшенству отъ чрезмѣрныхъ жаровъ. Въ это время повсюду собираютъ жатву съ полей. — Созвѣздіе дѣвы изображается въ видѣ дѣвушки, держащей въ рукахъ колосья; сентябрь, подъ знакомъ вѣсовъ, въ напоминаніе осенняго равноденствія. Октябрь, подъ знакомъ скорпіона, по причинѣ дурнаго и нездороваго времени. Ноябрь, подъ знакомъ стрѣльца, какъ начало звѣриной охоты. Декабрь, подъ знакомъ козерога, ибо тогда козы преимущественно проводятъ время на горахъ. — Генварь, подъ знакомъ водолей, — въ это время разливаются воды въ южныхъ странахъ. Февраль, подъ знакомъ рыбъ, — тогда рыбы мечутъ икру. —

Астрономическіе знаки мѣсяцевъ.

Исчисленіе года по мѣсяцамъ, называется *календаремъ* или мѣсяцословомъ, а по церковному святцы. Календарь происходитъ отъ латинскаго слова *calenda* (календы), коими обозначали Римляне первыя числа каждаго мѣсяца. Богиня Юнона называлась calendaris (календарисъ), потому что ей были посвящены календы. —

Значеніе календаря и святцевъ.

Отъ календарисъ произошло названіе календаря, который у насъ весьма правильно замѣняется названіемъ мѣсяцослова. Святцы есть тоже самое что мѣсяцословъ, съ тою разницею, что въ нихъ преимущественно показываются событія церкви, дни праздниковъ святыхъ угодниковъ, съ краткимъ описаніемъ ихъ дѣлъ. Отъ слова святый, произошло сокращенное *святцы*. Изъ нихъ особенно славятся, своимъ достоинствомъ и древностію, кіевскіе, а потомъ московскіе. —

Раздѣленіе времени на недѣли.

Раздѣленіе времени на недѣли, есть весьма древнее. Изъ библіи извѣстно, что сотвореніе міра совершилось въ шесть дней, — слѣдовательно Евреямъ было извѣстно раздѣленіе времени на педѣли или семь дней. Надобно полагать, что всѣ древніе народы имѣли свои недѣли и названія педѣльныхъ дней. — Въ простомъ году считается 52 педѣли и 1. день, а въ высокосномъ 52 недѣли и 2 дни. Наша церковь начинаетъ недѣлю съ вечера субботы, или съ захожденія солнца; а въ гражданскихъ дѣлахъ недѣля начинается съ понедѣльника поутру.

Значеніе семи дней.

Понынѣ всѣ народы имѣютъ особыя свои названія для семи дней. — У насъ тоже самое. Понедѣльникъ означаетъ первый день по недѣлѣ; вторникъ, второй; среда, средину недѣли; четвергъ или чертвертокъ, четвертый день; пятница, пятый; суббота, день отдохновенія, заимстованъ отъ Евреевъ, у коихъ онъ значитъ праздничное время. — Воскресенье, въ воспоминаніе Воскресенія Іисуса Христа. — У Турокъ воскресный день замѣняется пятницею. — У Французовъ, Италіянцевъ, Гишпанцевъ и Португальцевъ, недѣльные дни названы по созвѣздіямъ. — Понедѣльникъ носитъ названіе луны, вторникъ Марса, середа Меркурія, четвергъ Юпитера, пятница Венеры, суббота Сатурна, воскресеніе солнца. У германскихъ народовъ понедѣль-

никъ, луна; вторникъ, рабочій день; среда, средина недѣли; четвергъ, громовой день; пятница, свободный день отъ работы, потому что у нихъ земледѣльцы, въ прежнія времена, не ходили въ этотъ день на барщину, употребляя его въ свою пользу. Суббота, солнечный вечеръ. — Почему онъ такъ названъ?—неизвѣстно.—Воскресенье, солнечный день или радостный.— Когда введено исчисленіе недѣль и дней въ Россіи?—до введенія ли христіянства, или послѣ? По лѣтописямъ ничего невидно, чтобы наши предки—язычники, употребляли названіе нынѣшнихъ дней: но, по введеніи христіянства, мы видимъ названія дней и недѣль, тѣже самыя, какъ и нынѣ. — Слово недѣля означаетъ недѣльные, нерабочіе дни. Отъ чего такъ названо? Не потому ли что въ старину русскіе, и нѣкоторые дунайскіе Славяне, не любили заниматься много работою, и что, самая недѣля была для многихъ, недѣля праздниковъ. У малороссіянъ *недыля*, у поляковъ *nidziela*, у богемцовъ, моравцевъ и прочихъ задунайскихъ Славянъ *nedĕle* означаетъ воскресенье, или недѣльной, нерабочій день; напротивъ того седьмица выражается у малороссіянъ чрезъ *тыждень* у поляковъ *tydzien*, а у прочихъ Славянъ чрезъ недѣлю. У литовцевъ недѣля называлась *семидневіе*. Счетъ ихъ дней начинался съ пятницы, которая почиталась праздникомъ, какъ наше воскресенье. —

Исчисленіе дневнаго времени, и первые боевые часы.

По принятіи христіянской вѣры, сутки дѣлились у насъ на 24. ч., но дни считали отъ восхожденія до захожденія, а ночи отъ захожденія до восхожденія солнца, что продолжалось до 1699 г. Древніе и всѣ восточные народы, считали день отъ восхожденія до захожденія солнца. Астрономы ведутъ день отъ полудни до полуночи, турки чрезъ четверть часа по захожденіи солнца, а европейцы съ полуночи до полуночи.

Государь Петръ I. повелѣлъ построить въ разныхъ мѣстахъ колокольни, съ боевыми часами, и тогда начали считать время съ полудня, по пробитіи 12 часовъ. (*) Первое боевые часы явились въ Москвѣ 1404 г., на дворѣ В. К. Василія, сына донскаго, которые доставилъ ему монахъ Лазарь Сербинъ.—Подъ именемъ дня, разумѣется солнечное теченіе на горизонтѣ, а подъ именемъ ночи сокрытіе солнца на нашей планетѣ. Обращеніе земли около своей оси, произвело суточное движеніе, а около солнца годичное кругообращеніе или годъ. —

Не всѣ христіянскіе праздники приходятся въ одно время, а потому они и раздѣляются на *подвижные* и *неподвижные*, или на перемѣняемые и неперемѣняемые. —

Пасхалія

Пасху праздновали прежде въ одно время съ евреями, до 310 г.; но въ послѣдствіи установили на никейскомъ соборѣ праздновать отдѣльно отъ іудейской, и всегда въ воскресенье, посему она постоянно приходится въ воскресенье, только не въ одно число. —

Это Воскресенье есть первый воскресный день по полнолуніи, считая отъ мартовскаго рявноденствія. Если Пасха случится въ день полнолунія, то празднованіе должно быть въ седьмой день; если въ субботу, то въ осьмой день. Но послѣ весенняго равноденствія, Пасха приходится въ одно и тоже число. Чтобы знать безошибочно: въ которомъ году, и въ которое число будетъ Пасха?—надобно прибѣгать къ исчисленію пасхальному, отъ коего зависятъ всѣ подвижные празд-

---

(*) Бар. Гизенъ: Журналъ его, напечатанный въ запискахъ Туманскаго ч. III. с. 113.

ники. Пасхальнымъ оно называется потому, что дѣлается посредствомъ науки, именуемой *пасхаліею* (*), въ коей руководствуются для отысканія дня Пасхи, круговыми вычисленіями, подъ именемъ: 1. *круга солнца* 2. *круга луны* 3. *круга индикта* 4. *основанія* и 5. *эпакты*.

Солнечнымъ кругомъ называется 28 лѣтнее пространство времени, которое начинается и оканчивается въ одинъ день, — послѣ 28 л.

Кругъ луны значитъ обращеніе ея въ 19. л., по прошествіи коихъ, новолуніе и полнолуніе возвращаются на прежніе дни. Новолуніе или новой мѣсяцъ изображается знакомъ ●, первая четверть луны ☽, полной мѣсяцъ ☽, послѣдняя четверть ☾. — Кругъ индикта составляетъ 15 лѣтнее время. Онъ установленъ имп. Августомъ, для правильнаго взноса податей, чрезъ каждые пять лѣтъ въ три срока, посему каждый пятилѣтній кругъ назывался *люстромъ*. — Люстръ начинался съ сентября 1. Восточная церковь положила праздновать индиктъ, такъ же съ сентября 1., въ память побѣды, одержанной Константиномъ Великимъ (въ 312 г.), надъ своимъ врагомъ Максентіемъ, который былъ жестокимъ преслѣдователемъ христіянъ. — Есть еще индиктіонъ: онъ состоитъ изъ 28 солнечныхъ и

(*) Митроп. Зосима поручилъ сдѣлать исчисленіе церковнаго круга, съ согласія епископовъ, новгородскому епископу Геннадію. Вычисленія послѣдняго повѣрялъ пермскій епископъ Филофей, и утвердилъ вѣрность. Послѣ означилъ Геннадій круги солнечные, лунные. основанія, эпакты, врупѣ лѣто и ключи границъ, отъ 533–7980 г. Созванный посему дѣлу соборъ, въ 1505 г., подтвердилъ вовсей силѣ его лѣтосчисленіе, и тогда вновь утверждено начинать новой годъ индиктомъ съ 1 сентября.

19 лунныхъ круговъ, кои, помноженные между собою, составляютъ индиктіонъ или 532 года.

Вруцѣ лѣто есть буква, показывающая воскресный день каждаго года. Такихъ буквъ въ пасхаліи семь: А. Б. Г. Д. Є. З. Ѕ.—Эти буквы отмѣчаются часто соотвѣтствующими имъ числами: 1 = А, 2 = Б, 3 = Г, 4 = Д, 5 = Є, 6 = Ѕ, 7 = З. — Извѣстно, что простой годъ состоитъ изъ 52 недѣль и 1. дн., а высокосный изъ 52 нед. и 2. дн.; то посему въ каждый простой годъ, воскресная буква будетъ слѣдующая по прошлогодней, а въ высокосный чрезъ одну букву. Въ гражданскихъ мѣсяцословахъ замѣненыдни недѣльные, астрономическими знаками а именно: ☾ (луна), понедѣльникъ; ♂ (марсъ), вторникъ; ☿ (меркурій) середа; ♃ (юпитеръ) ,четвергъ; ♀ (венера), пятница; ♄ (сатурнъ) суббота; ☉ (солнце), воскресенье — Счетъ вруцѣ-лѣтій ведется съ марта мѣсяца.—Основаніе есть14 число, показывающее съ перваго числа марта, день давности луны. По свидѣтельству Святаго Іоанна Дамаскина и заключеніямъ пасхалистовъ, луна создана въ четвертый день и была тогда полная, потому давность ея была въ то время 14 дней. —

Эпакта есть разность между солнечнымъ, гражданскимъ и астрономическимъ годами, и состоитъ изъ 11 сутокъ. Ключъ границъ или иначе *исправа*, показываетъ дни, въ которые приходится Пасха. Дни эти означаются 35. азбучными буквами, потому что для границъ Пасхи опредѣляется 35 дн., между 21. марта и 26 апрѣля: ибо она никогда не бываетъ ранѣе 22 марта и позже 25 апрѣля, а сіи то 35 дн. и называются ключемъ границъ. —

Подвижные и не подвижные праздники.

Многіе праздники предшествуютъ Пасхѣ, а другіе слѣдуютъ послѣ нея, и бываютъ въ разныя числа мѣсяцевъ, ранѣе или позже, почему называются *подви-*

жными и *неподвижными*. Первые бываютъ не въ одни числа, вторые всегда приходятся въ одно число. Къ подвижнымъ праздникамъ принадлежатъ: Пасха, Вознесеніе Господне, которое празднуется чрезъ 40 дн. отъ Христова Воскресенія, — установлено въ III. в. — Пятидесятница, въ 50 день по Свѣтломъ Воскресеніи, или въ 10 день по Вознесеніи. Этотъ праздникъ иначе называется Сошествіе Святаго Духа, или день Свят. Троицы; — Преполовеніе за двѣ недѣли до Вознесенія, Петровъ постъ чрезъ недѣлю послѣ Троицы и проч. Къ неподвижнымъ праздникамъ относятся: воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ въ христіянскомъ мірѣ, освященныя церковью, какъ то: страданія мучениковъ и мученицъ и ихъ смерть, явленія чудотворныхъ иконъ и мощей угодниковъ Божіихъ, одержаніе побѣдъ надъ врагами отечества, избавленіе народовъ отъ разныхъ бѣдствій или освобожденіе ихъ отъ иноземнаго ига, дни рожденій и тезоименитствъ царствующаго дома. Важнѣйшіе неподвижные праздники суть: Новой годъ, Богоявленіе, или Крещеніе Господне, генваря 6; Стрѣтеніе Господне, февраля 2; Благовѣщеніе, марта 25; день Чудотворца Николая, маія 9; Рождество Іоанна Предтечи, іюня 24; Св. Апостоловъ Петра и Павла, іюня 29; Успенскій постъ съ 1 по 15 августа; Преображеніе Господне, августа 6; Успеніе Св. Богородины, августа 15; Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, августа 29. — Екатерина В. указала совершать въ этотъ день поминовеніе о православныхъ, воинахъ и о всѣхъ убіенныхъ на брани за Вѣру и отечество. — Рождество Св. Богородицы, сентября 8; Воздвиженіе Честнаго Креста Господня, сентября 14; Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, сентября 29; Покровъ Св. Богородицы, октября 1.; Рождественской или Филиповъ постъ, съ 15

ноября по день Рождества Христова; Введеніе во храмъ Св. Богородицы, ноября 21; день Чудотворца Николая, декабря 6; Рождество Христово, декабря 25. —

Каждой народъ сохраняетъ гражданскіе свои праздники, которые имѣютъ особое значеніе, напримѣръ: основаніе политическаго бытія государствъ, принятіе вѣры, основаніе столичныхъ городовъ, знаменитыя битвы, освобожденіе отъ иноземнаго ига, учрежденіе учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ, важнѣйшія открытія и изобрѣтенія въ наукахъ; время государственныхъ постановленій и законовъ, восшествіе на престолъ, орденскія празднества, воспоминанія о дняхъ рожденія и смерти великихъ царей, законодателей, героевъ и іерарховъ церкви. Обо всемъ этомъ ведутся, въ исторіи и мѣсяцословахъ, памятныя записки.

II. КРЕЩЕНІЕ.

О неизвѣстности средствъ для облегченія родильницъ.— Бабы или бабки. — Очистительная молитва и совершеніе обряднаго обыкновенія, въ Царскомъ домѣ. — Простосердечное понятіе объ роженицахъ. — Угощеніе отца новорожденнаго. — Порушка и дареніе. — Кумовья и крестные родители. — Отреченіе. — Постриженіе. — Время крещенія. — Крестильницы и значеніе церковной бани.— Родильные подарки. — Ношеніе въ ладонкѣ или мошонкѣ, и рожденіе въ сорочкѣ. — Даваніе имени. — Празднованіе дней рожденія. — Имянины и день ангела. — Тезоименитство. — Нынѣшніе имянины.

II.

КРЕЩЕНІЕ.

О неизвѣстности средствъ, для облегченія родильницъ.

Отечественныя лѣтописи ни слова не говорятъ о тѣхъ пособіяхъ, какія подавались родильницамъ, до и послѣ рожденія ими дѣтей; ни о тѣхъ обрядахъ, какіе совершались по рожденіи младенцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наши предки употребляли при этомъ случаѣ единообразное средство: предоставляли рожденіе природѣ и крѣпкому здоровью женщинъ.—Чуждыя изнѣженности и роскоши деревенскія женщины и понынѣ, большею частію, не прибѣгаютъ къ врачебнымъ средствамъ: онѣ часто раждаютъ во время сельскихъ работъ, и на третій день, уже ходятъ. Хотя древнимъ азійскимъ, африканскимъ и европейскимъ народамъ, были извѣстны средства врачебныя, употреблявшіяся во время омовенія и повиванія младенцевъ; однако эти пособія появились у насъ, не прежде конца X в. Изъ устава В. К. Владиміра I., мы видимъ, что тогда при родахъ, первыми помощницами родильницъ, были женщины

пожилыхъ лѣтъ, называвшіяся *бабами* (бабками). Онѣ обмывали раждаемыхъ младенцевъ, повивали и врачевали.—Около половины XVIII в. врачи стали изучивать у насъ акушерство, а для познанія повивальнаго искуства явились школы, въ коихъ въ 1776 г. уже преподавали молодымъ людямъ и *бабкамъ* акушерство, на русскомъ языкѣ, и обучали ихъ преимущественно въ воспитательныхъ домахъ. Въ концѣ XVIII ст. постановлено въ обязанность врачебнымъ управамъ (*), чтобы въ числѣ ихъ членовъ, имѣть по акушеру.—Благодѣтельнымъ попеченіемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Великой Княгини Елены Павловны, устроены отдѣльныя повивальныя школы, въ коихъ преимущественно учится женской полъ (**).

Бабы или бабки.

Даваніе родильной молитвы, позаимствовано греками отъ евреевъ, а къ намъ перешло по принятіи христіянской вѣры (въ концѣ IX. в.) Въ старину было въ обыкновеніи, что предъ наступленіемъ потуговъ,

Очистительная молитва и совершеніе обряднаго обыкновенія въ Царскомъ домѣ.

(*) См. Инструкцію врачебнымъ управамъ, 1797 г. генв. 19.

(**) Одно изъ таковыхъ заведеній, находящееся въ Петербургѣ,—по фонтанкѣ, между обуховскимъ и измайловскимъ мостами,—состоитъ подъ особымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества В. К. Елены Павловны, и возвысилось до европейской извѣстности.—Тутъ преподаютъ начальное основаніе медициины, но обращено главнѣйшее вниманіе на усовершенствованіе въ повивальномъ знаніи, и каждая бабка, столько пріобрѣтаетъ медицинскихъ свѣдѣній, что въ случаѣ надобности, сама можетъ подать врачебное пособіе. Выпускаемыя отсюда бабки, опредѣляются къ казеннымъ мѣстамъ, если онѣ получили образованіе отъ правительства, а прочія занимаются частнымъ лѣченіемъ.—Слово бабка, замѣнено нынѣ названіемъ бабушки, изъ коихъ иныя бываютъ восемьнадцати лѣтъ отъ роду.

родильница хаживала въ баню съ бабкою и женщинами. Этому обычаю слѣдовало не только боярское сословіе, но самыя Царицы. Какъ скоро дѣлалось извѣстнымъ Царю, что Царица родила, немедленно посылали по духовника, который давалъ молитву младенцу, родильницѣ, бабкѣ и всѣмъ присудствовавшимъ при родахъ женщинамъ. Потомъ младенца носили въ мыльню, куда ходилъ смотрѣть новорожденнаго самъ Государь. Послѣ совершалъ патріархъ въ присутствіи Царя, молебствіе: о дарованномъ ему Царевичѣ. По прочимъ же церквамъ и монастырямъ, отправляли молебны; раздавали милостыню нищимъ и убогимъ; освобождали изъ тюрьмы не важныхъ преступниковъ; по монастырямъ ходилъ Государь, угощалъ монаховъ и раздавалъ подаяніе.—По городамъ разсылали стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ съ царскими грамотами къ духовенству и воеводамъ, о рожденіи младенца. Повсюду служили благодарственные молебны, за здоровье новорожденнаго. Посланные приглашались воеводами и духовенствомъ на обѣдъ; послѣ обѣда духовенство благословляло ихъ образами, а воеводы обдаривали посланныхъ по возможности. Въ день рожденія Царевича, бывалъ родильный столъ у Государя, для одного только духовенства; стрѣльцевъ и другихъ чиновъ, обдаривали. Таковой же обрядъ соблюдался и при рожденіи Царевень; только раздача денегъ была не столь щедрою. — Для кормленія дитяти, избирали здоровую и нравственную женшину. По прошествіи года, если кормилица изъ дворянскаго рода, посылали ея мужа на воеводство или дарили его вотчиной; изъ подъячихъ и другихъ чиновъ, повышали и награждали жалованьемъ; посадскихъ увольняли отъ всѣхъ податей и назначали имъ приличное содержаніе. За присмотромъ младенца наз-

начили мамку и ияньку (*). Если чужой похвалитъ ребенка или новорожденнаго, въ глазахъ кормилицы, то она должна была плюнуть на землю три раза, что бы не сглазилъ его худой глазъ.

Простосердечное понятіе о роженицахъ и очистительная молитва.

Истари ведется между простолюдинами обыкновеніе, состоящее въ томъ, что когда мать мучится родами, тогда стараются скрывать, чтобы никто объ этомъ не зналъ, въ томъ убѣжденіи, что отъ сего бываетъ ей легче. Встарину нѣкоторые простолюдины распускали писанную молитву въ водѣ, давали пить роженицѣ, думая, что этимъ облегчатся роды. (**) Всѣ находившіеся при родахъ, хотя бы они и не дотрогивались родильницы, прибѣгали къ очистительной молитвѣ.

Въ пермской губерніи существуетъ обычай между простолюдинами, и даже купцами, что старушки, замѣняющія бабокъ, безпрерывно водятъ родильницу по избѣ или банѣ, и не позволяютъ ей ни садиться, ни лежать. Родившагося младенца выправляютъ намылива-

---

(*) Коших.: О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, с. 10-12.

(**) Такое обыкновеніе существовало между татарами, и существуетъ ли оно теперь, неизвѣстно мнѣ. Покрайней мѣрѣ сохранилось у нихъ наставленіе, а именно: *если женщина не разрѣшается отъ родовъ, то распусти эту молитву и дай ей выпить. По благости Божіей, она родитъ.* — т. е. хатунъ угланъ тугарламаса будани изыбъ ичургай тянгри фармани берля тугчай, ааабъ, ааакъ, ааасъ, аааджъ, ааахъ, ааахх, ааадъ, ааадзъ, аааззъ, ааасъ, аааръ, ааашъ, ааадъ, ааазъ, ааатъ, аааттъ, ааагъ, аааггъ, ааафъ, аааккъ, ааакъ, ааалъ, ааамъ, рааа, нааа, уааа, хааа, лаааа.—При изслѣдованіи мною мѣстности Сарая, были находимы кувшины съ надписью алифовъ (буквы, соотвѣтствующія нашему а), которыя были начерчены въ азбучномъ порядкѣ. Это подаетъ поводъ заключить: вѣроятно эти кувшины употреблялись татарами при заклинаніяхъ.

ніемъ, встряхиваніемъ и всприскиваніемъ; даютъ родильницѣ и младенцу ѣсть воробьиное сѣмя и нѣкоторыя съ нашептываніемъ травы. По счастливомъ разрѣшеніи, даютъ родильницѣ выпить добрую чару вина и съѣсть кусокъ хлѣба; потомъ поятъ ее пивомъ съ толокномъ, и даютъ ей всякую пищу безъ разбора.—Родственницы или пріятельницы изъ простаго званія, поздравляютъ родильницу въ спальнѣ, у купцовъ въ банѣ, и приносятъ на зубокъ денежные подарки, отъ 10 к. до одного рубля мѣдью.

Угощеніе отца новорожденнаго.

Кума и другія женщины, кормятъ за столомъ отца новорожденнаго грешневой кашею; потомъ высылаютъ его изъ избы, и приготовляютъ для него новое кушанье на бабкиной кашѣ, сваренной изъ сорочинскаго пшена: сюда кладутъ по столовой ложкѣ горчицы, перцу, хрѣну, соли, уксусу; посыпаютъ сахаромъ, и даютъ ему ѣсть, чтобы онъ нѣсколько помучился, какъ его роженица (*).—Въ другихъ мѣстахъ родня посылаетъ къ роженицѣ, по кружкѣ или чашкѣ *порушки* и большому круглому пирогу. — Порушка приготовляется изъ сухой разваренной малины, подслащенной медомъ (**). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ знакомые и род-

Порушка и даренье.

(*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тотчасъ по совершеніи крещенія, подаютъ отцу новорожденнаго ложку соли, прикрытой кашею, — а кумъ съ кумою поднимаютъ пирогъ, говоря: рости крестникъ такъ высокъ, какъ мы подняли пирогъ.

(**) У нѣкоторыхъ не образованныхъ народовъ, существуютъ доселѣ старинныя обыкновенія. Въ Грузіи, когда наступаетъ время родовъ, сажаютъ роженицу среди избы на коврѣ, а мущины съ саблями въ рукахъ, машутъ надъ ея головою, пока она родитъ, думая, что отъ этого страху она родитъ легко. Калмыки собираются около кибитки роженицы, по выставленному бѣлому знаку, большею толпой, и чѣмъ роженица выше родомъ, тѣмъ ихъ сходится болѣе. Кричатъ вовсе горло и поютъ, какъ можно сильнѣе. Послѣ родовъ хозяинъ угощаетъ ихъ кушаньемъ и чиганомъ.

ственники посылаютъ въ даръ родильницѣ, или сами приносятъ: крупу, муку и кусокъ полотна на рубашку младенца.

Кумовья и крестные родители.

Обыкновеніе имѣть воспріемниковъ, существуетъ въ христіянской церквѣ издревле, въ чемъ свидѣтельствуютъ многіе св. отцы, между коими: Тертуліанъ, Златоустъ, Августинъ. Поводъ къ сему установленію, подали первыя гоненія на христіянъ. Въ эти жестокія времена, нужно было имѣть свидѣтелей при крещеніи, кои, соединяясь съ крещаемымъ духовнымъ родствомъ, служили бы имъ наставниками въ принятой вѣрѣ. — По правиламъ св. отецъ достаточно, чтобы при крещеніи мальчика быть одному воспріемнику, а при крещеніи дѣвушки, одной воспріемницѣ. Въ наше время при каждомъ крещеніи бываютъ воспріемникъ и воспріемница, которые между собою называются кумъ и кума, а въ отношеніи къ принятымъ ими отъ купели дѣтей, крестнымъ отцемъ и матерью. Тогда происходитъ между ними духовное родство.

Церковь издревле употребляла крещеніе погружательное. Спаситель былъ крещенъ на р. Іорданѣ, Іоанномъ крестителемъ; такъ поступали прежде со всѣми взрослыми. Такъ крестился Великій Князь Владиміръ, и по прибытіи его изъ Корсуня въ Кіевъ, онъ повелѣлъ чтобы всѣ люди, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься. Народъ толпами входилъ въ рѣку Днѣпръ: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею, отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; священники читали молитвы крещенія, раздѣливъ народъ на толпы, въ которыхъ мущинамъ давали одно имя мужское, а женщинамъ одно общее женское, отъ того многія сотни носили одно названіе, В. К. Ярославъ, сынъ Владиміра I., вырылъ изъ могилы кости дядей своихъ—язычниковъ: Олега и Ярополка, крестилъ ихъ и положилъ

въ кіевской церквѣ Св. Богородицы. — Мы съ греками остались при древнемъ обыкновеніи, а католики, въ концѣ VIII в., установили обливательное крещеніе, чтобы младенцы не простудились отъ погруженія ихъ въ холодную воду. —

Отреченіе.

Обрядъ совершенія таинства крещенія, заимствованный нами отъ грековъ, отправляется нынѣ какъ и прежде. Священникъ читаетъ заклинательныя молитвы. За тѣмъ слѣдуетъ отреченіе крещаемаго, или въ случаѣ его малолѣтства, его воспріемниковъ, отъ сатаны. — При чемъ они говоря: *отрицаюся*, дуютъ и плюютъ три раза, обратясь назадъ; а послѣ, обратясь на востокъ, увѣряютъ въ сочетаніи со Христомъ и читаютъ символъ вѣры. Потомъ іерей, помазавъ елеемъ, трижды погружаетъ крещаемаго въ тепловатую, какъ бы лѣтнюю воду, произнося: крещается рабъ Божій (имя): *во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Св. Духа, аминь; ныны и присно и во вѣки вѣковъ, аминь*,—надѣваетъ на крещеннаго бѣлую одежду и крестъ.

Ношеніе крестовъ на шеѣ, есть обыкновеніе самое древнее. О немъ говорится даже въ церковномъ нашемъ уставѣ.—У насъ оно извѣстно еще со временъ Владиміра 1. Современникъ его, новгородскій епископъ Іоакимъ, крестя Новгородцевъ, велѣлъ возлагать на нихъ кресты, для отличія отъ некрещеныхъ, что безъ сомнѣнія соблюдали и другіе епископы.

При одѣваніи крещаемаго въ бѣлую одежду, поется тропарь: *ризу мнѣ подаждь свѣтлу, одѣяйся свѣтомъ яко ризою, многомилостиве Христе Боже нашъ.* Послѣ крещенія слѣдуетъ мѵропомазаніе, при произнесеніи своѵъ: *печать дара Духа Святаго.* — Мѵромъ помазуется чело, очи, ноздри, уста, уши, грудь, руки и подошвы ногъ.

Постриженіе.

Послѣ священникъ, обошедъ съ крещаемымъ и его

воспріемниками, трижды вокругъ купели; прочитавъ Евангеліе и омывъ члены тѣла, помазанные муромъ, остригаетъ волосы крестообразно, при чтеніи молитвы; залѣпивъ ихъ въ воскъ, отдаетъ воспріемнику, а воспріемникъ потомъ бросаетъ ихъ въ купель, изъ которой выливаютъ воду въ непопираемое ногами мѣсто. (*) Такое выливаніе воды изъ купели, бросаніе въ нее воска и надѣваніе креста на младенца освящены, если не церковнымъ постановленіемъ, то древнѣйшимъ и очень общимъ у насъ обыкновеніемъ. Прежде вмѣняли себѣ въ обязанность, чтобы младенцевъ для крещенія, приносить въ церковь, гдѣ ихъ и крестили крещеніемъ погружательнымъ. Въ Малороссіи младенецъ не погружается въ воду; его обливаютъ, и сей обрядъ позаимствованъ отъ католиковъ, въ то время, когда она находилась подъ польскимъ владычествомъ. Приношеніе младенца въ церковь, въ употребленіи еще по городамъ, большею частію между простымъ сословіемъ, и тѣми, которые придерживаются древнихъ церковныхъ узаконеній; но между богатыми и дворянствомъ, оно измѣнилось—крещаютъ дома. (**)

(*) Когда воспріемникъ бросаетъ въ воду волоса, которые залѣплены воскомъ, тогда легковѣрные замѣчаютъ: потонулъ ли воскъ, или онъ плаваетъ? Въ первомъ случаѣ младенецъ не жилецъ этого свѣта, а во второмъ долго жить ему.

(**) Леклеръ написалъ въ своей исторіи, по предмету крещенія, между прочимъ то, что будтобы дьячекъ носитъ впереди образъ св. Іоанна Крест., а священникъ кладетъ соль въ уста младенцу, а къ его грудному кресту, образъ того святаго, коего имя наречено крещаемому; потомъ, по совершеніи крещенія будтобы цѣлуетъ младенца и воспріемниковъ, и пр. См. Болтина примѣчанія т. 1. с. 177–184. Подобныя невѣрныя сказанія разсѣяны во многихъ иностранныхъ сочиненіяхъ, наприм.:

При крещеніи младенца, воспріемница снабжаетъ его рубашечкою и головнымъ убором, а воспріемникъ крестомъ; каждой изъ нихъ даритъ родильницу и дитя, добровольнымъ подаркомъ, называемымъ *назубокъ*, какъ то: матеріею, деньгами, кто чемъ можетъ. Въ другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, воспріемникъ и воспріемница снабжаютъ младенца, спустя нѣсколько дней послѣ крещенія, приличными вещами: воспріемникъ крестомъ а воспріемница кисіею, или другой матеріею, выбойкою, холстомъ и надѣваютъ на него рубашку, — и это называется тамъ *ризками*. Послѣ бываетъ обѣдъ, или пиръ для всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, приходившихъ съ поздравленіемъ. —

Родители крещаемаго, не присутствуютъ при крещеніи своего дитяти. По совершеніи крещенія, священникъ поручаетъ крестнымъ родителямъ заботиться о о наставленіи крестника или крестницы, въ православной вѣрѣ, и во всемъ, что нужно христіянину. —

При вступленіи въ нашу вѣру изъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія, напримѣръ: магометанскаго, совершается непремѣнно крещеніе и бываютъ такъ

De relig. Russor. et ritib. ed. 1581 г.; Philips: The Russian Cathechism; бар. Герберш. Rer. Moskov. com., ed. 1551 г. Antv., подъ статьею Baptismus; Le Brun: Voy. par la Moskovie en Perse et aux indes orientales т. I. с. 57.,—онъ написалъ основательнѣе другихъ. Олеар. Oft begehr. Beshr. d. Neuen Orient. Reiſe, с 181. ed. 1647 г.—Олеар. весьма ошибочно описалъ крещеніе, хотя два раза былъ въ Москвѣ. На с. 183 онъ говоритъ между прочимъ, что люди иного вѣроисповѣданія, принимающіе русскую вѣру, окунываются зимою въ прорубь, три раза, и тѣмъ совершаютъ крещеніе; что нѣкоторые испрашиваютъ отъ патріарха дозволеніе, за 8 дн. до Р. Х., чтобы бѣгать по улицамъ съ огнемъ, и потомъ жгутъ бороды встрѣчнымъ, и т. п. нелѣпости.

же воспріемники. При чемъ крещаемый, будучи уже въ возрастѣ, самъ читаетъ символъ вѣры, наставленный прежде въ догматахъ нашего вѣроисповѣданія, а священникъ спрашиваетъ его: «отрицаеши ли ся скверныя и богопротивныя вѣры турецкія, и богохульнаго учителя ихъ Мегмета и его всѣхъ пріемниковъ, и всего хульнаго ученія ихъ; и проклинаеше ли ихъ и плюеши ли на ня?» На что онъ отвѣчаетъ: «отрицаюся, проклинаю я, и плюю на ня»; но его не заставляютъ проклинать своихъ родителей. — Въ двѣнадцатомъ столѣтіи духовенство наше затруднялось, какъ присоединять тѣхъ, которые переходятъ изъ другой вѣры въ нашу, и тѣхъ, кои приносятся къ чародѣямъ? — Новгородскій епископъ Нифонтъ, на вопрошеніе черноризца Кирика, отвѣчалъ: если дѣти приносятся на молитву къ варягскому іерею, то на таковыхъ налагать шесть недѣль эпитимьи, а три, если приносящіе сдѣлали это по молодости и неопытности. — (*) Если епископъ или пресвитеръ, вновь крестилъ имѣющаго истинное крещеніе или не хотѣлъ крестить осквернennаго отъ нечестивыхъ, тотъ извергался, какъ не различающій священниковъ отъ лжесвященниковъ и какъ посмѣвающійся кресту и смерти Господней. Присоединяющихся къ православію, какъ то: Аріянъ, Македоніянъ, Савватіанъ, Наватіанъ, Тетрадитовъ и Аполинаристовъ, принимали, какъ видно изъ правилъ втораго вселенскаго собора, помазуя только св. мѵромъ. Евноміанъ же единократнымъ погруженіемъ крещающихся, а равно Монтанистовъ и Савелліанъ, держащихся

(*) Вопрошеніе Кириково, и Кар. И. Г. Р. т. 2. пр. 380.–Нифонтъ скончался 1156. г. апр. 21. Онъ находился въ тѣсной связи съ Святославомъ Ольговичемъ, кн. Новгород.-сѣверскимъ; о дружбѣ его см. Кіев. лѣт. и Кар. т. 2. пр. 380.

мнѣнія о сыноотечествѣ и всѣхъ прочихъ еретиковъ принимали въ православіе, какъ язычниковъ. (*).

Въ первобытной церквѣ постригаемы были волосы у священниковъ и новопросвѣщенныхъ, съ чтеніемъ молитвъ, въ присудствіи воспріемниковъ. Волосы остригаемые, огдавалъ священникъ воспріемнику, которой облѣпливалъ ихъ воскомъ, напечатлѣвая на немъ образъ Спасителя и хранилъ ихъ какъ посвященныя Богу. По мнѣнію другихъ, священникъ оставлялъ ихъ у себя, и хранилъ въ священномъ мѣстѣ. Въ память постриженія волосъ, праздновали ежегодно день постриженія, какъ мы празднуемъ имянины. —

Между нашими предками язычниками, и по воспріятіи ими христіянской вѣры, существовалъ обрядъ постриженія и сажанія на коней, долгое время. Изъ нашихъ лѣтописей извѣстно, что обрядъ этотъ совершался торжественно. Дѣтей В. К. Всеволода владимірскаго: Георгія, Ярослава и Владиміра, постригали на второмъ и четвертомъ году возраста и сажали на коней, въ присутствіи епископа, бояръ и гражданъ. Великій Князь давалъ тогда раскошные пиры, угощалъ князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотыми и серебряными сосудами, а бояръ лошадьми, тканями и мѣхами (**). Это обыкновеніе соблюдалось не только въ Россіи, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Лешко, почитаемый поляками за перваго князя, былъ постриженъ еще младен-

(*) Св. Апостоловъ правила; правило 47 и втораго вселенскаго собор. прав. 7.

(**) Георгій род. 1189 г., а постриженъ въ 1192 г.; Ярославъ род. 1190 г. фев. 8., постриженъ въ 1194 г.; Владиміръ род. 1194 окт. 25, постриж. 1196 г., см. Суздальск. лѣтописецъ.

цемъ, двумя странниками, которые наименовали его потомъ Семовитомъ. При постригахъ находились воспріемники, между коими было уже духовное свойство.—(*) Конечно, этотъ обрядъ древній. У римлянъ постригали юношей, при поступленіи ихъ въ всадники, а у насъ означало вступленіе въ гражданское состояніе. Сынъ В. К. Іоанна III, Георгій, по достиженіи семилѣтняго возраста (1487 г.) былъ посаженъ на сѣдло и потомъ постриженъ; при чемъ были воспріемниками знатные люди. Дѣти Государя Алексѣя Михаиловича: Симеонъ и Алексѣй, были переданы на семилѣтнемъ возрастѣ изъ женскихъ рукъ въ мужскія, — въ ознаменованія ихъ свободы. Татищевъ, живш. въ XVIII. ст. пишетъ, что въ его время знатные люди держались этого обыкновенія, и что младенцы передавались тогда изъ рукъ женскихъ въ мужскія. — Кромѣ гражданскаго есть и церковное постриженіе, которое сопровождается молитвою: «заповѣдавый намъ вся въ славу Твою творити, пришедшаго раба Твоего начатокъ сотвори стрищи власы главы своея, благослови вкупѣ съ его воспріемникомъ» и пр. Крестный отецъ приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ священникъ читалъ надъ нимъ упомянутую молитву. — (**) Петръ I., по достиженіи семилѣтняго возраста дочерей его: Елисаветы и Екатерины, подрѣзалъ у нихъ платья, въ ознаменованіе, быть можетъ, перехода ихъ изъ младенчества. —

(*) Soror adoptiva. Это выраженіе казалось бы правильнѣе перевесть: *усвоенная сестра*.

(**) Кар. И. Г. Р. т. 3. с. 134, 135. прим. 143, 145; польскіе лѣтописцы: Мартинъ, Галлусъ и Кадлубекъ: Hist. Polon. — Болтинъ: Прим. на исторію Леклера т. 1. с. 180.; Татищевъ: Истор. Рос. кн. 3. примѣч. 553.

Въ Польшѣ постриженіе продолжалось весьма долгое время. При возведеніи въ высшее военное званіе, оно сопровождалось постриженіемъ. (*)

(*) Этому служитъ доказательствомъ грамота польскаго короля Сигизмунда III, данная на имя Павла Маковецкаго, возведеннаго въ достоинство возного генерала: «Мы Жигмонтъ третій, Божіею милостію король польскій, в. к. литовскій, русскій, порусскій, мазовецкій, жемонтскій, инфлантскій и шведскій, готскій, вандальскій, дѣдичный король.--Ознаменуемо тымъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ и каждому зособно, кому то вѣдати належитъ, ижъ мы шляхетнаго Павла Маковецкаго возным енераломъ воеводствъ: кіевскаго, волынскаго и бряславскаго чынимо и постановляемо, даючи ему моцъ и владзу зуполную, вси и всякіе справы урядовы его належачые въ всыхъ поминенныхъ воеводствахъ чынити и отправовати, такъ однакобы первей присягу въ землѣ своей, во длугъ права въ статутѣ описаннаго передъ урядомъ належнымъ выконалъ и отъ него во длугъ права и звычаю былъ *пострыжонъ*, што всимъ и каждому зособно, кому то ведати належитъ, звласча урядомъ земскимъ и гражданскымъ ведомо меты хочемо, росказуючи, абы вышепомененнаго возного за справедливаго енерала мели и знали для ласки нашое. на што, для истное веры до того листу нашого печать коронную приложить росказали. Есмо писанъ въ Варшавѣ, дня двадцать четвертаго месяца геньваря, року тысяча шестьсотъ двадцать девятаго, панованья кролевствъ нашихъ польскаго чтыредесять вторago а шведскаго тридцать шостого.» Внизу приложена государственная печать, съ подписью съ лѣвой стороны: Jac. Zadzik, epūs culm. et pom. reg. cancellar., а съ правой: зо приложеніемъ велебного въ Бозѣ его милость ксендза Іакуба Задика, бискупа хелминскаго и померанскаго, канцлера великого коронного. На оборотѣ: anno 1629 junj przijszlo usądu i przisięge wykonał. navrzescie swoj i postrzjżony. Stefan Aksak., siędza zemski kijowskj. – Эта граммота хранится въ городскомъ львовскомъ архивѣ, и въ бытность мою во Львовѣ (въ Галиціи), она списана мною.

Время Крещенія. День крещенія избирался по произволу. Если дитя бывало слабое или ему угрожалась скорая смерть, то немедленно его окрещивали. Избраніе воспріемниковъ зависѣло отъ воли каждаго. Царскихъ дѣтей крестили обыкновенно: митрополиты и патріархи, воспріемниками бывали старшіе иноки троицко—сергіевскаго монастыря, а воспріемницами сестры Царевнень, или родственницы Государя и Государыни. По крещеніи давали обѣдъ духовенству и другимъ чинамъ, послѣ обѣда высшее духовное сословіе благословляло новорожденнаго образами, сановники подносили ему подарки, которые самъ принималъ Государь; отъ прочихъ принимали ближніе люди Царя; потомъ пили изъ заздравныхъ кубовъ и расходились по домамъ. Для стрѣльцевъ и другихъ чиновъ, выкачивали на средину царскаго дворца бочки съ водкою; въ каждой бочкѣ было до 200 ведеръ пива, а меду въ семь разъ болѣе. Всякому дозволялось пить, сколько кому хотѣлось, только запрещалось носить домой (*)

Крестильницы и значеніе церковной бани. Въ одинадцатомъ столѣтіи устроены были при церквахъ, по древнему обряду, особыя крестильницы, чтобы крещали дѣтей въ церквѣ. Кіевскій митрополитъ Ефремъ, первый повелѣлъ ихъ строить (1090 г.) при церквахъ, въ великокняженіе Всеволода (въ XI в.). Тогда появились у насъ банныя строенія, съ каменною вокругъ церкви оградою, — чего прежде не было, говоритъ Несторъ. Въ нихъ ставили купель для взрослыхъ людей. —

Слово *баня* употреблено въ новомъ завѣтѣ, въ смыслѣ крещенія. *Христосъ возлюби церковь, и себе предаде за ню: да освятитъ ю, очиститъ банею водною,* или

(*) Коших. о Рос. въ царств. Алексѣя Михайловича.

банею паки бытія. (*) Самъ Несторъ говоритъ о Христѣ: *баню* нетлѣнія дарова и проч. — (**) Нѣкоторые думали, что Ефремъ строилъ торговыя бани, а другіе стали утверждать, что онъ первый началъ строить церкви съ главами, потому что въ Малороссіи доселѣ куполъ церковный называется *банею*. Слово *баня* (bania), чисто польское и значитъ куполъ, или зданіе съ круглою кровлею. — Крестильницы при древнихъ церквахъ христіянскихъ, наприм. при Софійской въ Константинополѣ, назывались *баптистиріонъ*, въ коихъ крещали правовѣрныхъ. (***)

Родильные подарки.

Въ древней Греціи знатныя особы, пріѣзжая поздравлять роженицу съ благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени, скрытно клали подъ ея подушку нѣсколько золотыхъ денегъ. Этотъ обычай, употреблявшійся отъ поселянина до вельможи, вскоренился въ языческомъ Римѣ, отъ него онъ перешелъ къ европейцамъ. Должно думать, что это обыкновеніе позаимствовано греками отъ евреевъ. У римлянъ подобные подарки назывались родильными (****). Такъ они называются и нынѣ повсюду. У насъ, какъ скоро родитъ мать, извѣщаютъ о томъ родственниковъ и хорошихъ знакомыхъ. Прежде было въ обычаѣ, что послѣ извѣщенія посылали родильницѣ подарки, состоявшіе изъ матерій, полотна и т. п. — Нынѣ ведется обычай, лишъ въ простонародіи, что сосѣды и родные, навѣщая родиль-

---

(*) Посл. къ Ефесеемъ, зачало 130; посл. къ Тимоф. гл. III. с. 5.

(**) Никонов. лѣт. гл. II. с. 8.

(***) Aedes juxta aeclesiam, in qua baptizantur fideles. — Несторъ, по кенигеб. сп. с. 130.; Словарь Дюканжа, подъ сл. *баптистиріонъ* с. 174; Кар. И. Г. Р. т. 2. пр. 160.

(****) Dona natalitia.

ницу, приносятъ ей пироги и какіе нибудь съѣстные припасы. Въ Малороссіи на другой или третій день по рожденіи младенца, родители посылали бабку къ роднымъ и знакомымъ: съ хлѣбомъ и узваромъ (*), съ извѣщеніемъ о новорожденномъ младенцѣ и о приглашеніи ихъ на крестины. Другіе посылали, вмѣсто узвару, бутылки съ виноградным виномъ и пряники. Нынѣ такое поздравленіе выходитъ изъ обычая въ дворянскомъ сословіи, однако оно продолжается еще, между простолюдинами и купечествомъ, и при крестинахъ уже ничего не кладутъ на зубокъ.

Ношеніе ладанки и мошонки в рожденіе въ сорочкѣ.

Всѣ языческіе народы, въ самой глубокой древности, носили на шеяхъ особые мѣшечки, называемые *амулетами*. Въ мѣшечкахъ хранились камешки съ таинственными словами и надписями, лѣкарственныя травы и волшебныя вещи, коимъ припысывали удивительныя дѣйствія. Все это строго запрещалось не только христіянскою церковью; но даже языческими царями. Не смотря на это, ношеніе ладанки по нынѣ оставило слѣды вѣрованія

Стоглавомъ строго воспрещалось возлагать на престолъ *сорочки*, въ коихъ родятся младенцы (**). Издревле ведется между суевѣрными обыковеніе, что на томъ шнуркѣ, на коемъ носятъ крестъ, они привѣшиваютъ *ладанку* или *мошонку*.—Ладанка тоже самое, что мошонка, есть зашитой мѣшекъ съ ладаномъ, которой носятъ во всю жизнь, думая что ни колдовство, ни уроки не пристанутъ къ такому человѣку.—Кто родился въ сорочкѣ, тотъ хранилъ ее въ мѣщечкѣ, заши-

---

(*) Приготовленнымъ изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, сливъ, вышень и изюму.

(**) Стоглавъ 1551 г. гл. 5. 12. 39. и 43.

томъ съ младенцемъ, и ее носилъ до самой смерти, думая что повсюду будетъ сопровождать его счастіе. Обыкновенная поговорка: *родился въ сорочкѣ* означаетъ у простолюдиновъ счастливца. (*) Другіе хранятъ сорочку въ таинственныхъ мѣстахъ. и неминуемое тому несчастіе, если она пропадетъ.

Даваніе имени.

При языческомъ и необразованномъ состояніи людей, давались имена по природнымъ свойствамъ, состоянію и качествамъ родителей, случайнымъ встрѣчамъ любимымъ вещамъ, предметамъ, стихіямъ и животнымъ. Кошка, кошечка, голубочка, удалецъ, бычокъ, золотой, алмазной, мѣшочекъ, красавецъ, красуха, незабудочка, медвѣдикъ, медовой, роза, синецъ, василечекъ, ручеекъ, стражка, головачъ, воробушка, кроликъ, зайка и проч. Отъ сихъ именъ произошли фамилія, или прозванія. На всякомъ языкѣ находятся фамиліи, которыя въ переводѣ довольно забавныя. — Славяне, какъ и всѣ древніе народы, заимствовали имена отъ какихъ либо событій или значеній, наприм: Болеславъ (виновникъ славы), Владиславъ (владыка славы), Мстиславъ (мститель славы), Подражиславъ (подражатель славы), Сбыславъ (совершитель славы), Святославъ (слава святого), Твердиславъ (твердой въ славѣ), Ярославъ (пылкій къ славѣ), Изьяславъ, Буревой, Гостомыслъ, Вышеславъ, Вячеславъ, Остромыслъ, Добрыня, Претичъ, Путята и т. п., изъ женскихъ: Богомила, Милонѣшка, Людьмила, Любушка, Красномила, Красиня, Иршежислава, Горыня, Добродума, Горислава и проч. Во время господствованія Варяго-Руссовъ въ Новгородѣ, вошли въ употребленіе варяжскія имена: Рюрикъ, Олегъ, Игорь, Улебъ, которое безъ сомнѣнія превращено въ

(*) Сорочка значитъ плева, которая покрываетъ младенца.

нынѣшнее имя Глѣбъ.—Оскольдъ, Диръ, Свенельдъ, и проч. По принятіи христіянской вѣры, усвоены имена греческія и римскія, бывъ переведены на нашъ языкъ. Вѣра (fides), Любовь (charitas), Надежда (spes), переведены только съ латынскаго. Софія, Екатерина, Александръ, Константинъ, Алексѣй, Василій, однимъ словомъ почти всѣ имена, употребляемыя нынѣ нами, взяты съ греческаго языка. Въ древнія времена именовывали при рожденіи именемъ того святого, которой приходился въ осьмой день по рожденіи младенца. Наши предки имѣли еще по два имени, напр. Владиміръ, во святомъ крещеніи Василій; Ярославъ, во св. крещ. Дмитрій, Ольга во св. крещ. Елена и проч. Такое обыкновеніе продолжалось до XIV ст., однако въ XI в. встрѣчаются уже одно-именные. — Примѣръ тому В. К. Юрій Долгорукій. Сверхъ того было въ обыкновеніи, что предъ смертію принимали имя схимническое, — и это велось долго, даже между великокняжескими родами, до полов. XVII. в. Теперь находимъ одни случаи, — между больными, дающими обѣты, что если выздоровѣютъ, то они оставятъ міръ и посвятятъ всю свою жизнь на служеніе Богу, и потому принимаютъ монашеское имя. Изъ употребительнѣйшихъ именъ у насъ было и есть *Иванъ*, почему нѣкоторые стали называть этимъ именемъ, все наше государство. Простой народъ въ Болгаріи, доселѣ называетъ всѣхъ русскихъ *Иванами*. Греки же тамъ живущіе, именуютъ Россію *Ивановщиною*, (οἱ Ἰβάνιδες) (*).

Нѣкоторые послѣ рожденія младенца, высылаютъ кого либо изъ домашнихъ на улицу, чтобы спросить

(*) Априловъ: Денница ново-болгарскаго образованія, с. 139–140.

имя встрѣчнаго, и даютъ то имя новорожденному; другіе даже приглашаютъ встрѣчнаго въ кумовья, думая, что родившійся будетъ жить долго. Иные, кромѣ даннаго имени при рожденіи, даютъ другое при крещеніи, бывъ увѣрены, что это оградитъ новорожденнаго отъ всякихъ напастей въ жизни.

Празднованіе дней рожденія.

Въ глубокой древности праздновали дни рожденія, не только смертныхъ, но боговъ и богинь: Юпитера, Юноны, Венеры, Амура, Аполлона, Діаны, Минервы и пр. Имъ приносили жертвы во храмъ, и весь народъ стекался сюда праздновать, предаваясь всякому роду веселію, играмъ и пляскамъ. Въ дни рожденія государей, молились во храмахъ имъ преданые и ихъ родственники. Римскіе императоры, для напоминанія народу о ихъ рожденіи, угощали его нѣсколько дней сряду. Тоже дѣлалось ими при вступленіи на престолъ. Дни рожденія знаменитыхъ и всѣхъ сословій людей, праздновались въ кругу друзей и семейства. Тогда, какъ и теперь, каждой наряжался, въ день своего рожденія, въ лучшее платье; принималъ подарки отъ своихъ домашнихъ, друзей и знакомыхъ. Генію покровителю приносили въ жертву вино, ѳиміамъ и животныхъ; женской полъ дѣлалъ тоже, а дѣвушки украшали вѣнками жертвенникъ Юноны.—Послѣ благодарственнаго возліянія богамъ, сходились знакомые на пирщества; за столомъ пили вино за здоровье, желали другъ другу долголѣтія, и чтобы впредь всѣмъ имъ дожить до радостнаго дня и вновь праздновать. У грековъ и римлянъ праздновали еще дни основанія городовъ, особенно Рима и Константинополя. Всѣ жители города собирались въ богатыхъ одеждахъ во храмъ, молились Богу за сохраненіе города и объ устраненіи отъ него всякихъ бѣдствій. Воины и государи, вельможи и граждане, богатые и бѣдные,

всѣ единодушно веселились, радовались и пили за благоденствіе города. Богатое угощеніе и пиршество, продолжались во весь день. Не было никого, ктобы не принималъ участія въ этомъ торжественномъ днѣ.—Нынѣ празднуютъ основанія городовъ, по прошествіи каждаго столѣтія.

Имянины и день ангела.

У насъ такъ же, съ самыхъ древнихъ временъ, праздновали день рожденія, которой назывался *имянинами*, а нынѣ *днемъ ангела*. Имянины произошли отъ даванія имени въ день крещенія, а *день ангела*, отъ имени того святого, коимъ наименовывали послѣ рожденія, или во время крещенія. Но между днемъ рожденія и днемъ ангела, есть разница: первое означаетъ время празднованія рожденія, а второе имя покровителя того святого, которое кто принялъ при крещеніи, посему иные отдѣльно совершаютъ празднество, какъ то: въ день ангела и день рожденія, составляющаго собственно имянины. Въ обои эти дни служили молебны: о ниспосланіи здоровья виновнику празднества; одѣвались въ богатыя одежды и ѣздили или ходили поздравлять имянинника, которой приглашалъ ихъ на пирогъ,—это значило на пиръ. В. К. Святополкъ, убѣдительно просилъ кн. Василька, проходившаго Кіевъ съ своимъ войскомъ, чтобы онъ остался въ Кіевѣ праздновать съ нимъ его имянины, названного во святомъ крещеніи Михаиломъ.

Въ старину посылали почетнымъ людямъ *имянные пироги*, и это строго соблюдалось не только въ простонародіи, но между Государями. Царь Алексѣй Михаиловичъ, самъ приходилъ съ пирогомъ къ патріарху Іоакиму (1671 г.). Въ тотъ же день онъ давалъ обѣдъ, высшему духовенству и сановникамъ. Предъ обѣдомъ Царь раздавалъ *имянные калачи*,—всѣмъ гостямъ. Таковые калачи были длиною въ два и три аршина,

толщиною въ четверть. Священниковъ, дьяконовъ и стрѣльцевъ, также угощали; въ тюрьмы и богадѣльны посылали милостыню. За обѣдомъ патріархъ говорилъ заздравную рѣчь, и первой провозглашалъ заздравной чашею за здоровье Царя, и эту чашу передавалъ потомъ Царю; отъ него она переходила къ митрополитамъ и боярамъ. Послѣ питья за здоровье, всѣ расходились. Такъ праздновались имянины всего Царскаго дома. Въ городахъ праздновали этотъ день воеводы и митрополиты; они дѣлали столы для всѣхъ людей, и послѣ обѣда пили за здоровье. — Въ этотъ день нигдѣ не работали, въ лавкахъ никто не торговалъ, не играли свадьбъ и не хоронили. (*)

Тезоименитство.

Имянины Царственнаго Дома, называются *тезоименитствомъ* (**). — Въ торжественные дни Императора, Императрицы, Цесаревича и Цесаревны, закрываются лавки и никто не работаетъ. Народъ стекается во храмъ, и молится Богу о продолженіи дней Царствующему Дому. Благодарственные молебны, отправляются повсюду. Митрополитъ отправляетъ при дворѣ молебствіе, въ присутствіи Вѣнценосцевъ и всего Императорскаго Дома, многочисленнаго собранія государственныхъ людей, министровъ, посланниковъ, дипломатическаго корпуса и генералитета. Пушечные выстрѣлы изъ Петропавловской крѣпости, возвѣщаютъ жителямъ о радостномъ провозглашеніи *многолѣтія*. Духовенство и всѣ тутъ находящіеся, приносятъ по-

---

(*) Древ. росс. вивл. ч. VI. с. 313; Кошихинъ: о Росс. въ царств. Алек. Михаил. с. 14-15.

(**) Это слово происходитъ отъ греческаго θέωσις, обожаніе, почитаніе, и *именитство*, знаменитый, важный; по сему тезоименитство означаетъ праздникъ знаменитаго, достойнаго обожанія человѣка.

томъ поздравленіе виновнику торжественнаго праздника. Во дворцѣ бываетъ обѣденный столъ. Въ вечеру дается балъ и маскарадъ.

Нынѣшніе имянины. Знакомые и родственники, посылаютъ имяниннику подарки, или пирогъ; въ другихъ мѣстахъ самъ имянинникъ разсылаетъ по своимъ родственникамъ, *сгибни* и *крендели*; но это больше тамъ въ употребленіи, куда не проникла еще роскошъ и иностранные нравы. На обѣдъ приглашаются всѣ родные и пріятели. Въ началѣ обѣда берутъ со стола большой, нарочно сдѣланной съ кашею и яйцами пирогъ, и разламливаютъ его надъ головою имянинника, чтобы во весь будущій годъ, быть ему здорову и щастливу, и чѣмъ болѣе разсыпется по немъ каши, тѣмъ болѣе онъ будетъ жить. Если во время веселія бьется посуда, рюмки, стаканы и проч., то означаетъ благополучіе. Когда же ничего не разбивается, то нарочно бьютъ. Между дворянствомъ много измѣнилось празднованіе имянинъ. Въ день имянинъ наряжаются, какъ можно щеголеватѣе, особенно дѣвицы, которыя ничего не щадятъ, чтобы блеснуть изьящностью, пышностію и роскошью убора. — Изысканность у нихъ простирается до самыхъ мелочей. Онѣ одѣваются преимущественно въ бѣлыя платья, цвѣтъ невинности, съ розовымъ платочкомъ на шеѣ и букетомъ цвѣтовъ на головѣ.— Волоса убираются по фантазіи каждой. Послѣ туалета отправляются въ церковь молиться Богу; по отслушаніи обѣдни, служатъ благодарственный молебень: о сохраненіи ихъ здоровья и ниспосланіи на нихъ благословенія. Около полудни принимаютъ посѣщенія, состоящія въ поздравленіи со днемъ рожденія или имянинъ. Иные приглашаютъ гостей къ обѣду или на вечеръ, которой сопровождается танцами. За обѣденнымъ или вечернимъ столомъ, провозглашаютъ тосты за здоровье

празднуемаго или празднуемой. Во время обѣда подаютъ, прежде всѣхъ кушаньевъ, кулебяку, называемую имянинникомъ: она бываетъ иногда длиною около аршина, и отлично приготовлена. — Между родственными и дружескими домами, дарятъ имянинника или имянинницу, по произволу. Юные поэты подносятъ *сахарные* стишки, въ коихъ расписываютъ съ жаромъ: красоту и прелесть, — если это имянинница; желаютъ ей счастія, намекая, что никто столько не желаетъ ей *неземнаго блаженства*, какъ воодушевленный ея стихотворецъ.

Празднованіе имянинъ, такъ сдѣлалось повсемѣстнымъ, что даже не только между купеческимъ сословіемъ; но и между нижними чинами оно совершается съ особой роскошью. Для этого дня никакихъ не жалѣютъ издержекъ, и чѣмъ болѣе гостей, даже незваныхъ, тѣмъ болѣе чести имянинникy. Кто живалъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, что порядочный сколько нибудь человѣкъ, угощаетъ кулебякою и обѣдомъ, виноградными винами и шампанскимъ. Для него было бы обидно, еслибы гости разошлись не веселыми, надобно чтобы всѣ помнили его праздникъ, и потому рѣдкіе возвращаются домой пѣшкомъ.

Въ дальныхъ городахъ и деревняхъ, имянины празднуютъ просто: къ обѣду собираются гости, и заключаютъ вечеръ разгульной веселостію. У помѣщиковъ гости пируютъ нѣсколько дней сряду. Пирогъ занимаетъ первое мѣсто. Изобильной и тучной обѣдъ, услаждаетъ вкусъ пирующихъ; водки, настойки и наливки, текутъ рѣкой. — Между простымъ народомъ угощеніе зависитъ отъ состоянія. Но и тутъ, какъ и вездѣ въ это время, подчиваютъ радушно и веселятся непринужденно. Пирогъ непремѣнно бываетъ у каждаго,—иначе не имянины.

Имянины составляютъ одно изъ гостепріимныхъ празднествъ, которое никогда не начинается между набожными, не отслуживъ напередъ благодарственнаго молебня. Весь день проходитъ вообще въ забавахъ, играхъ, пляскахъ и пѣніи радостныхъ пѣсней. Русской празднуетъ день своего рожденія,—съ неподдѣльнымъ чувствомъ веселости и хлѣбосольства. Тогда у него: *не красна изба углами, а красна пирогами.*

III. ПОХОРОНЫ.

Сожиганіе мертвыхъ тѣлъ. — Погребеніе. — Сожиганіе у Славянъ. — Насыпные бугры и курганы. — Посмертный обрядъ у язычниковъ и евреевъ.—Погребеніе нашихъ предковъ. — Нынѣшнее погребеніе. — Погребеніе малороссійское. — Особые обряды, совершаемые надъ покойникомъ. — Гробы мраморные. — Мѣста для погребенія и появленіе кладбищъ. — Кресты. — Надгробныя надписи. — Голосить по умершемъ. — Погребеніе особъ Царственнаго дома и черное платье, или трауръ. Воспоминанія о кончинѣ добрыхъ Государей и мѣста ихъ погребенія. — Принятіе схимы предъ смертію. — Мѣста погребенія великокняжескаго и Царскаго дома. — Звонъ по умершемъ.

III.

ПОХОРОНЫ.

Сожиганіе мертвыхъ тѣлъ.

На востокѣ съ незапамятныхъ временъ, сожигали тѣла мертвыхъ. — Такое обыкновеніе существовало долгое время въ древней Европѣ, почти до Р. Х. (*).

Въ Индіи, во многихъ идолопоклонническихъ племенахъ южно-западной Азіи, западной Индіи (въ Америкѣ), на островахъ Океаніи и во внутренности Африки, донынѣ сожигаютъ покойниковъ. — Надъ ихъ трупами сначала пируютъ, потомъ тѣла предаютъ огню, а въ заключеніе совершаютъ пляски, радуясь кончинѣ, потому что со смертію пресѣклись для нихъ всѣ бѣдствія и горести въ здѣшнемъ мірѣ. — Сожиганіе проистекло изъ поклоненія огню, чрезъ которой буд-

(*) Ахиллесъ, предъ сожженіемъ друга своего Патрокла, обрѣзалъ русые свои кудри, и далъ ему въ руки. — Гнѣдичъ: Иліада Гомера, пѣс. XVIII, ст. 141. и 152. изд. 1839 г. Такимъ образомъ сожгли Гектора; тамъ же, пѣс. XXIV. ст. 790–800.

тобы душа проходитъ въ рай, какъ черезъ чистилище. Геродотъ, греческій историкъ полов. V. в. до Р. Х., пишетъ, что еще въ его время народы Ѳракіи, сожигали умершихъ. Тамъ, при рожденіи младенца собирались пріятели, садились вокругъ него, печалились о его появленіи на свѣтъ, и разговаривали между собою только о томъ, что еще родился человѣкъ для сѣтованія, горести и несчастія. Когда же онъ умиралъ, тогда веселились, обнаруживая этимъ, что онъ уже избавился отъ всѣхъ напастей. Послѣ смерти мужа, его жены спорили между собою, кому изъ нихъ быть сожженною съ мужемъ?—Каждая изъ нихъ желала быть сожженною, въ доказательство, что она любила его болѣе всѣхъ. Ежели споръ между ними не оканчивался дружелюбно; то знакомые покойника разсматривали ихъ требованія, и предоставляли честь быть сожжену съ мужемъ той, которую знали, что она точно болѣе всѣхъ была имъ любима. Мущины и женщины, провожали ее до могилы, и одинъ изъ родственниковъ покойника, закаливалъ ее ножемъ; потомъ клали ее вмѣстѣ съ мужемъ на костеръ. Прочія жены возвращались домой съ большею печалью, потому что не были удостоены этой чести.—Тѣла богатыхъ и знатныхъ, выставляли предъ народомъ и пировали три дни.—Игры, борьба и битвы, заключали поминовеніе по умершемъ.

Исторія просвѣщенныхъ грековъ и римлянъ, свидѣтельствуетъ намъ, что у нихъ долгое время господствовало обыкновеніе сожигать тѣла, не только простыхъ гражданъ; но и великихъ людей. На мѣстѣ сожженія ставили памятники, а пепелъ собирали въ урну и хранили у себя дома, какъ драгоцѣннѣйшій остатокъ. Когда вошло въ обыкновеніе ставить слезницы т. е. урны надъ гробами со слезами, тогда

уже стали предавать тѣла землѣ. Однако въ тоже самое время, многіе предпочитали сожженіе погребенію. Юлій Цезарь, именемъ коего украшаются императоры и самые величайшіе завоеватели въ мірѣ; Цезарь, падшій подъ 23 ударами кинжаловъ въ сенатѣ (въ 44 г. до Р. Х.), былъ сожженъ торжественно. Народъ бросалъ, на горѣвшій его костеръ: копья, вѣнки и украшенія. Въ то время появилась на небѣ комета и всѣ думали, что душа Цезаря принята въ сонмъ боговъ. Его наименовали божественнымъ, а на мѣстѣ сожженія, воздвигли храмъ Цезарю.—Германцы сожигали съ тѣлами умершихъ: оружіе, коня, посуду, платье, и надъ могилой дѣлали насыпь. По распространеніи между ними христіянства, это обыкновеніе мало по малу стало исчезать.

Погребеніе.

Евреи и египтяне погребали тѣла. У послѣднихъ бальзамировали еще покойниковъ, и ставили ихъ въ капищахъ.— Этимъ пользовались цари и всѣ богатые, недостаточные лишались таковой почести. Самое бальзамированіе, проистекшее отъ вѣрованія въ переселеніе душъ послѣ смерти, изъ одного животнаго въ другое, служило чистилищемъ. — Съ покореніемъ Египта персидскимъ царемъ Камбизомъ, въ началѣ VI в., и потомъ Александромъ македонскимъ, въ первой полов. IV в. предъ Р. Х., бальзамированіе почти истребилось, и вошло повсемѣстное погребеніе. Были примѣры, что тогда же нѣкоторые, слѣдуя греческому и римскому обыкновенію, сожигали умершихъ.

Изъ мертваго тѣла, пишетъ Геродотъ, вынимали внутренности, перемывали ихъ и потомъ опять влагали въ тѣло, переложивъ кореньями, тиміаномъ, анисомъ и другими сѣменами; потомъ облѣпливали тѣло воскомъ, и передавали на погребеніе.—Тутъ обрѣзывали ему уши и волоса, и опускали въ четвероугольную яму; могилу

окружали копьями. Съ покойникомъ клали одну изъ его женъ, задавивъ напередъ веревкою; потомъ повара, чашника, дворецкаго, казначея, золотую чашу, первенцовъ изъ животныхъ и любимую его лошадь. — Послѣ набрасывали хворостъ, и насыпали надъ нимъ большой холмъ. По прошествіи года задавливали при его могилѣ 50 вѣрнѣйшихъ изъ его слугъ, и 50 найкрасивѣйшихъ лошадей. Изъ нихъ вынимали сначала внутренность, перемывали и опять влагали.—Послѣ продѣвали въ лошадь, отъ головы до ея хвоста, длинной шестъ и укрѣпляли ее на двухъ колесахъ, въ висячемъ положеніи. Задавленныхъ людей сажали, съ укрѣпленнымъ коломъ къ землѣ, верхомъ на лошадей. Этотъ обрядъ совершали надъ одними только царями. — Прочее сословіе довольствовалось тѣмъ обрядомъ, что по вынятіи внутренности, набивали тѣло травами и отдавали на храненіе пріятелямъ, которые передавали потомъ другимъ пріятелямъ, продолжая передачу сорокъ дней, а наконецъ погребали.

Въ первые вѣки христіянства, погребеніе содѣлалось всеобщимъ. Усопшихъ погребали въ церквахъ, и около церквей; ставили кресты на могилахъ; гробы дѣлали большею частію деревянные, каменные употребляли изрѣдка. Пышныхъ памятниковъ тогда не знали. Египетскія пирамиды, мавзолеи, саркофаги и другія надгробныя жилища, распространились по Европѣ вмѣстѣ съ роскошью, не ранѣе XVII в. по Р. Х. Дотолѣ же это составляло принадлежность только владѣтельныхъ родовъ, и аристократовъ. — Кладбища за городомъ, учредились не ранѣе того же вѣка, а въ Россіи въ концѣ XVIII в.

Между нѣкоторыми германскими племенами, было въ обыкновеніи, что умершихъ знаменитыхъ людей, хоронили въ выкопанной въ рѣкѣ могилѣ. Предводи-

тель Готѳовъ, Аларикъ, гроза восточной и западной имперіи, долго оплакиваемый послѣ смерти его подданными, какъ дѣтьми, былъ положенъ въ драгоцѣнный гробъ (410 г. по Р. Х.). На днѣ рѣки ископали могилу, опустили туда и затопили водою, чтобы никто изъ смертныхъ не коснулся священныхъ для нихъ останковъ, и чтобы самое отдаленное потомство, вспоминая о его дѣлахъ, не знало могилы. Всѣ рабы, производившіе работу, были умерщвлены, для сохраненія тайны погребенія.

Монгольскія и татарскія племена, такъ же опускали въ воду мертвыя тѣла своихъ полководневъ и знаменитыхъ мужей. Иные изъ простаго сословія погребались просто, а другіе опускались съ гробами въ воду. Аттила, прозванный бичемъ Божіимъ и молотомъ небеснымъ, помершій (въ 453 г. по Р. Х.) послѣ своей свадьбы, отъ истеченія кровью, былъ вложенъ въ три гроба: золотой, серебряной и желѣзный, и опущенъ въ воду. Чингисханъ (умер. въ 1227 г.), погребенъ по его собственному указанію, у байкальскаго озера, на вершинѣ горы Бурханъ-калдукъ, откуда истекаютъ три рѣки: Тула, Керулакъ и Ононъ.— Тутъ покоятся всѣ наслѣдники престола Чингисхана. Нѣкоторые думаютъ, что страшный Тамерланъ тоже сокрытъ въ водѣ, (въ конц. XIV. в.)

Люди не знатнаго рода и вообще недостаточные, предавались землѣ. У Калмыковъ кочующихъ, доселѣ предпочитается погребенію опусканіе въ воду. Дѣтей ханскихъ кладутъ въ гробы, и наложивъ на нихъ баластъ опускаетъ въ воду при торжественномъ чтеніи молитвъ и играніи музыки.— Всѣ мореходцы опускаютъ мертвыхъ въ воду, по причинѣ отдаленности отъ твердой земли.

Сожиганіе у Славянъ

Наши предки Славяне сожигали тѣла. Св. Бонифацій, живш. въ половинѣ VIII., говоритъ съ изумленіемъ. Венеды не хотѣли переживать своихъ мужей: убивали себя собственноручно, бросались на пламенный костеръ и сожигали себя добровольно съ умершимъ мужемъ. Таковая жена была всѣми похваляема; оставшаяся же вдовою, была поношеніемъ для семейства (*). Несторъ, описывая нравы русскихъ Славянъ, говоритъ между прочимъ, что Радимичи, Вятичи и Сѣверяне, возлагали умершихъ на костеръ и сожигали; потомъ совершали тризну. Кости складывали въ небольшой сосудъ, и ставили на столбѣ при распутіи. Этотъ обычай совершали еще съ его время (въ пол. XI и нач. XII в.): Вятичи, Кривичи, и другіе финскаго племени обитатели въ верховьяхъ Днѣпра (**). По разбитіи Греками В. К. Святослава, подъ крѣпостью Доростелемъ (Селистріею) въ 971 г., Русскіе вышли ночью въ поле при полномъ блескѣ луны, для собиранія убіенныхъ соотчичей; за стѣнами разложили костры и жгли на нихъ умершихъ въ сраженіи; плѣнныхъ мужей и женъ душили, а въ воды дунайскія погружали младенцевъ и пѣтуховъ, и тѣмъ довершали жертвоприношеніе и возліяніе въ честь усопшихъ (**). Аравитянинъ Ибнъ-фоцланъ, отправленный посломъ въ началѣ X. в. отъ калифа Муктедира, къ болгарскому королю, котораго онъ называетъ славянскимъ, передалъ намъ любопытное свѣдѣніе о нравѣ, жизни и обычаяхъ волгскихъ Славянъ. Умершаго бѣднаго, клали въ деревянной гробъ и потомъ сожигали.—

(*) Маврик. Strateg. etc.

(**) Нестор. по кинигбер. сп. с. 12.

(***) Leo Diaconis Historia, libr. IX. съ объясненіемъ Газе, изд. 1829 г.

Послѣ смерти богатаго, собирали его имущество и дѣлили на три части. Одну часть отдавали его семейству, другую оставляли на покупку ему платья а на третью заготовляли напитки, чтобы повеселиться въ тотъ день, когда будутъ сожигать дѣвушку съ ея господиномъ, и въ то время предавались питью вина до безчувственности: иные пили сряду день и ночь; часто умирали съ покалами въ рукахъ. — Когда умиралъ князь или властитель, тогда семейство его спрашивало у дѣвушекъ и мальчиковъ: кто хочетъ умереть съ нимъ? Кто произносилъ *я*, тотъчасъ связывали его, и не выпускали на волю, хотя бы онъ послѣ хотѣлъ отказаться. По большей части дѣвушки вызывались на смерть. Если дѣвушка изъявляла желаніе умереть, то ее поручали двумъ другимъ дѣвицамъ, которыя имѣли за нею присмотръ, и куда бы она не пошла, слѣдовали за нею и служили во всемъ, даже мыли ей ноги.—Дѣвушкаже веселилась, пѣла и усыпляла свое горе напитками.—Въ день сожженія приносили къ берегу рѣки приготовленый гробъ, окруженный четырьмя деревянными изображеніями. Сюда стекался народъ толпами, и произносилъ невнятныя слова. На деревянныхъ подмосткахъ ставили кровать, которую покрывали дорогими матеріями и подушками. Немедленно приходила старая женщина, называвшаяся *ангеломъ смерти*, съ свирѣпыми глазами и адскимъ лицемъ. Она подходила къ могилѣ, въ которой лежалъ мертвый; вырывала его оттуда, а съ нимъ горячіе напитки, плоды и лютню; надѣвала на него споднее и верхнее платье, сапоги, куртку, шитый золотомъ кафтанъ, съ золотыми пуговицами, и золотую парчевую шапку, обложенную соболемъ. Потомъ несла его на подмостки, подъ устроенную палатку; сажала на стеганомъ одѣялѣ, обкладывала подушками и ставила передъ нимъ на-

питки, плоды, васильковыя травы, хлѣбъ, мясо и лукъ. За тѣмъ приводили собаку, разрѣзывали ее на двое, и бросали на подмостки. Въ сторонѣ клали оружіе покойника. Потомъ приводили двухъ лошадей, загнанныхъ до поту, и двухъ быковъ; приносили пѣтуха и курицу; все разрубливали на части и мясо бросали на подмостки. Обреченная на смерть, сходила внизъ и опять появлялась; и когда входила въ палатку, тогда она говорила находившимся при ней: «скажи твоему господину, что я умираю изъ любви къ нему.» Послѣ полудня приводили ее къ дверямъ палатки, ставили на ладоняхъ мущинъ: она смотрѣла чрезъ щель двери, говорила, сходила съ ладоней, и это дѣйствіе повторяла три раза. За первымъ разомъ она говорила: «здѣсь я вижу моего отца и мою мать»; за вторымъ: «здѣсь я вижу всѣхъ моихъ умершихъ родственниковъ, сидящихъ вмѣстѣ»; за третьимъ: «здѣсь я вижу моего господина: онъ сидитъ въ раю. А рай такъ прекрасенъ! такъ зеленъ! Господина окружаютъ мущины и мальчики. Онъ зоветъ меня. — Скорѣй меня къ нему!» — Тогда подавали ей курицу; она отрѣзывала ей голову и бросала. Стоявшіе поднимали съ земли, и бросали на подмостки. Потомъ ее подводили къ умершему: она снимала съ рукъ ожерелья, и отдавала *ангелу-смерти*; за тѣмъ снимала кольца, и отдавала стоявшимъ подлѣ нея двумъ дѣвушкамъ, называвшимся *дочерями ангела-смерти*. Тогда возводили ее на подмостки. За нею входили мущины съ щитами и палками, и подносили ей покалъ съ виномъ. Она брала и осушивала его съ пѣніемъ. Тутъ уже прощалась съ своими друзьями. Ей подносили другой покалъ, при этомъ она пѣла длинную пѣснь. *Ангелъ-смерти* вырывалъ тогда покалъ изъ ея рукъ, и вводилъ насильно въ палатку ея господина. Отъ этого она при-

ходила въ смущеніе, дѣлалась нерѣшительною; но *ангелъ смерти* схвачивалъ ее за голову, и тащилъ во внутренность палатки. Тотъчасъ мущины начинали бить въ щиты палками, чтобы никто не слыхалъ ея крику, и чтобы другія дѣвушки не ужасались умереть съ своимъ господиномъ. Тогда входили сюда шесть мущинъ, съ нѣсколькими дѣвушками. Обреченную жертву клали съ боку господина: двое схвачивали ее за ноги, а двое за руки. *Ангелъ смерти* входилъ съ широкимъ ножемъ и ударялъ ее между ребрами. Двое мущинъ задущивали ее веревкою. Ближайшій родственникъ умершаго, выступалъ впередъ, бралъ полѣно и зажигалъ. — Онъ шелъ къ подмосткамъ съ горящимъ полѣномъ въ рукѣ, а другую руку закидывалъ на спину и зажигалъ костеръ. Потомъ каждой подходилъ къ костру съ зажженнымъ деревомъ, поджигалъ и бросалъ на костеръ полѣно. Огонь пылалъ совсѣхъ сторонъ, а въ немъ горѣла жертва ослѣпленія. По сожженіи ставили въ рощѣ столбъ, и надписывали на немъ имя умершаго и царствующаго короля, и потомъ расходились (*).

У балтійскихъ Вендовъ, старшина селенія повѣщалъ жителей, о смерти гражданина, пересылкою изъ дома въ домъ *черной палки*, и всѣ должны были присудствовать при выносѣ тѣла. Женщины, одѣтыя въ бѣлыя платья, обязывались плакать и вопить, потомъ собирать слезы въ маленькіе сосуды. — Послѣ преда-

(*) Ibn. Foßlan und anderer Araber-Berichte über die Ruſſen älterer Zeit, v. Frähn, Petersb. 1823 г. с. 11–21.; Stritter-Mem. popul. т. II. с. 980.; The oriental Geography of Ibn-Haukal, с. 191. Всѣ они подтверждаютъ, что древніе русскіе жгли тѣла мертвыхъ.

вали огню тѣло, и омочивъ пепелъ слезами, виномъ, молокомъ и душистою водой, собирали прахъ сожженнаго въ урну, которую зарывали въ землю. Съ умершимъ сожигали на кострѣ: любимую его жену, служанку, слугу, коня и любимыхъ изъ его домашнихъ животныхъ; подлѣ него клали оружіе, деньги и кумировъ; надъ могилою знатныхъ мужей складывали въ кучу камни, или дѣлали насыпь. Печальной обрядъ заключали стравою (поминовеніемъ): ѣли, пили, пѣли приличныя въ честь покойника пѣсни и забавлялись разными играми, борьбою и верховою ѣздою.

Урны дѣлались изъ глины, метала и стекла. Если набиралось вдругъ много умершихъ, наприм. въ сраженіи, то ихъ сожигали на каменномъ помостѣ, и прикрывали доскою (*). Чѣмъ особа знаменитѣе, тѣмъ бугоръ дѣлалоя выше и шире, и верхушка оканчивалась конусомъ. На немъ ставили какой-нибудь знакъ.

Насыпные буры и курганы.

Варяго-Руссы закапывили покойниковъ въ землю; надъ владѣтельными князьями и старшинами, дѣлали насыпи изъ земли, называемыя *буграми* и *холмами*, которые были различной высоты, смотря по особѣ. Если лице было знаменитое, то дѣлали высокій буторъ; но надъ княземъ владѣтельнымъ дѣлали еще выше, и самой высшій означалъ родоначальника владѣтельнаго дома. Такое обыкновеніе нашихъ предковъ, продолжалось во все ихъ идолопоклонство. Правитель возвраждавшейся Россіи, Олегъ, приплывъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, объявилъ Оскольду и Диру, завладѣвшими тогда Кіевомъ, что настоящій

(*) Gebhardi: Fortsetzung der Allgem. Welt-Geschichte der neuen Zeiten, ч. 33, с. 254-255.

Государь есть Игорь, и по его знаку, они пали подъ мечами убійцъ. Тѣла ихъ погребены на горѣ, гдѣ въ Несторово время находился Ольгинъ дворъ, а надъ могилами ихъ сдѣлали холмистую насыпь, (въ 879 г.). Жители кіевскіе доселѣ указываютъ на это мѣсто.—Кости Оскольда покоились ниже Николаевскаго монастыря, гдѣ вросла теперь въ землю небольшая старинная церковь, а кости Дира за древнею церковью св. Ирины. Надъ могилою Олега, который погребенъ на горѣ Щековицѣ (въ 913 г.), находилась также насыпь, которая еще въ Несторово время называлась Ольговою могилою. По убіеніи Древлянами В. К. Игоря (въ 945 г.), близь Коростеня (*), они насыпали надъ нимъ высокій курганъ.—Въ Несторово время онъ былъ еще видѣнъ (**). В. К. Ольга, умирая, завѣщала между прочимъ своему сыну Святославу, чтобы въ память ея не совершали тризны (***),

---

(*) Нынѣшнее мѣстечко Искорость, въ волынской губ., на рѣкѣ Умѣ.

(**) Успенск. Опыт. повѣтств. о древн. русск., ч. 1. с. 138–139, пишетъ, что Татищевъ самъ осматривалъ этотъ курганъ, въ 1710 г., и ссылается на его исторію, с. 36 и 389 По повѣркѣ выходитъ, что Татищевъ ни слова не говоритъ объ этомъ въ своей итторіи, см. его ист. россійскую, ч. I. кн. I. с. 36 и кн. II. с. 389.

(***) Успенск., тамъ же, с 138, говоритъ, что будтобы Ольга завѣщала своему сыну: «погреби тѣло мое по христіянскому закону; не сыпь надо мною высокой могилы, и не дѣлай въ память мою тризны, по обычаю невѣрныхъ». Въ Несторѣ сказано просто: «умре Ольга и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людіе вси плачемъ великимъ. И изнесше погребоша на мѣстѣ, и дѣже заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою; бѣ бо имуща презвитера въ тайнѣ; сей похорони блаженную Ольгу». См. его лѣтоп. по кенигсб. сп. с. 19. 33. 34. 59.—О могильной насыпи ни слова у Нестора.

Великое множество могильныхъ холмовъ, извѣстныхъ подъ именемъ кургановъ, было видно въ восточно-южной Россіи до конца XVIII в. Тамъ отрывали разныя металлическія вещи, деньги и вооруженія, которыя были положены вмѣстѣ съ покойниками, въ томъ предубѣжденіи, что они пользуются ими на томъ свѣтѣ (*).

Въ Литвѣ часто находили въ могилахъ не только высшаго сословія, но и нисшаго, кости разныхъ животныхъ, оружія, украшенія и напитки. Въ Новогрудскомъ лѣсѣ нашли на одной могилѣ надгробный камень, съ этой надписью:

Тутъ Иванъ Сѣмашко лежитъ,
У ногахъ черная собака тужитъ,
У головахъ фляшка горилки стоитъ,
У рукахъ острый мечъ держитъ.
Го! го! го!
Щожъ кому до того? (**).

(*) Въ Малороссіи въ мое время было еще въ обыкновеніи, что надъ умершимъ казакомъ, дѣлали высокую насыпь. Еще встрѣчается во всѣхъ мѣстахъ Россіи, что если кто умираетъ на дорогѣ; то дѣлаютъ надъ нимъ значительную насыпь, ставятъ деревянной крестъ или столбъ, и вырѣзываютъ на немъ имя умершаго. Набожность воздвигаетъ въ послѣдствіи часовню; проѣзжающіе останавливаются здѣсь: молятся и поминаютъ умершихъ вдали родныхъ и своей отчизны.

Въ окрестностяхъ Золотой столицы, коей остатки находятся въ городѣ Царевѣ, саратовской губер., и обращенные вѣками въ бугры и земляныя насыпи, отрыто кладбище на 7 верст. пространствѣ: оно все усѣяно земляными насыпями и кирпичными буграми. — Это отрытіе проистекло по случаю розысканія древностей Золотой столицы, коей положеніе доказано изслѣдованіями нѣсколькихъ лѣтъ.

(**) (Golębow. Gry i zab. ч. 2. с. 250-252.)

Древніе Греки и Римляне, не сожигавшіе въ послѣдствіи тѣла покойниковъ, отправляли посмертные обряды почти одинаково съ Евреями. Умершихъ обмывали теплой водою, выправляли тѣлесные члены, сжимали глаза и ротъ. Это дѣлали по большой части родственники, изъ нѣжной любви къ покойнику. Пенелопа, прощаясь съ своимъ сыномъ Телемакомъ и супругомъ Улисомъ, желала еще дожить того часа, въ которой бы сынъ ея закрылъ глаза своимъ родителямъ :

Посмертный обрядъ у грековъ, римлянъ и евреевъ.

Ille meos oculos comprimat, ille tuos.

Римлянка говорила своему сыну :

Nec te, tua funera, mater
Produxisse, pressive oculos, nec vulnera lavi.

Тѣло натирали еще благовонными мазями. Потомъ надѣвали сподпее платье; поверхъ его верхнее, большею частію бѣлое ; лице покрывали тонкимъ полотномъ, голову убирали цвѣтами и вѣнками, и полагали въ передней комнатѣ, ногами къ дверямъ; въ ротъ клали оболь (*) для заплаты Харону, за перевозъ чрезъ рѣку Лету. Приходившіе родственники и знакомые, цѣловали въ послѣдній разъ въ губы.—Прощальныя разставанія и цѣлованія, находимъ у римскихъ стихотворцевъ.—У Виргилія :

Salve aeternum mihi maxime Palla,
Aeternumque vale.

(*) Монета, цѣнностію въ полушку.

У Тибулла :

Flebis et arsuro positum me, Délia, lecto,
Tristibus et lacrymis oscula mixtis dabis.

У Проперція :

Osculamque ingelidis ponet suprema labellis,
Cum dabitur Syrio munere plenus onyx.

Передъ домомъ ставили, пока умершій находился въ немъ, сосудъ съ водою, которою омывались прикасавшіеся къ покойнику, почитая себя оскверненными. — Мертвый лежалъ нѣсколько дней не погребеннымъ. У Римлянъ оставляли ихъ семь дней, въ продолженіи коихъ обмывали теплой водою, чтобы возвратить его къ жизни, и производили разныя плечевныя возванія. Нанимали особыхъ женщинъ—плакухъ, чтобы онѣ рыдали надъ мертвымъ, и музыкантовъ, чтобы играли при несеніи тѣла.

Въ Афинахъ выносили тѣла на нарахъ, до восхожденія солнца, а въ другихъ мѣстахъ Греціи днемъ, съ зажженными факелами, или везли на богатыхъ колесницахъ, покрытыхъ черной матеріею. Родственники шли въ печальныхъ бѣлыхъ одеждахъ; знакомые и любопытные обоего пола, сопровождали покойнаго до могилы. Его несли или везли лицемъ вверхъ; въ могилу же клали съ обращеннымъ лицемъ на востокъ. Путь до могилы усыпали цвѣтами, зелеными сучьями, травою; могилу посыпали цвѣтами и обсаживали ее деревьями. Поминки сопровождались яйцами, хлѣбомъ, салатомъ и бобами. (*) Богатые ставили мра–

(*) King: The rites and ceremonies in Russia, c. 336-340., ed. Lond. 1772 г. in 4; Успен. Оп. повѣтств. о древн. руск. с. 139.

морные или изъ обыкновеннаго камня памятники, по своей идеи или своимъ чувствамъ; рѣзали надписи на камняхъ, мраморныхъ гробницахъ и мѣдныхъ доскахъ, съ изображеніемъ барельефовъ, выражавшихъ мысль о потерѣ или горестное чувство, постигшее оплакивающихъ. Хоронили въ городѣ и внѣ, во храмахъ и садахъ. Глубокую грусть выражали еще тѣмъ, что могилу окружали печальными деревьями: кипарисомъ и миртомъ.

Погребеніе нашихъ предковъ.

Балтійскіе и мекленбургскіе Венды, складывали мертвыя тѣла подъ каменными сводами, или ставили гробы въ землю, и поверхъ могильной насыпи набрасывали кругъ камней, или вбивали въ землю колъ. Богемцы ставили на распутіи дорогъ деревянные знаки и отправляли поминки, одѣвшись въ шутовскія платья и личины. Славяне кіевскіе имѣли обыкновеніе зарывать въ землю, вмѣстѣ съ трупомъ, плетенныя изъ ремней лѣстницы; ближніе умершаго явили свои лица, и закалывали на могилѣ любимаго коня. (*)

Предки наши, по принятіи христіянской вѣры, позаимствовали многіе восточные обычаи и въ числѣ ихъ обрядныя дѣйствія погребенія. Способъ дѣланія гробовъ, называвшихся у насъ *корсты*, взятъ отъ Грековъ. (**)

По смерти кого либо давали немедленно знать священнику, который приказывалъ звонить по душѣ покойника въ колоколъ, и потомъ самъ являлся. До его прихода омывали тѣло теплой водою, надѣвали бѣлое и чистое бѣлье и клали посреди комнатѣ на столъ, покрывъ бѣлымъ полотномъ и сложивъ руки

(*) Кар. И. Г. Р. т. I. прим. 236.
(**) Кар. И. Г. Р. т. I. прим. 488.

на груди. Потомъ давали покойнику крестообразно въ одну руку крестъ а въ другую свѣчу, и окружали его зажженными восковыми свѣчами; священникъ читалъ отходную молитву; присудствовавшіе съ зажженными въ рукахъ свѣчами, молились и плакали.

Муромскій князь Глѣбъ, услыхавъ объ убіеніи своего брата Бориса, излилъ горесть въ набожномъ плачѣ: «Господи! лучше бы мнѣ умереть съ братомъ, нежели жить одному на этомъ свѣтѣ. Если бы я, братъ мой, видѣлъ твое ангельское лице; то пострадалъ бы съ тобою. Но къ чему я остался одинъ? — Гдѣ твои рѣчи, которыми услаждалъ меня? О братъ, мною любимой!—нынѣ уже не услышу твоего кроткаго наставленія. Если можешъ молиться за меня у Бога, то молись, чтобы и я принялъ подобную тебѣ участь. Мнѣ было отрадно жить съ тобой, а теперь остаюсь одинъ — въ этомъ обольстительномъ мірѣ!» (*)

Тѣло оставляли непогребеннымъ нѣсколько дней; погребали до захожденія солнца, чтобы оно было еще высоко и лучезарно: *то бо послѣднее видитъ солнце до общаго Воскресенія*. Другіе считали долгомъ погребать мертвыхъ, въ самой день ихъ кончины, и только за не имѣніемъ гроба отлагали до слѣдующаго дня. Когда князь черниговскій Давидъ (скончавш. въ 1123 г.), былъ внесенъ во храмъ Бориса и Глѣба, съ тѣмъ, чтобы предать его тѣло погребенію въ тотъ же день; тогда не былъ готовъ гробъ, посему епископъ Ѳеоктистъ сказалъ: *солнце заходитъ, оставимъ погребеніе*

(*) Пушкиновсская лѣтопись, с. 97. Чувствительныя слова Глѣба, переданы лѣтописцемъ весьма вкратцѣ. Борисъ убитъ 1015 г. іюл. 24, а Глѣбъ въ томъ же году, сент. 15., въ понедѣльникъ.

до утра. Чрезъ нѣсколько времени пришли люди и объявили епископу, что солнце не скрывается и стоитъ на одномъ мѣстѣ. Ѳеоктистъ восхвалилъ Бога; работники спѣшили обтесать камень, и какъ скоро вложили камень во гробъ, *солнце село* (*).—Тѣло кн. Юрія, родного брата В. К. Іоанна III, пролежавшее въ соборѣ архангельскомъ четыре дни, противу обыкновенія, не хотѣлъ предавать землѣ митроп. Филиппъ, потому только, что не въ тотъ день погребенъ, когда померъ,—однако, по приказанію Великаго Князя, онъ похоронилъ его.

Надъ усопшимъ читали псалтырь, день и ночь. Родные и знакомые прощались съ умершимъ, цѣлуя его въ уста и руки. Нанимали еще женщинъ-плакухъ; курили ладаномъ, молились Богу о спасеніи души и о принятіи ея въ рай. При наступленіи погребенія, клали тѣло въ деревянной окрашенной гробъ или обрисованный изображеніями святыхъ, и отвозили на саняхъ въ церковь (**) гдѣ, по совершеніи за упокой,

---

(*) Степен. кн.; Кар. И. Г. Р. т. 2.; Вопрошеніе Кирика: «замедлю солнцу, не достоитъ мертвеца хоронити. Не рци тако борзо дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода, но тако погрести, яко и еще высоко, какъ и вѣнецъ еще не сымется съ него, то бо послѣднее видитъ солнце до общаго Воскресенія.»

(**) Въ древности отвозили на саняхъ покойниковъ, зимою и лѣтомъ. Лѣтоп. Нестора с. 93 и 114. Русск. лѣтоп. съ воскр. сп. ч. I. с. 161. и Духов. зав. Вдадим. моном.—Въ описаніи смерти князей Бориса и Глѣба, убитыхъ Святополкомъ: «цѣловаша Бориса святаго, вложиша въ раку каменну, по семъ взяша Глѣба святаго съ каменною ракою и возложивше на сани, везоша.» Перенесеніе мощей совершено послѣ смерти В. К. Ярослава, *лѣтомъ довольнымъ*, (въ позднее лѣто). «Во второй же день мая, когда прежде уставися праздникъ пренесенія честныхъ мощей св. князей Бориса и Глѣба, по отпѣ-

хоронили тутъ же около церкви, обыкновенно поутру. Богатыхъ и знаменитыхъ мужей, погребали въ церквѣ. — Надъ умершимъ ставили деревянной крестъ, и потомъ поминали кутьею; въ нее ставили восковыя зажженныя свѣчи: двѣ за упокой умершихъ, а три за сохраненіе здоровья живыхъ. Послѣ раздавали милостыню нищимъ, бѣднымъ и изувѣченнымъ.

Кутью приготовляли изъ трехъ частей вареной пшеницы, четвертой гороху, чечевицы и бобовъ; она подслащивалась медомъ и плодами. За панихиду по усопшемъ, платили гривну серебра. (*)

Съ мертвымъ клали домашнія вещи и съѣстные припасы. Сербы и Славяне живущіе въ Лузаціи, клали въ гробъ оружіе и разныя вещи. Лузацкіе Венды клали на гробъ топоръ.—Болѣе или менѣе, но продолжалось такое обыкновеніе до нашихъ временъ.

нiи обычнаго утренняго правила, митрополитъ съ епископы и всѣми пресвитеры и діаконы, облекшеся въ свѣтлыя священныя облаченія, и свѣщи возжегши, покадиша раки святыхъ, и положиша коегождо на свои сани, на то устроенныя и украшенныя: быша же раки каменныя, и везоша князи съ вельможи собою. Предъидущу митрополиту со всѣмъ священнымъ соборомъ по своему чину, не могоша же не токмо мощей возити, но ниже самы поступити отъ множества налегающаго и угнетающаго народа, и повелѣ Кн. Владиміръ мономахъ метати сребряники въ народъ, и тако едва возмогоша привезти раку.» Чет. Мин., мая 2 –Возить умершихъ на саняхъ, продолжалось у насъ до конца XVII в, какъ видно изъ чина погребенія Царицы Наталіи, матери Петра В.. – Она померла въ 1694 г. генв 25. См. Сынъ отеч. 1843 г. за апрѣль мѣсяцъ, № 4.

(*) Вопрошеніе Кирика у епископа новгородскаго Нифонта: см. и въ переводѣ бар. Герберштейна : Rer. Moscovit. com. с. 37.–Кирикъ или Кирилъ, возведенъ изъ кіевскихъ монаховъ, въ 1274 г., на епископскій престолъ во Владиміръ на Клязьмѣ.

Въ XII в. встрѣчаемъ уже обыкновеніе, что за покойниками вели княжескихъ лошадей и несли знамена надъ гробомъ. По привезеніи тѣла дорогобужскаго князя Владиміра (въ 1170 г.) въ Вышегородъ, игуменъ лавры Поликарпъ, требовалъ у князя Давида, чтобы онъ далъ ему воиновъ, вести коней княжескихъ за гробомъ, и держать надъ нимъ знамена «Мертвымъ нѣтъ нужды ни въ чести, ни въ знаменахъ,» отвѣчалъ князь, «даю тебѣ только игуменовъ и священниковъ.» (*)

Нѣкоторые иностранные писатели XVI в., свидѣтельствуютъ единогласно, что голову покойника обвивали полотномъ и хоронили на третій день безъ всякой пышности; въ комнатѣ курили ладономъ, читали псалтырь; лобызали умершаго въ уста, при восклицаніи: «для чего оставляешь насъ, о любезнѣйшій! Развѣ не было тебѣ чего пить и ѣсть? — Ты покидаешь несчастную супругу! Признайся, что заставило тебя бросить прекрасную жену и милыхъ дѣтей?».. и тому подобныя дѣлали возванія. — Надѣвали на него новое платье и сапоги. — Гробы дѣлали сосновые, какъ для бѣдныхъ такъ и богатыхъ, которые, смотря по состоянію, обивали матеріею внутри и снаружи. — Писатели XVII в. говорятъ, что мертвыхъ предавали землѣ до истеченія сутокъ; на покойника надѣвали новую рубаху, чулки, башмаки, похожіе на туфли, и шапку; потомъ клали его во гробъ. Знакомые, родные и семейство, оплакивали безпритворно. Богатыхъ оплакивали и въ домѣ и на могилѣ, особо нанимаемыя ими женщины, одѣтыя въ бѣлыя одежды, съ закры-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 3. с. 8 - 9.

тыми покрывалами на головѣ. Эти женщины назывались плакальщицами; онѣ вопили на распѣвъ: «тебѣ ли было оставлять бѣлой свѣтъ? развѣ не жаловалъ тебя Царь? Не имѣлъ ты богатства и чести, супруги милой и добрыхъ дѣтей?» — Ежели умирала жена, то говорили: «развѣ ты не имѣла добраго мужа?» и т. п. — Покойнаго носили на кладбище, въ присудствіи родныхъ и друзей; впереди несли образа, за ними шло духовенство, которое курило ладаномъ и пѣло. Послѣ погребенія плакали на могилѣ жалобнымъ голосомъ. Во гробъ ставили, въ головѣ покойника, кружку меду или пива и хлѣбъ. (*) Въ продолженіи сорока дней совершались поминовенія. Въ концѣ шестой недѣли приходила на могилу вдова и нѣсколько друзей; она приносила напитки и кушанье, и послѣ слезъ со стономъ, ѣли а остатки раздавали нищимъ. Такъ поступалъ простой народъ и всѣ недостаточные, но богатыя и знатныя особы, поминали дома. Сверхъ этого поминованія, производились еще ежегодные поминки.

По прошествіи шести недѣль или сорочинъ, оканчивался трауръ, и вдова могла снова выти за мужъ. (**)

(*) У Мордвовъ, живущихъ въ пензенской и саратовской губ., приносятъ досихъ-поръ умершему разныя гостинцы «Вотъ на тебѣ Семенъ» говоритъ принесшій покойнику «пирогъ, яйца, говядину, масло и деньги. Это принесла тебѣ Марѳа.—Смотри Семенъ, береги у нея скотину и хлѣбъ. Когда я буду жать, тогда корми цыплятъ и гляди за домомъ.» При выносѣ покойника, бьютъ топоромъ въ то самое мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ, чтобы убить смерть, и чтобы она не похищала болѣе изъ дома.

(**) Herberst. Rer. Moscov. com ; Paul. Iovii: de legat. Basilii, Magn. princ. Moscoviae ad Clementum VII. pontificem; Meletii: de relig. et sacrificiis veter. Borussorum; de Russor. relig ritib.,

Нѣкоторые пишутъ еще, что мертвыхъ не хоронили зимою, особенно въ Москвѣ, а вывозили отпѣтыя тѣла за городъ въ *Божій домъ* (убогій), и тамъ оставляли до весны, чтобъ удобнѣе можно было копать могилу. (*)

Кто былъ отчаянно боленъ и соборованъ масломъ, и потомъ выздоравливалъ; тотъ носилъ уже до смерти черную одежду.

Употребленіе деревянныхъ гробовъ, доселѣ повсемѣстное. Внутри и внѣ, обиваютъ ихъ матеріями штофными, серебряными и золотыми, и изъ

---

nuptiar. et funerum, пом. въ собр. de Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione etc. ed. 1582. 2. in 4°; Margeret: Éstat de l'emp. de Russie et grand duché de Moscovie. ed. Par. 1607 г.; Gebhardi: Fortſetz. der Algem. Weltg. der neuen Zeit ч. 34. с. 299. ed. 1793 г.; Certaine letters in verse, written by M. G. Turbevil aut of Moscovia to friends of his in London, пом. въ собр. Гакл. ed. London 1809 г.; in 4°, с. 433.; Petrejum: Hiſtor. und Beſchr. von dem Großfürſtenthum. Muſchkow, с. 676-680. ed. Leipz. 1620 г.; Le Brun: Voyage par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales, т. I. с. 57 – 59.; Olearii: Offt begehr. Beſchr. der neuen orient. Reiſe с. 195–199. ed. 1646 г.; Struys: Voyages en Moscovie, en Tartarie, en Perse и проч. с. 136-138. ed. 1683 г.: Wickhart: Moſkowitiſche Reiſe Beſchr. in dem Jahr 1675, гл. 11. с. 241.; Guagninus: Mortuorum ceremonia, пом. въ соб. de Russor., Moskov., Tartar. ritus. ed. Spir. 1584 г.; The history of the life of Peter the Great, с. 130., compos. by Motlley.

(**) Marger. Éstat de l'emp. de Russie, ed. Par. 1607 г.; Флетчеръ: Of the Russe common wealth; Certaine letters in verse, writ. by, M. G. Turbevil aut of Moscovie to his friends in London, пом. въ собр. Гакл. с. 433. ed. 1809 г.

таковой же матеріи кладутъ подъ головы подушки, съ шелковыми, золотыми и серебренными кистьями; внизу гроба такъже привѣшиваютъ кисти, смотря по состоянію; поверхъ гроба вырѣзываютъ или нашиваютъ золотые и серебрянные кресты, усыпанные блестками. Цвѣтъ наружныхъ украшеній, показываетъ возрастъ, полъ и званіе умершаго. — Розовой и бѣлой принадлежность младенцевъ, ребенковъ, дѣвицъ и молодыхъ дамъ; голубой, синій, зеленой и малиновой, для прочаго званія.—Выносъ тѣла совершается предъ полуднемъ.

Гробъ, украшенный балдахиномъ, ставятъ на колесницу, которую везутъ нѣсколько паръ лошадей, въ черныхъ печальныхъ покрывалахъ; по сторонамъ несутъ зажженные факелы, кои не гасятся до самой могилы. Покойника сопровождаютъ родственники и знакомые, въ черныхъ одеждахъ. — Женской полъ нашиваетъ на свои одежды бѣлыя полосы, называемыя плерези; мущины покрываютъ платье, шляпы и шпаги, чернымъ крепомъ. — У знатныхъ и государственныхъ людей балдахинъ и печальная колесница, блестятъ золотомъ и серебромъ; впереди гроба несутъ на подушкахъ ихъ ордена, длиннымъ рядомъ; тутъ идутъ священнослужители и пѣвчіе, которые во все шествіе поютъ Святый Боже, или играетъ музыка, если покойникъ военной, въ сопровожденіи глухихъ барабанныхъ ударовъ. Войско, съ опущенными внизъ ружьями и заряженными пушками, увеличиваетъ пышность похоронъ.— Лакеи идутъ въ черныхъ одеждахъ, съ разноцвѣтными приколотами къ ихъ плечамъ лентами; гражданскіе и военные чиновники, окружаютъ печальную колесницу, а въ траурной одеждѣ стоятъ на ступеняхъ колесницы ассистенты и поддерживаютъ балдахинъ. Ког-

да кто либо изъ членовъ Императорской фамиліи, сопровождаетъ государственныхъ сановниковъ; тогда присутствуютъ министры, дипломатическій корпусъ и другіе высокіе чины. Карета покойника, слѣдующая за гробомъ, обивается чернымъ сукномъ, съ гербовыми на ней изображеніями по бѣлому полю. Семейство, родственники и знакомые, идутъ за гробомъ; за ними толпа любопытныхъ, а за ними тянутся сотни каретъ, колясокъ и другихъ экипажей.

Когда провозгласится на могилѣ окончательно: вѣчная память, тогда опускаютъ гробъ въ могилу. Священникъ первой беретъ землю лопаткою или рукою, и бросаетъ на гробъ; за нимъ предстоящіе. Если погребаютъ изъ военныхъ, то войско производитъ погребальную пальбу изъ орудій. За тѣмъ приглашаютъ къ обѣденному столу, который называется поминками; за столомъ подаютъ, между прочими кушаньями, кутью, блины и кисель съ молокомъ.

Бѣдный и обыкновенный человѣкъ, погребается самымъ простымъ образомъ. Тѣло кладутъ въ деревянный окрашенный, даже неокрашенной гробъ; послѣ отпѣванія относятъ знакомые на своихъ плечахъ на кладбище, и опускаютъ въ могилу. — Сердечной ихъ вздохъ по умершемъ, замѣняетъ пышный погребальной обрядъ.

Малороссійское погребеніе

Въ Малороссіи, во время ея казачества, и даже въ недавнее время, не болѣе тому лѣтъ 25, похороны сопровождались всѣми жителями. Умиралъ ли кто, звонили по душѣ въ колоколъ протяжно и заунывно; знакомые и незнакомые спѣшили спрашивать у звонаря: по комъ онъ звонитъ? У каждаго вырывалось сер-

дечное изліяніе: упокой Господи душу усопшаго! Дай Боже ему царствіе небесное! Вѣчная память! Каждый принималъ участіе въ потерѣ другаго, какъ въ своей; всѣхъ трогало и на всѣхъ находило уныніе, грусть и печаль. Заупокойный гулъ колокола, нарушалъ спокойствіе всего околодка.

Омывъ покойника или покойницу, одѣвали ее въ чистое платье; потомъ клали на столъ, посреди комнаты, и закрывали бѣлымъ полотномъ; на ноги надѣвали башмаки. Въ руки, сложеные на крестъ, давали восковой крестъ и восковую свѣчу. Умершую женщину и дѣвушку, наряжали въ праздничное платье; ноги обували въ красные башмаки. Голову дѣвушки украшали вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ цвѣтовъ: василекъ, незабудокъ, звѣздочекъ, гвоздикъ и другихъ душистыхъ цвѣтовъ и травъ. По сготовленіи гроба, клали въ него усопшаго. Священникъ читалъ молитву по умершемъ; дьячекъ день и ночь читалъ псалтырь; восковыя свѣчи, теплились около гроба; вокругъ него курили ладаномъ, и толпа жителей приходила прощаться съ покойнымъ. Родные и знакомые, рыдали безумолкно; самые посѣтители голосили. Домъ превращался въ плачъ. Предъ выносомъ тѣла отправляли панихиду; во время выноса звонили во всѣ колокола. Гробъ поднимали родные, знакомые и незнакомые, и несли на своихъ плечахъ до могилы. Предъ гробомъ несли образъ; церковныя хоругви развѣвались впереди; на дорогѣ останавливались читать Евангеліе, по нѣсколько разъ; народъ провожалъ усопшаго съ рыданіемъ: все плакало и рыдало. Отчаянной голосъ родныхъ, заглушалъ чтеніе Евангелія, особенно при опусканіи тѣла въ могилу. На могилѣ ставили деревянной крестъ; иные дѣлали могильную насыпь, укрывали ее цвѣтами и травами. Стави-

ли еще калиновое дерево, если казакъ умиралъ на чужой сторонѣ. (*)

Надъ молодымъ казакомъ ставили, кромѣ креста, шестъ съ бѣлымъ знаменемъ. Кладбище бѣлѣло отъ знаменъ, которыя свидѣтельствовали безвременную кончину молодаго казака. При могилѣ и въ домѣ, раздавали милостыню бѣднымъ и нищимъ; кормили ихъ поминальнымъ столомъ и разсылали по домамъ бѣдныхъ: хлѣбъ, кушанье и деньги. Для духовенства и знакомыхъ, давался особой поминальный столъ, при коемъ кутья и кисель занимали главное мѣсто. Кромѣ сорочинъ, дѣлали поминовенія черезъ три дни и черезъ недѣлю. — Памятниковъ никакихъ не сооружали.

Погребеніе помолвленной невѣсты, сопровождалось весьма трогательно. Ее одѣвали въ нарядное платье, какъ подъ вѣнецъ; голову убирали цвѣтами и потомъ клали на столѣ, подлѣ окна; вокругъ нее зажигали свѣчи; у головахъ читали псалтырь; народъ, по первому звону, сходился толпой проститься съ нею; подруги ея стояли вокругъ и плакали. Отецъ и мать бились надъ ея тѣломъ, и страшно рыдали. Они цѣловали ея руки, цѣловали ее въ щеки, губы; цѣловали

(*) Насыпали чумаченьку, высоку могилу,
Посадили на могилы червону калину.
Прилитила зозуленька, тай сказала: куку!
Подай сыну, подай орле, хоть правую руку.

или:

Та вырыйте надъ чумакомъ Микитою, та высоку могилу,
Та посадите надъ чумакомъ Микитою, та червону калину.

Максим. Украин. народ. пѣсн. с. 180 и 176, изд. Москв. 1834 г. — Калина означаетъ непорочность, а здѣсь она представляетъ сироту.

шею и голову, и кричали съ изступленіемъ. Мать разставалась съ жалобнымъ причитаніемъ: «Прощай моя радость! моя утѣха!—Зашло мое солнечко красное!—Дочъ моя! ты завяла, какъ цвѣточекъ; засохла, какъ травка!—Ты покинула меня сиротой,—Богъ съ тобою!—За чтожъ покинула? Скажи, душечка моя, золото мое, сокровище мое, безцѣнная, ненаглядная! Скажи, мой ангельчикъ, мое серденько, моя жизнь, моя отрада! Промолви хоть словечко, улыбнись хоть ненарокомъ; протяни свою бѣленькую ручку, разкрой свои черныя очи, посмотри!—Пышная и гордая, величавая и румяная, покидаешь меня! Оставляешь горемычную безъ радости, покидаешь навсегда! Я тебя лелѣяла, смотрѣла за тобою,—кто же меня старую присмотритъ теперь? Ты уже на томъ свѣтѣ, между ангелами, а я здѣсь! кто пожалѣетъ обо мнѣ? Всѣ родные—все не ты! Я тебя убрала, подъ вѣнецъ; сложила твои ручки, для молодаго; сама закрыла ротикъ, цѣловавшій меня; сомкнула твои черные глаза, радовавшіе меня. Кто же закроитъ мои? родные,—не родная моя дононька (дочъ)!—Богъ тебя взялъ, да будетъ Его святая воля! молись у Него за меня грѣшную. — Дононько моя! лежишъ будто живая: ты улыбаешься, протягиваешь ко мнѣ рученьки,—обними же меня! Доненько милая, голубка сизокрылая, пташечка звонкая, распѣвная! Чтожъ не усмѣхнешься? чтожъ не порадуешь? Сжалься! Взгляни хоть на минутку, пробудись! Почему же не говоришь? Ты жъ меня тѣшила ласковыми словечками, встрѣчала привѣтственной улыбкою,—а теперь? молчишь, сложивши ручки на крестъ; но съ нимъ идешь на встрѣчь Спасителю,—и твои уста уже славословлятъ Его. Ты уже не здѣсь, а тамъ, тамъ ликуешь со святыми! Унесла съ собою всѣ наши радости, а намъ оставила одно горе и слезы. Кто оботретъ наши сле-

зы? кто приголубитъ насъ на старости? Отецъ и мать, покинуты тобою; отецъ и мать проливаютъ горячіе потоки слезъ. Они перестанутъ плакать, когда очи ихъ высушатся и сомкнутся навѣкъ!—Тебѣ бы слѣдовало схоронить меня! О, лучше бы я не видѣла Божіего свѣта! Кто утѣшитъ меня? кто поболѣзнуетъ со мною? Чіе сердце забьется такъ обо мнѣ, какъ билось твое? Но твое сердце, уже камень! ты уже во гробѣ: мой стонъ, мой вопль и мои рыданія не трогаютъ тебя.—Я слышу пѣніе вѣчной памяти! О доненько, доненько моя! Недолго я любовалась тобою. Не думала, не гадала закрыть твои оченьки ясненькіе, твои уста розовые, и закрыть ризою гробовой! О горе мнѣ бѣдной! я сама сомкнула твои глазики, до страшнаго суда. Заступница, Божая Матерь! пріими меня скорѣй, успокой меня съ моею денекой. Укрѣпи Господи, и помилуй меня.» — Въ продолженіи трехъ дней, отецъ и мать рыдали по своей дочерѣ; народъ безпрестанно навѣщалъ усопшую, горевалъ и хвалилъ ея доброе сердце и красоту. Отецъ часто говорилъ въ отчаяніи, своей женѣ: что же, моя старая? собирались играть свадьбу,—вотъ веселье наше! Онъ заливался слезами, и стоялъ неподвижнымъ отъ печали. Но вспомнивъ, что онъ ропщетъ на Провидѣніе, говорилъ ей: полно плакать. Богъ ее взялъ, она уже въ царствіи небесномъ. Ее Богъ наградилъ.—Живой думаетъ о живомъ, такъ и мы съ тобою. Молись лучше!—Въ погребальный день звонили въ большой колоколъ протяжно, съ заунывнымъ ударомъ, — Этотъ звонъ собиралъ людей, и назывался сборнымъ. Окружные обыватели сами сходились на похороны. Съ умолкомъ сборного колокола, выносили изъ церкви деревянной крестъ, съ изображеніемъ Распятія Іисуса Христа, хоругви и носилки; за ними шли священники и весь причетъ духовный, въ черныхъ ризахъ. По прибытіи ду-

ховенства, начинали служить по умершей.—Потомъ, собравъ дружекъ, поддружекъ, старостъ, бояръ, свахъ и *свитилку*, такое число, какое слѣдовало для веселья, обдаривали ихъ свадебными подарками. Мать, подозвавъ молодыхъ дѣвушекъ, ея подругъ, говорила имъ, обливаясь слезами: «я не дожила до свадьбы, своей доньки! Господь Богъ опредѣлилъ мнѣ, созывать васъ, чтобъ вы проводили ее къ темной могилкѣ. Не довелось мнѣ слушать вашихъ веселыхъ пѣсней; пришлось мнѣ, видѣть ваши слезы. Не прогнѣвайтесь на меня, что я не угощаю васъ короваемъ, не надѣляю бѣлыми платочками; но даю вамъ въ руки восковыя свѣчи. Зажгите ихъ и проводите мою голубку, доньку.» — Потомъ мать, взявъ большой рушникъ (полотенце), который вышивала покойная, чтобы подослать себѣ подъ ноги во время ея вѣнчанія, перевязывала имъ деревянной крестъ; послѣ перевязывали дружка и поддружку длинными рушниками, вышитыми узоромъ, и потомъ еще на крестъ, бѣлымъ полотномъ, по нѣсколько аршинъ. За ними перевязывали свахъ и прикалывали, къ головному ихъ убору, по цвѣточку. Старосту обязывали однимъ рушникомъ, а свитилку (старшую сваху) двумя, и давали ей въ руки восковую свѣчу и мечь, какъ водилось на свадьбѣ, обвивъ его душистыми цвѣтами. Къ шапкамъ бояръ прикалывали цвѣточки и перевязывали правыя руки бѣлыми платками, вышитыми узоромъ. Платокъ, которымъ слѣдовало вязать руки молодымъ подъ вѣнцемъ, клали на серебряной крестъ. Священниковъ и весь духовной причетъ, дарили бѣлыми платками. Гробовую крышу покрывали большимъ *килимомъ* (ковромъ); носилки застилали богатымъ *коцемъ* (покрываломъ) съ разводами и вышитымъ орломъ. Килимъ и коцъ, отдавались въ церковь послѣ похоронъ.—Дѣвушкамъ раздавали все при-

данное покойной: плахты (узорчатыя платья), передники, рубашки, платки и полотенца; женщинамъ: бѣлыя серпянки, чепцы, головные платки, подушки, одѣяла и разныя хозяйственныя вещи. По раздачѣ вещей, кропили гробъ святой водою, съ произнесеніемъ: вѣчная память. Свадебные бояры клали невѣсту во гробъ, подруги поправляли на ней головной уборъ и украшали снова вѣнками; погребальное шествіе начиналось несеніемъ впереди креста, потомъ святыхъ хоругвей; за ними несли четыре мальчика, съ перевязанными бѣлыми на рукахъ платками, надгробную крышу, обитую чернымъ сукномъ; потомъ шли четыре боярыни; за ними священники и діяконы, держа зажженныя свѣчи, и во время шествія кадили и пѣли, протяжнымъ голосомъ; потомъ шли попарно всѣ ея подруги, съ зелеными зажженными свѣчами; головы подругъ были обвиты черными лентами; за ними шли: свитилка съ мечемъ, сваха, дружки, поддружки и наконецъ несли гробъ на носилкахъ, — одни свадебные бояры. Если присутствовалъ женихъ покойной невѣсты; то онъ шелъ съ правой стороны ея гроба. Жениха вели подъ руки, два свата, потому что истинная горесть, до того растроивала его, что онъ едва передвигалъ ноги: былъ блѣдный, какъ смерть, и не рыдалъ, но только стенялъ. Тутъ уже шествіе заключалось толпою народа, всѣхъ сословій. Во время шествія звонили по церквамъ, а на дорогѣ останавливались читать Евангеліе по нѣсколько разъ, и всякой разъ подстилали священнику бумажный платокъ подъ ноги, которой отдавался ему. Покойную несли сначала въ церковь, гдѣ служили обѣдню и панихиду; потомъ, тѣмъ же самымъ порядкомъ, несли умершую на кладбище, при безпрерывномъ колокольномъ звонѣ. Гробъ опускали въ могилу, на хорошемъ бѣломъ полотнѣ, приготовленномъ

для приданнаго. При опусканіи гроба, раздавался по всюду стонъ и вопль; всѣ плакали, какъ по своей родной. Отъ ребенка до старика, все заливалось слезами. Старшій священникъ бросалъ на гробъ горсть земли; за нимъ отецъ и мать, тамъ свадебный причетъ а наконецъ всѣ, кто какъ попалъ. На гробъ насыпали немедленно землю, и ставили у головахъ большой деревянной крестъ, покрытый зеленой краскою. Бѣднымъ и нищимъ раздавали на могилѣ хлѣбъ, разное кушанье и деньги, чтобы молились о спасеніи души. Потомъ всѣ отправлялись поминать умершую. Столы съ кушаньями и напитками, были разставлены по всему двору, а въ комнатѣ угощали однихъ старшихъ.— Поминовеніемъ заключались похороны.

Особые обряды, совершаемые надъ покойникомъ.

Въ олонецкой губ. умирающихъ перекладываютъ съ перины на солому, чтобы, какъ говорятъ тамъ, душа распросталась, которая должна дать отвѣтъ за каждое перьешко. Послѣ покойника, моютъ полъ и окуриваютъ комнату. Потомъ являются плакальщицы, которыя воютъ надъ нимъ до погребенія; наконецъ ходятъ по домамъ родныхъ и знакомыхъ покойника, и своими причитаніями напоминаютъ имъ жизнь его; расказываютъ всѣ его привычки, обыкновенія и даже любимыя кушанья (*). Между Черногорцами (адріатическими Славянами), родственники омываютъ тѣло умершаго, надѣваютъ на него бѣлую рубашку, осыпаютъ цвѣтами и кладутъ при немъ его оружіе. Въ то время сколачиваютъ гробъ изъ трехъ досокъ, на подобіе трехугольника. Сосѣди, узнавъ о смерти, стекаются на похороны; родственники голосятъ надъ усопшимъ,

(*) Дашковъ: Описаніе олонецкой губ., помѣщ. въ жур. мин. вн. дѣлъ, за 1841 г. № 12. с. 428–429.

выхваляя его добродѣтели, доблестныя дѣла и горюютъ объ участи семейства. Обыкновенные возгласы ихъ: «кто теперь будетъ ѣздить на твоемъ конѣ? кто будетъ носить твое платье? къ чіей груди прижмутся твои дѣти? кѣмъ будетъ клясться твоя сестра?» (У Черногорцевъ сестра обыкновенно клянется здоровьемъ брата). Матери и сестры, болѣе всѣхъ плачутъ: онѣ царапаютъ себѣ лице до крови, и отрѣзавъ волосы, кладутъ ихъ на могилу.—Надъ могилой ставятъ большой деревянный крестъ, съ изображеніемъ на немъ столько кукушекъ, сколько осталось родственниковъ, или кладутъ надгробный камень. — Священникъ провожаетъ тѣло до могилы, и тамъ совершаетъ надгробное пѣніе. — Знакомые присутствуютъ при погребеніи съ оружіемъ, оборотивъ его назадъ. Проходя домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, они бѣгутъ; тоже самое дѣлаютъ, проходя мимо кладбищъ. — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посѣщаютъ могилу на третій и осьмой день, послѣ погребенія; читаютъ молитву, плачутъ и потомъ угощаютъ хлѣбомъ и виномъ. По покойникѣ носятъ трауръ во весь годъ; мущины отращиваютъ бороду, женщины стригутъ волосы и ходятъ нѣсколько дней, ничѣмъ не прикрывая головы; послѣ уже повязываютъ голову чернымъ, или голубымъ платкомъ (*).

Иностранные писатели передали намъ погребеніе наше, въ самомъ изскаженномъ видѣ, особливо Англичанинъ Филипсъ (**), который написалъ величайшія нелѣпости. Онъ говоритъ: священникъ, по окончаніи литіи, вручаетъ умершему свидѣтельство за под-

---

(*) Боричевскій: Повѣсти и пред. нар. славянск. племъ., ч. 2. с. 120–122., изд. 1842 г.

(**) Philips: The Russian Catechism., ed. 1725 г.

писью епископа, слѣдующаго содержанія: «мы епископъ и священникъ (такіе-то), даемъ симъ знать, что умершій (такой-то), жилъ истиннымъ христіяниномъ, по правиламъ греческой церкви; исповѣдался и прощенъ въ грѣхахъ; чтилъ Бога и угодниковъ, и постился; почему удостовѣряемъ св. чудотворца Николая и всѣхъ небесныхъ жителей, что онъ можетъ войти безпрепятственно въ небесное царство.» (*)

Мраморные гробы.

Были случаи, что у насъ хоронили въ мраморныхъ гробахъ. Тѣло равноапостольнаго В. К. Владиміра, было вложено въ мраморный гробъ (1014 г.), и поставлено рядомъ съ гробницею супруги его Анны, среди храма Божіей Матери, называемаго иначе Десятиною церковью (**). Тѣло сына его, В. К. Ярослава, тоже положено въ мраморный бѣло-синяго цвѣта гробъ, и погребено въ софійскомъ соборѣ. Его памятникъ

(*) Это свидѣтельство вѣроятно имъ позаимствовано изъ Олеарія, гдѣ вмѣсто чудотв. Николая поставленъ апостолъ Петръ. См. Олеар. Offt begehr. Beſchr. d. neuen Orient. Reiſe, c. 197. ed. 1647 г.—Волтеръ. Essai sur les moeurs, т. III. с. 60., говоритъ, что покойнику даютъ въ руки паспортъ, съ надписью на имя св. Николая, которой, принявъ душу усопшаго, препровождаетъ ее въ рай. Волтеръ, повѣривъ безусловно разсказамъ иноземцевъ, радъ былъ, что нашелъ случай посмѣяться надъ нашими обычаями, потому внесъ ихъ безъ всякаго изслѣдованія въ свое сочиненіе, наполненное многими нелѣпостями о Россіи, которую не любилъ отъ всей души. Хотя онъ написалъ исторію Петра В., однако изъ одного тщеславія, потому что Екатерина В. предложила ему быть историкомъ великаго нашего Государя, но Волтеръ не пріобрѣлъ имя историка Петра В.—Сочиненіе это исполнено грубыхъ ошибокъ, и совершенного отсутствія справедливости, не только о дѣяніяхъ Петра В.; но и о самыхъ событіяхъ историческихъ.

(**) Нестор. лѣт. по кенигсб. сп. с. 93.; Русск. лѣт. съ воскресен. сп ч. I. с. 161.

украшенъ разными изображеніями птичьихъ головъ, цвѣтовъ и деревъ, и уцѣлѣлъ до нашего времени (*). Мощи св. Бориса и Глѣба, вложены въ мраморный гробъ (**). Тѣло В. К. Изяслава, тоже положено въ мраморный гробъ (1078 г.).

Погребали въ церквахъ и близь церквей,—это продолжалось до первой половины XVIII в. (1731 г. дек. 31). Въ это время повелѣно указомъ, чтобы въ городахъ, селеніяхъ, слободахъ и проч., умершихъ не хоронить при церквахъ, а отводить для того особыя мѣста за городомъ, подъ названіемъ кладбищъ, которыя въ Малороссіи называются *цвинтарами*. Въ 1772 г. подтверждено отводить особыя мѣста для кладбищъ внѣ города, и устроивать при нихъ церкви и часовни.— Съ того времени появились опредѣленыя кладбища, и на нихъ начали ставить надгробные памятники, для означенія мѣста почившаго. Если нынѣ погребаются внутри нѣкоторыхъ храмовъ и монастырей, лица знатныя или особенно именитыя, то это дѣлается не иначе, какъ съ разрѣшенія духовной власти; при чемъ вносятся въ пользу тѣхъ церквей, или монастырей условленные или посильные вклады, что однакожъ не на всѣхъ простирается.

Мѣста для погребенія и появленіе кладбищъ.

Изъ отечественной исторіи извѣстно, что во время

(*) Гробъ Ярослава вышиною 2 арш., длиною 3½ арш., ширин. 19 вершк., находится въ придѣлѣ съ лѣвой стороны большаго олтаря. Половина скрыта въ стѣнѣ; на камнѣ вырѣзаны кресты, съ буквами: ІС.ХС.—Нестор. лѣтоп. с. 114.; Кар. И. Г. Р. т. II. с. 37. прим. 51. изд. 1816 г., и т. I. с. 230. прим. 488.

(**) Четьи Минея, мая 2 «цѣловаша Бориса святого, вложиша въ раку каменну, посемъ шедше, взяша Глѣба святого съ каменною ракою и возложивше на сани, везоша.»

моровой язвы, посѣтившей Россію въ 1352 г., памятной подъ именемъ *черной смерти*, не было мѣста для могилъ, потому погребали не только за городомъ, но въ лѣсахъ, обратившихся въ кладбища (*).

Кресты. Въ древности крестъ былъ ужасомъ для людей, потому что на немъ распинали преступниковъ, но когда Божественный Спаситель міра претерпѣлъ на немъ мученье и смерть; тогда это знаменіе содѣлалось священнымъ предметомъ. Въ воспоминаніе Его страданія, христіяне стали носить крестное изображеніе на груди.—Св. мученикъ Прокопій, пострадавшій при импер. Діоклитіанѣ (въ кон. III. ст.), умеръ со крестомъ на шеѣ. Константинъ В., первый христіянскій императоръ, выбивалъ на своихъ монетахъ кресты, съ изображеніемъ оружій, въ память того креста, который ему явился на облакахъ, съ этими словами: *in hoc signo vinces*.—Симъ знаменіемъ побѣдиши (*). Христіяне первыхъ вѣковъ, погребали усопшихъ безъ всякихъ пышныхъ обрядовъ, и на могилахъ ихъ никакихъ не ставили знаковъ. Апостолы и первые мученики за Вѣру, никакихъ не сооружали по себѣ надгробныхъ памятниковъ. Одно благочестіе воздвигло въ послѣдствіи, на мѣстѣ ихъ страданій и вѣчнаго ихъ жилища, храмы и монастыри. Но, въ какое время появились кресты на могилахъ?—Этого нельзя опредѣлить съ точностію. Намъ извѣстно, что въ концѣ III ст. они ставились на могилахъ,—сначала въ Палестинѣ; потомъ въ IV в. въ Римѣ, а послѣ, въ концѣ того же столѣтія, — въ Царьградѣ. — Отсюда это обыкновеніе распространилось по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились христі-

---

(*) Кар. И. Г. Р., т. IV. с. 254, изд. 1819.

(*) Diction. des origines, ed. Par. 1777 г. см. *Croix*.

яне. У насъ, съ принятіемъ Вѣры, вошло въ обрядъ ставленіе крестовъ, какъ выраженіе набожности. Въ постигшее наше отечество бѣдствіе, (въ 1092 г), засухи и мора, многіе тысячи крестовъ усѣяли кладбище. Въ короткое время померло въ одномъ Кіевѣ, отъ 14 ноября до 1 февраля, 7000 человѣкъ, и такое количество крестовъ укрыло поле, на коемъ они были погребены. Едва успѣвали дѣлать гробы и кресты, потому что некому было заниматься ими.

Кресты дѣлали, какъ и теперь дѣлаютъ, четвероугольные, прямые, и осьмиугольные, совершенно безъ различія; надписей на нихъ никакихъ не было, а окрашивали разноцвѣтною краскою; болѣе зеленою и голубою. На нихъ вырѣзывали простыя изображенія: Адамову голову, ангеловъ и святыхъ.

Надгробныя надписи.

Надписи появились съ распространеніемъ письменности, но въ древнемъ мірѣ употреблялись, съ незапамятныхъ временъ, надгробныя надписи. Египетскіе и персепольскіе памятники, обозначались іероглифами; скандинавскіе народы вырѣзывали руны; американскіе имѣли свои особые знаки, соотвѣтствовавшіе рунамъ; европейскіе ввели письменныя буквы. Надписи обыкновенно показывали время рожденія и кончины, великія заслуги и гражданскія добродѣтели. Чувствительность и нѣжность, были предметъ постоянныхъ выраженій родителей, дѣтей и друга. Пламенная любовь и пылкая страсть, изъяснялись языкомъ поэзіи. Все выражалось по своимъ понятіямъ и чувствамъ, — такъ дѣлается и нынѣ, потому что все въ мірѣ говоритъ и дѣйствуетъ какъ умѣетъ.

Голосить по умершемъ.

Повсюду было въ обычаи сопровождать покойника съ воплемъ и вытьемъ. Греки и Римляне нанимали, для увеличенія печальнаго обряда, особыхъ женщинъ, которыя рыдали и вопили раздираю-

щимъ голосомъ, провожая умершаго до самой могилы. Это обыкновеніе долго господствовало въ Европѣ. У насъ, между простолюдинами, доселѣ въ обычаи *голосить* (*). Есть особо искусныя женщины въ этомъ занятіи. Онѣ такъ умѣютъ притвориться плачущими, что неопытной пріймет за дѣйствительное изліяніе ихъ горести. На могилахъ встрѣчаются часто старушки, посѣщающія мѣста успокоенія своихъ родственниковъ, и голосящія заунывно-протяжнымъ голосомъ, которымъ растрогиваютъ самое безчувственное сердце. Сначала прилягутъ на могилу, качаются на ней головою нѣсколько минутъ и начинаютъ хныкать, потомъ немножко поплакивать, наконецъ, обхвативъ обѣими руками могилу, налегаютъ на нее грудью и постепенно повышаютъ голосъ, громче и громче, до того, что онъ начинаетъ раздаваться по всему кладбищу. Онѣ выхваляютъ покойника или покойницу, предлинными причитаніями: «Ахъ ты, моя сизая голубка! не долго по свѣту гуляла; не долго твой дружокъ, тобою любовался.—Ахъ ты, моя родная! всѣ родные по тебѣ плачутъ, и твоя бабушка помирающи голоситъ теперь и всегда. Что солнышко закатится, то новыя слезы. Ахъ ты, мой свѣтъ дорогой! Оставила насъ, чтобы слёзоньки проливати. Аль

(*) Петръ В еще въ 1715 г. запретилъ выть по мертвымъ, по случаю кончины супруги Царя Іоанна, Прасковіи Ѳеодоровны, урожденной Салтыковой; однако это обыкновеніе не совсѣмъ уничтожилось. Обычай голосить, былъ извѣстенъ въ глубокой древности. Самъ Гомеръ описываетъ это, и вотъ примѣръ о Гекторѣ:

Тѣло они положили: пѣвцовъ, начинателей плача,
Подлѣ него помѣстили, которые голосомъ мрачнымъ,
Пѣсни плачевныя пѣли; а жены имъ вторили стономъ.

Гнѣд. Иліада Гомера, пѣсн. XXIV. ст. 720-723, изд. 1839 г.

ты тамъ, пташкой звонкой летаючи, лютости не вѣдащъ, не знашъ кручинушки ясного соколика, твоего вдовца дорогого? Аль зналъ ли кто, что съ утренней зари тебя болѣ не станетъ; во чистое поле полетишъ, межъ крестами мѣстечко полюбишъ? Думала ль я, гадала ли я, что доживу до печальнаго разставанья, и буду охать въ тоскѣ и въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ горемычной кручиниться, пришлось мнѣ говорити тоску лютую, гробовую. У насъ бьется сердце по тебѣ, убивается, а нѣкому утѣшити. Всякой часъ, всякую минуту, по полуднямъ по полуночамъ, ни заѣмъ, ни запью, не проливъ слезы ручьями кристальными. Ой горькая истома моя! бѣдная головушка, съ утра до вечера кручинная! Ты душа, мой ангельчикъ, была бѣлѣе снѣгу бѣлаго, румянѣе солнца огненнаго, миловиднѣе луны серебристой, а теперича? О, охъ! — Вздохни, отозвися, аль ты полюбила сырую мать землю, забыла свою родную? — Подымались мятели со снѣгами, то на наше бѣдованье; выходили тучи изъ за облакъ вьюгами грозными, то на наше сѣтованье: они унесли нашъ свѣтъ ненаглядный; они зарыли и землей прикрыли. Не недужилась бы я, кабы болѣсть не тяготила, по моей красоточкѣ; ложилась бы спать я, ранымъ ранехонько, кабы знала, кто меня уложитъ! не рыдала бы я, какъ бы предвѣдала закатъ ненагляднаго дитятки! То мнѣ и утѣшенье, какъ поплачу.—Заря зарница выходитъ, какъ красная дѣвица, а ты не взойдешъ: съ черною ночью сдружилась. Звѣзды взойдутъ огнекрупными слезами, на тебя взглянутъ и падаютъ, а ты, дитятко дорогое, одна не шелехнешся! Сорву ли цвѣточки, положу ли на могилку, они завянутъ отъ моихъ слезъ, слезъ горючихъ! Кто выпьетъ мою воду, какъ не сырая земля! О ты моя незапамятная! во снѣ, али на яву я плачу рыданьемъ и тебя не вижу?

Во мнѣ все закручинилося, золотая моя рыбонька, крошечка-малиновка, душечка-канареечка. Ума разума не приложу, за что оставила? Вдоволь было истомы въ моей жизни, а ты еще прибавила. За то ли, что я тебя любила, али чѣмъ я тебя прогнѣвила? Повѣдай ангельчикъ, не скрывай; скажи: я одна подлѣ тебя; я давно жду твоего отвѣтика, аль ты загордилась, аль не узнашъ голоса взрыднаго? Кланяюсь, цѣлую въ розовыя губки, скажи, хочъ на ушко, порадуй не порадную, обними обнимающую тебя. — Проснись, пробудись, аль ты спишъ вѣковымъ сномъ.»

Случалось видѣть, что отъ продолжительныхъ рыданій иныя дѣлались безчувственными, ко всему окружающему ихъ, и только силой отводили отъ могилъ; а другіе впадали въ горестное изступленіе, заболѣвали и умирали въ скоромъ времени.

Плачъ родныхъ всегда проистекаетъ изъ глубокой горести. Съ какою убійственною тоской, рыдаютъ дѣти на могилѣ матери! «Родительница моя матушка, жалкое желаньице! На кого ты насъ оставила, на кого мы сироты понадѣемся? Ни съ которой стороны не завѣютъ на насъ теплые вѣтерочки, не услышимъ ласковаго словечка. Люди добрые отъ насъ отшатнутся, родные отзовутся (отрекутся): заржавѣетъ наше сиротское сердце. Печетъ красное солнышко середи лѣта теплаго, а насъ не согрѣетъ; лишъ притеплитъ насъ, зеленая дубровная могилушка-матушка. Прибери насъ, матушка, промолви слово ласковое! Нѣтъ, скрѣпила ты свое сердечушко, крѣпче камешка, и прижала неласковыя рученьки къ ретиву сердцу. Лебедушка моя бѣлая! въ какую путь дорожиньку собралась, снарядилась ты, съ которой сторонушки ждать намъ тебя? Взбушуйте вы, вѣтры буйные, со всѣхъ четырехъ сторонушекъ! Понеситесь вы, вѣтры, къ

Божіей церквѣ, размечите вы, сыру землю. Ударьтесь вы, буйны вѣтры, въ большой колоколъ! Не разбудитъ ли звонъ его со мною, слова ласкова.» (*)

Погребеніе особъ Царственнаго дома и черное платье, или трауръ.

Съ введеніемъ христіянской вѣры, погребеніе совершалось у насъ почти единообразно, изключая, что богатыхъ, знатныхъ и изъ Царскаго рода, предавали землѣ съ большею пышностію. Послѣ смерти каждаго, звонили въ колоколъ; потомъ одѣвали покойника и отправляли по немъ печальный обрядъ. Тоже самое происходило съ особами Царственнаго дома.

О похоронахъ царскихъ мы имѣемъ извѣстіе XVII в., писанное современникомъ Котихинымъ. Заимствуемъ изъ него. — О смерти Царя тотъ часъ давалось знать патріарху и боярамъ. Патріархъ приказывалъ звонить медленно въ одинъ колоколъ, чтобы всѣ знали; по-

---

(*) Дашковъ: Опис. олонецкой губ., помѣщ. въ журн. мин. вн. д., 1841 г. № 12. с. 432-434.—Голосить по умершемъ, часто представляется въ народѣ въ насмѣшливомъ видѣ. Вотъ образецъ на малороссійскомъ языкѣ.—Жена весьма рада, что померъ ея мужъ; она плачетъ по немъ сквозь зубы, а плачетъ для того, чтобы не подумали, что она въ самомъ дѣлѣ рада его смерти.—«Ой мій чоловиче, мій голубчику! Тыжъ бувъ у мене хозяинъ: коли була у тебе мирка пшена и мирка муки? Тыжъ було якъ наорешъ, да насіишъ тыхъ кавунивъ, да тыхъ гарбузивъ, да тыхъ пречистыхъ дынь,... дынь,... дынь,... дынь,... дынь.... А кума прійшла пидъ викно, та каже: що ты кумо робишъ? Дурню, святе тило лежитъ на столи.—Бачъ що затіяла!—А я зъ тоски, зъ печали, да въ голову зайшла; да вже и десятыхъ найшла. Отъ и кажу: кумо, поплачъ, сдилай милость, надъ моимъ чоловикомъ. Я дамъ тоби чорне руно, а мене кликали добры люди у свашки.—

Ну добре, отъ и плаче: тужу, тужу та по чужому мужу, да не дармо,—за чорное руно.—А кума прійшла съ дружками пидъ викно, тай припива: плачъ, плачъ, кумко! да не дармо. Дамъ тоби чорнее руно, гу, гу, гу, гу....

томъ онъ отправлялся въ церковь, и отпѣвалъ по немъ великій канонъ. Тогоже дня омывали тѣло теплою водой; надѣвали чистое споднее платье; послѣ облачали въ царскую одежду и клали во гробъ корону. Гробъ былъ деревянной, обивался вишневымъ бархатомъ а сверху краснымъ. — Бояры, думные и ближніе люди, одѣвались въ черное платье, называемое нынѣ трауромъ, и съѣзжались во дворецъ для прощанія. Потомъ выносили тѣло въ придворную церковь, которая была устроена надъ царскими покоями, и тамъ стояло шесть недѣль. Дьяки денно и нощно читали псалтырь съ молитвами. — Въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ, совершали въ церквахъ и монастыряхъ шестинедѣльное поминовеніе; ставили кутью ежедневно, кромѣ воскресенья и большихъ праздниковъ. Патріархъ разсылалъ грамоты къ высшимъ духовнымъ, отъ митрополита до игумена, съ извѣщеніемъ о присутствованіи имъ при царскомъ погребеніи. На третій день былъ поминальный столъ, у Царицы или Царевичей, для власти духовной. — Панихиду отпѣвали надъ кутьею, приготовленною изъ варенаго сарачинскаго пшена: съ сытою, сахаромъ и ягодами. Въ монастыряхъ и церквахъ, приготовлялась одна пшеничная кутья съ сытою. Послѣ трехъ недѣль бывалъ столъ поминальный, для духовенства и бояръ. По наступленіи похоронъ, весь Царской домъ, духовенство и всѣ свѣтскія особы, являлись ко двору въ черныхъ одеждахъ и совершали погребальный обрядъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала шли діяконы, іереи и пѣвчіе съ пѣніемъ канона; за ними несли тѣло священники; а позади ихъ шли: патріархъ съ духовенствомъ, Царевичи и бояры; потомъ Царица, Царевны, боярыни, народъ обоего пола, всѣ вмѣстѣ, безъ чину, но съ рыданіемъ. По перенесеніи тѣла ночью, въ Архангель-

скій соборъ, іереи оставались предъ церковью; всѣ прочіе входили и ставили тѣло посреди храма, противу олтаря. Во время погребальнаго шествія, давали всѣмъ безъ разбора восковыя свѣчи, витыя и простыя.—Свѣчей расходилось больше 80 пудъ.—Потомъ, совершивъ погребальное пѣніе, опускали гробъ въ землю, и накрывали каменною доской. Патріархъ читалъ молитву надъ кутьею, кадилъ ладаномъ; послѣ молитвы онъ откушивалъ кутью ложкою, три раза; за нимъ подносили Царскому дому и всѣмъ присутствующимъ, и наконецъ расходились по домамъ. Надгробныхъ рѣчей не говорили. Изъ царской казны отпускались поминальные деньги. Патріарху 100 руб., митрополитамъ по 80., архіепископамъ и епископамъ по 70 и 60., архимандритамъ, игуменамъ и старшимъ іереямъ отъ 50 до 30, а младшимъ священникамъ и дьяконамъ отъ 30 до 5. Заготовляли еще во всѣхъ приказахъ денежное подаяніе: завертывали деньги въ бумагу, отъ рубля до полуполтины, и подъячіе раздавали на площадѣ людямъ всякаго сословія, убогимъ и нищимъ. — По монастырямъ и богодѣльнямъ раздавали отъ 5 до 2 р. на особу. Въ другихъ городахъ отпускали погребальные деньги, и милостыню въ половину и въ треть противу московской. — Изъ всѣхъ тюрьмъ освобождали узниковъ. — По истеченіи сорока дней, называемыхъ сорочины, отправляли въ томъ же самомъ соборѣ обѣдню и панихиду; давали для всѣхъ поминальный столъ и вновь раздавали милостыню, уже въ половину противу первой раздачи.— При этихъ похоронахъ истрачивалось денегъ во всемъ государствѣ, около той суммы, какая израсходовалась въ теченіи года.

Похороны Цариць, Царевичей и Царевенъ, совершались однообразно съ описаннымъ обрядомъ,

съ той разницею, что при погребеніи первыхъ, съѣзжались совсѣхъ городовъ духовныя особы, и подаяніе отпускалось въ половину противу погребенія Царя; при погребеніи вторыхъ, подаяніе было нѣсколько меньше противу Царицы, а при погребеніи третьихъ отпускалась четвертая доля, въ сравненіи съ Царемъ. При погребеніи Царевичей и Царевенъ, не присутствовали Царевны и Царицы; только одинъ Царь.—Весь Царской домъ и придворные, носили черную одежду шесть недѣль.—Тоже самое соблюдалось между сановниками и дворянами, по своимъ умершимъ; простой народъ не слѣдовалъ этому обыкновенію.—Каждую субботу отправляли поминовеніе объ усопшихъ изъ Царскаго рода, и по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, поставлялось въ обязанность, отправлять ежегодно поминовеніе до скончанія міра. (*)

Печальныя одежды были у насъ въ употребленіи съ незапамятныхъ временъ, и назывались *чернымъ*, *смирнымъ* и *печальнымъ*. (**) Бояринъ Петръ, отправленный посломъ

(*) Григор. Кошихинъ: о Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, с. 15-17.

(**) *Трауръ*, отъ нѣмецкаго слова Trauer, означаетъ скорбь, печаль, поэтому и самое платье, носимое по смерти, проименовалось траурнымъ, и перешло къ намъ вмѣстѣ *съ флеромъ* (нѣмец. слово Flor), и *чернымъ крепомъ* (франц. crêpe и gaze), не прежде XVIII в., что доказывается церемоніями, совершенными по случаю кончинъ: Лефорта, Гордона и другихъ сотрудниковъ Петра В.—Греки, изображая скорбь по умершемъ, представляли самыхъ богинь въ черныхъ одеждахъ. Такъ Ѳетида, дочь Зевеса, оплакивая падшаго Гектора, одѣлась въ самое черное платье:

.....Облеклася Ѳетида одеждой печали,
Черным покровомъ, чернѣйшимъ изъ всѣхъ у нее одѣяній, —

Гнѣдичъ: Ил. Гомера, пѣсн. XXIV. ст. 93–94. изд. 1839 г.

отъ В. К. Изьяслава (въ 1153 г.) къ галицкому князю Владимірку, былъ встрѣченъ предъ дворцемъ сановниками и слугами, въ черныхъ одеждахъ. Посолъ вошелъ въ сѣни: тамъ юный князь Ярославъ сидѣлъ въ черной одеждѣ и клобукѣ, среди вельможъ и бояръ, одѣтыхъ въ печальныя платья. Ему подали стулъ. Ярославъ заливался слезами. Изумленный боярин хотѣлъ знать причину общей горести и свѣдалъ, что Владимірко, отслушавъ вечерню въ церквѣ, упалъ и, принесенный во дворецъ, скончался. — Послѣ смерти Маріи, супруги Іоанна IV (сконч. въ 1569 г. сент. 1), Царь, бояры, дворяне и всѣ приказные были въ *смирныхъ* или смиренныхъ платьяхъ; шубы на нихъ были бархатныя камчатныя, безъ золота, потому что Государь былъ въ кручинѣ; дѣла остановились; по городамъ служили панихиды и давали милостыню нищимъ. (*)

Вотъ обрядъ погребенія Царя Ѳеодора Алексѣевича. Въ 1682 г. апр. 28, въ пятомъ часу дня, вошелъ патріархъ Іоакимъ со всѣмъ духовенствомъ, хоругвями и крестами, въ траурную комнату, въ которой лежало тѣло Государя подъ золотымъ балдахиномъ, и отпѣвалъ. Потомъ спальники несли тѣло, подъ тѣмъ же балдахиномъ, а за нимъ другіе спальники надгробную доску, покрытую серебряной объярью. По принесеніи усопшаго на красное крыльцо, его положили на приготовленныя сани (**), обитыя золотымъ атласомъ, и

(*) Кар. И. Г. Р. т. II. с. 263.; т. IX., с. 139.

(**) Сани въ старину имѣли троякое значеніе: 1) простой зимній экипажъ 2) погребальные сани, на коихъ отвозили покойниковъ, зимою и лѣтомъ и 3) носилки, употребляемые для ношенія слабыхъ и нездоровыхъ. — Владиміръ мономахъ употребляетъ выраженіе, въ своей духовной: *сидя на*

понесли краснымъ крыльцемъ, — среднею лѣстницею, до Михайловскаго собора. — Предъ тѣломъ шли со святыми иконами и крестами, священники и діяконы; за ними Государевы и патріаршіе пѣвчіе, которые пѣли надгробное пѣніе; потомъ игумены, архимандриты, епископы, архіепископы, митрополиты и патріархъ. За тѣломъ шелъ Государь Петръ *въ смирномъ* платьи, его мать Царица Наталія Кириловна; за ними окольничіе, думные, дворяне и ближніе люди; послѣ, Царевичи и бояры: всѣ въ черной одеждѣ.—За ними дворяне несли Царицу Марѳу Матвѣевну на саняхъ, обитыхъ чернымъ сукномъ. За Царицею шли боярыни, кравчій, казначей, верховыя боярыни (статсъ-дамы) и другія придворныя дамы, въ смиренномъ платьи. Государь Петръ, по прибытіи въ соборъ, простился съ усопшимъ своимъ братомъ и возвратился во дворецъ, съ своею державной матерью.

По отправленіи патріархомъ обѣдни и надгробнаго пѣнія, со всѣмъ духовенствомъ, присутствовавшіе подходили цѣловать руку умершаго Царя, съ неутѣшными слезами и воплемъ, и наконецъ опустили гробъ въ могилу. (*)

Воспоминанія о кончинѣ добрыхъ Государей и мѣста ихъ погребенія

Великихъ Князей и ихъ семейственный родъ, предавали землѣ безъ пышности; но народъ всегда сѣтовалъ и лилъ по нимъ слезы не притворно. Онъ пла-

---

саняхъ, вмѣсто будучи при дверяхъ гроба, Супруга В.К.Василія, Елена, урожден. Глинская, не могла отъ глубокой горести итти за его гробомъ, почему ее несли на саняхъ боярскія дѣти, до самой церкви.—Царица Марѳа Матвѣевна, урожденная Апраксина, была такъ же несена дворянами на саняхъ, за гробомъ своего супруга Царя Ѳеодора.

(*) См. подробнѣе въ Опытѣ труд. вольн. россійск. собр. ч. V. с. 136. и т. д.

калъ сердечно; а его слезы, лучшій памятникъ для Царей. — Всѣ сословія провожали любимаго Монарха, до самой могилы. Сказанія о нихъ, къ услажденію памяти потомства, сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ. Когда В. К. Владиміръ I. скончался въ Берестовѣ (1015 г.), въ загородномъ своемъ дворцѣ, не избравъ по себѣ наслѣдника; тогда приближенные его выломали ночью полъ въ сѣняхъ, завернули тѣло въ коверъ, спустили внизъ по веревкамъ и отвезли въ храмъ Богоматери, скрывая смерть отъ усыновленнаго Святополка, дабы дать время, любимому его сыну Борису, возвратиться въ Кіевъ и занять престолъ. Но печальная вѣсть, скоро разнеслась по городу: вельможи, народъ и воины, бросились въ церковь, — и своимъ стенаніемъ изъявили отчаянную горесть. Всѣ оплакивали его и провожали до могилы. — Тоже нелицемѣрное чувство печали, было изъявлено В. К. Ярославу, котораго тѣло несли изъ Вышегорода, и все рыдало по немъ. В. К. Изъяславъ, убитый въ сраженіи (1078 г.) близъ Чернигова, былъ предметомъ всеобщей печали. Когда тѣло его привезли въ Кіевъ на лодкѣ, тогда на берегу рѣки встрѣтили его кіевскіе жители со слезами: знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные. Вопль народный, какъ говоритъ лѣтописецъ, заглушалъ священное пѣніе. — (*) Александръ невскій, истощенный

(*) Мы ничего не знаемъ: въ какихъ одеждахъ клали въ гробъ Великихъ и удѣльныхъ князей. — Изъ общепринятого обыкновенія, хоронить въ тѣхъ одеждахъ, какія означали санъ и достоинство умершаго, можно заключить только, что великихъ и удѣльныхъ князей клали въ ихъ царственныхъ одеждахъ. Однако есть достовѣрное извѣстіе, что князь Владиміръ волынскій, померщій въ Любомлѣ 1289 г., былъ обвитъ въ бархатъ съ кружевами, и похороненъ въ Владимірѣ на Клязьмѣ,

въ силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, въ ревностномъ служеніи отечеству, гаснулъ видимо. Окружающіе это видѣли и плакали; они всѣ были готовы лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митроп. Кириллъ, узнавъ о его кончинѣ (1263 г.), воскликнулъ въ собраніи духовенства: *закатилось солнце отечества*! — Никто не понималъ его словъ; онъ долго безмолствовалъ, залился слезами и сказалъ: *не стало Александра!* — Всѣ задрожали. — Гробовая вѣсть быстро разнеслась по столицѣ, и всѣ повторяли съ отчаяніемъ: *погибаемъ*! — Духовенство и жители Владиміра, не смотря на жестокой зимній холодъ, пошли на встрѣчъ гробу до Боголюбова: не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, чего Россія въ немъ лишилась.—Дмитрій донской былъ равномѣрно оплакиваемъ; его похоронили въ церквѣ Архангела Михаила (1389 г. мая 19). Когда В. К. Василій Ивановичъ, находился на смертномъ одрѣ, тогда никто не спалъ въ Москвѣ. Съ ужасомъ ждали вѣсти; народъ толпился на улицахъ; плачъ и вой раздавался отъ кремлевскаго дворца до красной площади. Бояры, заливаясь слезами, уже не удерживали окружающихъ отъ громкаго плача и стенанія. Когда Государь скончался (1533 г.), тогда всѣ зарыдали.—Миполитъ омылъ тѣло, вытеръ хлопчатой бумагою, и облекъ въ полное монашеское одѣяніе. Между тѣмъ ударили въ большой колоколъ; тѣло положили на одръ, принесенный изъ Чудова монастыря, и растворили двери. Народъ устремился съ воплемъ, и цѣловалъ оледе-

---

въ церкви св. Богородицы. Кар. И. Г. Р. т. IV. с. 138 и 140.; прим. 175 с. 375.; см. еще Волынск. лѣт,

нѣвшія руки. Любимые пѣвчіе Царя, пѣли хоромъ: Святый Боже. Отъ рыданій и стоновъ, никто ихъ не слыхалъ. Иноки Іосифова и Троицкаго монастыря, несли тѣло въ церковь св. Михаила. Скорбь въ народѣ была неописанная, потому что *дѣти хоронили своего отца*, по выраженію современниковъ.—Сынъ его Іоаннъ IV, наводившій ужасъ при жизни, былъ страшенъ и мертвымъ; царедворцы долго не вѣрили глазамъ своимъ, что онъ померъ, и необъявляли о его смерти. На третій день совершилось погребеніе во храмѣ св. Архангела Михаила, но слезы народныя не текли по усопшемъ.—Гласъ народа, гласъ Божій; судъ тогда же совершился: и въ потомствѣ осталась по немъ память грознаго. Напротивъ, кончина сына его Ѳеодора (1597 г.), котораго народъ любилъ, приписывая дѣйствію его ревностныхъ молитвъ, благосостояніе отечества, рыдалъ по немъ. Когда на разсвѣтѣ ударили въ большой колоколъ Успенскій, тогда раздался въ Москвѣ вопль: отъ палатъ до хижинъ. Каждый домъ, по словамъ современниковъ, былъ домомъ плача. Дворецъ не могъ вмѣстить людей, стремившихся облобызать усопшаго. Царица Ирина ужасала всѣхъ своими стонами и воплями: она терзалась, и ни кого не слушала. Изъ устъ ея, обагренныхъ кровью, вырывались слова: «Я вдовица безчадная, мною гибнетъ корень царскій!»—Погребеніе совершилось въ церквѣ Михаила Архангела. Отъ слезъ и рыданій, прерывалось священнодѣйствіе, и за воплемъ народнымъ никто не могъ слышать пѣнія. По совершеніи печальнаго обряда, раздали богатую казну бѣднымъ, церквамъ и монастырямъ; отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, чтобы дѣйствіемъ милосердія, увѣнчать земную славу Ѳеодоровыхъ добродѣтелей. — Не менѣе умилительное и трогательное воспоминаніе,—о смерти

Петра В. — Народъ, назвавшій его *отцемъ отечества*, любилъ его, какъ дѣти своего отца. Когда пронеслась вѣсть по Петербургу, о безнадежности его выздоровленія; тогда весь народъ обратился во храмъ, и молилъ Бога со слезами: о продолженіи дней его, — понынѣ драгоцѣнныхъ для всей Россіи. Но судьбамъ Всевышняго, угодно было возвать его въ обитель вѣчности, а жители долго не знали, что Петра уже не стало. — Отъ нихъ скрывали, — единственно изъ горести. Едва пролетѣла молва о кончинѣ незабвеннаго Монарха, вдругъ нахлынули толпами ко дворцу его, — находящемуся на петербургской сторонѣ, — окружили съ плачемъ и воплемъ, и думали, что отчаяннымъ своимъ рыданіемъ, поднимутъ его изъ гроба. Кн. Меньшиковъ явился къ народу: онъ плакалъ неутѣшно, и отъ слезъ своихъ не могъ вымолвить ни слова. Его чувства раздѣляли и всѣ плакали съ нимъ. Вопль раздавался повсюду, и вся столица обливалась слезами. Государыня Екатерина была въ неописанномъ отчаяніи: она не отходила отъ гроба, цѣловала усопшаго, орошала его слезами, обнимала, становилась предъ нимъ на колѣна и умоляла встать; потомъ съ ужасомъ кричала: онъ умеръ! онъ не встанетъ болѣе! — Отъ сильныхъ потрясеній души, падала въ обморокъ, дѣлалась безчувственною, почти мертвою. Ее приводили въ чувства, и она опять устремлялась къ умершему, и призывала его къ жизнѣ. — Окружавшіе усопшаго внутри и внѣ дворца, повторяли безутѣшное возваніе. Только слышались стоны и болѣзненныя слова: нѣтъ уже нашего защитника! нѣтъ нашего правдиваго Царя! нѣтъ нашего отца! — Не было человѣка, который не спѣшилъ бы проститься съ своимъ отцемъ: цѣловали правосудную его руку, платье, ноги, и самой гробъ его. Но и тутъ

кричали: закатилось наше солнце, надёжа — Государь! Горе, горе намъ, оставленнымъ тобою! — Народъ утѣшали, что Богъ, за добродѣтельные подвиги Монарха, наградилъ его царствіемъ небеснымъ; что Творецъ милосердный успокоилъ его отъ тяжкихъ трудовъ, — совѣтовали не плакать, — и сами плакали. — При выносѣ тѣла и во время погребальнаго шествія, заглушалось пѣніе стонами и воплями. И когда краснорѣчивый голосъ вытіи, Ѳефана Проковича, прогремѣлъ въ соборѣ Петропавловскомъ: *что видимъ? что дѣлаемъ? — Петра великаго погребаемъ*, — тогда онъ самъ горько залился слезами, и не могъ говорить болѣе, не могли и присутствовавшіе слушать болѣе, — не хотѣли и слышать, что дѣйствительно погребаютъ Петра. Весь храмъ потрясся отъ новыхъ рыданій. — По совершеніи печальнаго обряда надъ умершимъ, опустили его въ могилу, и задвинули доской. Изумленный народъ стоялъ въ церквѣ, не выходилъ, и все рыдалъ: онъ еще думалъ видѣть его въ живыхъ, среди себя, и отъ чрезмѣрной скорби забылъ, что и Царь его, тотъ же смертный!

Екатерина Великая, прозванная народомъ *матушкою*, была имъ оплакиваема нелицемѣрно. Смерть ея до того растрогала сердца Русскія, что когда узнали о ея кончинѣ, тогда всѣ храмы мгновенно наполнились молившимися и рыдавшими непритворно. По улицамъ ходили съ поникшими головами и блѣдными лицами. — Знакомые, встрѣчаясь съ знакомыми, не привѣтствовали другъ друга, а говорили: *померла наша матушка, не нажить намъ такой Царицы!* — Зимній дворецъ былъ наполненъ людьми всѣхъ сословій, притекавшими еще разъ взглянуть на свою истинную *матушку*. Вся Россія облеклась въ печаль, ибо она знала, чего лишилась въ ней. —

Донынѣ Александръ благословенъ въ устахъ на-

рода, ему любезнаго и за гробомъ ему вѣрнаго. Память по немъ, хотя еще свѣжа; однако благодатная. Судъ потомства насталъ, и достойно назвалъ его: *Александръ Благословенный*. Постигшая его смерть въ такомъ возрастѣ, когда лѣта и здоровье, радовали отечество, поразила всѣхъ неожиданно. Первая вѣсть, что *Благословеннаго* уже нѣтъ на землѣ, пролетѣла съ молніеносной быстротой, по всѣмъ концамъ Россіи. Но она долго не вѣрила, она и не могла вѣрить, потому что она имъ жила и имъ дышала; но когда скорьбная вѣсть подтвердилась, — всѣ содрогнулись. Искреннія слезы, сѣтованіе, мертвое безмолвіе и невыразимая скорбь, отразились на всѣхъ лицахъ.—Вмѣсто утѣшенія повторялось отрадное повсюду: *нашъ ангелъ на небесахъ!* — Эти отрадныя слова, произнесенныя изъ глубины сердца Императрицы Елисаветы, такъ были свойственны Благословенному, что благодарная Россія увѣковѣчила дѣла его, воздвигнутымъ памятникомъ, на верху коего парящій ангелъ указываетъ на небо: *нашъ ангелъ на небесахъ!* —

Принятіе схимы предъ смертію.

Набожность нашихъ предковъ, была обыкновенною добродѣтелью, потому предъ кончиною своею они принимали схиму, и умирили въ иноческомъ званіи. Такое обыкновеніе было и между Великими Князьями; оно начинается не прежде XIII в. и продолжалось до начала XVII. Едва ли Александръ невскій не первый принялъ схиму, ибо до него намъ ничего неизвѣстно о другихъ. Въ монашествѣ дали ему имя Алексія.—Великія Княгини часто, послѣ смерти супруговъ, сами постригались. — Дочери Великихъ Князей тоже принимали, предъ своею кончиною, монашескій чинъ; принявшихъ схиму хоронили по обряду иноческому.

Мѣста погребенія особъ

Мѣста погребенія особъ Великокняжескаго Дома, были въ Кіевѣ соборы: св. Богородицы и св. Софіи.

По перенесеніи столицы, въ полов. XIII ст., изъ Кіева во Владиміръ на Клязьму, потомъ въ Москву, въ XIV в., такъ же соборныя церкви служили почетнымъ погребеніемъ: въ первомъ былъ монастырь Рождества Богородицы, называвшійся Великою архимандритіею, а во второмъ церковь св. Архангела Михаила, въ простонародіи Архангельскій соборъ. Въ послѣднемъ почіютъ тѣла Великихъ Князей, Царей и Царевичей до Петра В., который первый похороненъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, построенной имъ въ новой его столицѣ. Съ тѣхъ поръ этотъ соборъ содѣлался мѣстомъ погребенія особъ Царственнаго Дома, для обоихъ полъ, и не носившихъ короны. До этого же времени Великія Княгини, Княжны, Царицы и Царевны погребались въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. — Великокняжескаго и Царскаго домовъ.

Въ Малороссіи немедленно даютъ знать священнику объ умершемъ, и просятъ, чтобы тотъ часъ звонили въ большой колоколъ. Если бы на то время, не случилось дома кого либо изъ церковныхъ причетниковъ, то позволяется и свѣтскому человѣку прозвонить за упокой души. Всякой, услышавшій таковой звонъ, который отличается отъ обыкновеннаго медленностію ударовъ и заунывностію, долженъ креститься и читать отходную молитву, или пожелать царствія небеснаго. — Звонъ по умершемъ.

У католиковъ ежедневно, въ двѣнадцать часовъ полудня, бьютъ въ колоколъ, при коемъ всѣ должны читать *Ave Maria* (Богородица дѣва радуйся). Это для того, чтобы всѣ молились и въ полдень; не забывали бы Бога, и не садились обѣдать, не помоливши.

IV. ПОМИНКИ.

Переходное обыкновеніе поминовеній. — Тризна. — Село скудельничье. — Названіе поминокъ и ихъ разнообразное отправленіе.

V. ДМИТРІЕВСКАЯ СУББОТА.

Происхожденіе дмитріевской субботы. — Поминовеніе общее. — Разныя названія дмитріевской субботы и поминовеніе.

IV.

ПОМИНКИ.

Переходное обыкновеніе поминовеній.

Совершеніе поминовеній по усопшимъ, извѣстно было на востокѣ, съ незапамятныхъ временъ. Тамъ, по сожженіи тѣла покойника, родные и друзья заключали печальной обрядъ веселымъ угощеніемъ. Такое обыкновеніе господствовало долгое время, между Греками и Римлянами, — и можно сказать, до введенія христіянской вѣры.—Нѣкоторые изъ нашихъ писателей несправедливо замѣчаютъ, что поминовеніе по усопшимъ, перешло къ намъ отъ Грековъ. — Напротивъ, это было общее между германскими племенами, — и нѣтъ сомнѣнія, что наши предки, находясь съ ними въ сношеніяхъ, приняли нѣкоторые семейные ихъ обычаи, и потомъ приноровили ихъ къ своей потребности.

Во многихъ славянскихъ земляхъ соблюдалось, долгое время, празднество въ честь мертвыхъ. Въ Силезіи, Польшѣ, въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ, народъ ходилъ съ разсвѣтомъ дня, марта 1., съ зажжен-

ными факелами на кладбище, и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Богеміи строили еще молельны на распутіяхъ, для успокоенія души, и представляли усопшихъ въ личинахъ, а въ память ихъ совершали игры.

У Словаковъ, Чеховъ, Лузійцевъ и Поляковъ, совершали въ древности *смертную* или *цвѣтную недѣлю* (*).

Тризна. Россійскіе Славяне праздновали надъ мертвымъ *тризну*, и послѣ поминовенія показывали свою силу въ разныхъ играхъ, предъ самой могилою (**).

Этотъ поминальный обрядъ, сохранявшійся между Кривичами Сѣверянами, Радимичами и Вятичами, былъ въ употребленіи еще во времена нашего лѣтописца Нестора, въ пол. XI и нач. XII в. Кіевскіе, волынскіе и польскіе Славяне совершали, послѣ погребенія мертвыхъ, пиршества, состоявшія изъ разныхъ кушаньевъ,—какое дѣйствіе называлось *стравою*, которая на польскомъ яз. значитъ *кушанье*. Обыкновеніе угощать кушаньемъ, послѣ погребенія, извѣстно издавна между славянскими племенами.

Село скудельничье. Христіянская набожность произвела особый умилительный обычай. Близь Москвы было кладбище, названное *селомъ скудельничимъ*, куда сходились люди добровольно въ четвергъ, на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, рыть могилы для странниковъ и пѣть панихиды, въ

(*) Kollar. Národn, Zpiew. ч. I. с. 4.

(**) Тризну объясняютъ нѣкоторые словомъ *tournoi*, турниръ; но это совершенно противурѣчитъ значенію обряда. Турниръ, забава собственно рыцарская. Она произошла въ средніе вѣки, и употреблялась при европейскихъ дворахъ, съ пышностію торжественною, до полов. XVIII в.; между тѣмъ какъ Славяне; перестали употреблять самую тризну въ XIII в.—Тризна наша, есть поминальный обрядъ послѣ погребенія, и значитъ трапезу по умершемъ.

успокоеніе душъ тѣхъ, коихъ имена и отечество, были имъ неизвѣстны. Они не умѣли назвать ихъ, но знали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ Нему чистыя, истинно христіянскія молитвы (*).

Названіе поминокъ и ихъ разнообразное отправленіе.

Чествованія на могилѣ, совершаемыя въ разныхъ краяхъ Россіи, почти единообразны, и только носятъ разныя наименованія, или имѣютъ церковныя какъ то: *вселенской, родительской субботы, дмитріевской субботы, радоницъ;* или народныя, какъ то: *осенинъ и большихъ осенинъ, хавтурей, дзядей и дѣдинъ.*— Во время поминальныхъ дней (**) родные и знакомые служатъ или въ церквѣ, или на самой могилѣ паннихиды, — и потомъ раздаютъ *задушіе*, (милостыню за упокой душъ). — Поплакавъ и порыдавъ надъ

(*) Кар. И. Г. Р. т. 17. пр. 629. подъ 1473 г.; т. VII. с. 219–220.; De Russor. relig. et ritib.; Herberst. De rer. Moscov. com. ed. Antv. 1557 г.; Mottley: The history of the life of Peter the Great. с 130.

Въ лѣтоп. подъ 1473 годомъ сказано, что погребеніе дѣлаютъ *въ четверіи седьмыя недѣли по пасцѣ.*

(**) При порабощеніи Россіи Татарами, мы встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ названіе поминокъ, подъ именемъ подарокъ, которые отсылались ежегодно въ Орду, или нарочно пріѣзжали за ними баскаки Въ послѣдствіи времени это слово вошло въ такое употребленіе, что когда Великіе Князья раздавали подарки боярамъ, дворянамъ или посольской свитѣ; то обыкновенно все это называли поминками. Бар. Герберштейнъ, посланникъ римскаго импер. Максимиліана, бывшій въ Россіи два раза: въ 1516 и 1526 гг., въ царствов. В. К. Василія, говоритъ съ отчетливою подробностію о поминкахъ, которыя состояли въ собольихъ, лисьихъ и куньихъ мѣхахъ, и пр. Еще въ царств. Импер. Елисаветы поминки происходили на Рождественскіе праздники и въ дни имянинъ.–Поминки обратились нынѣ *въ сувениры.*

могилами своихъ родныхъ, усаживаются тутъ кружкомъ и начинаютъ поминальную трапезу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, катаютъ на кладбищѣ, на Ѳоминой недѣли во вторникъ, окрашенныя яйца, поливаютъ могилу пивомъ, брагою, водкою и потомъ ставится кушанье. Приступая къ поминальной трапезѣ, дѣлаютъ возваніе къ родителямъ: *святые радзицили! ходзице къ намъ хльба-соли откушаць.* Потомъ, садятся въ кружокъ. — Послѣ пиру обращаются къ могилѣ покойника, съ извиненіемъ: *вы бачете, наши радзицели, и не дзивицесь; цо маемъ, то и несемъ.* — Почитается за грѣхъ, если кто не почтетъ память родителей поминальнымъ кушаньемъ.

Въ Бѣлоруссіи поминальный обрядъ называется хавтурами (*). Между жителями нѣкоторыхъ уѣздовъ смоленской губер., хавтуры употребляется въ разговорахъ вмѣсто похоронъ (**).

Въ олонецкой губ. поминовеніе совершается иногда цѣлою деревней: для этого назначаютъ день и налагаютъ на себя постъ. За два или за три дня до срока, собираются къ кому нибудь изъ сосѣдей, у кого побольше изба, и начинаютъ стряпню сами гости. Хозяева выдаютъ

(*) Въ Бѣлоруссіи говорятъ иногда chodzić po chauturach, т. е. смотрѣть за дымомъ, изъ которой трубы онъ выходитъ. Rakowiecki Prawda ruska, см. стат. Rys historyczny zwyzaiów, obyczaiów etc, slawianskich narodow, с. 36. — Говорятъ такъ же chodzić po chauturach, въ смыслѣ ходить на похороны. Нѣкоторые производятъ хавтуры отъ *хавъ* или *хау*, означающее смерть. Narb. Dzieje staroż. narod. litewsk, т. I. с. 314. 379–382.

(**) Здѣсь говорятъ: онъ былъ на хавтурахъ, или онъ отправлялъ хавтуры, это тоже самое, что онъ былъ на похоронахъ или отправлялъ похороны.

только припасы, и ходятъ по угламъ избы съ плачемъ и причитаньемъ. Въ назначенный день накрываютъ столы: одинъ на крыльцѣ, другой въ сѣняхъ, третій въ комнатѣ, и толпою выходятъ на встрѣчу воображаемымъ покойникамъ, привѣтствуя ихъ: «вы устали родные, покушайте чего нибудь.» Послѣ угощенія на крыльцѣ, идутъ тѣмъ же порядкомъ въ сѣни, а наконецъ въ избу.—Тутъ хозяинъ, обращаясь къ покойникамъ, предполагая ихъ присутствующими невидимо, говоритъ: «чай, вы зазябли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ-то, можетъ быть, было не тепло. Погрѣйтесь, родные, на печкѣ.» — Живые садятся между тѣмъ за столъ, и кушаютъ. Передъ киселемъ же, когда по обыкновенію поютъ вѣчную память, хозяинъ открываетъ окно, спускаетъ изъ него на улицу холстъ, на коемъ опускали покойника въ могилу, и начинаютъ провожать съ печки невидимыхъ покойниковъ. «Теперь вамъ пора бы домой, да ножки у васъ устали: не близко вѣдь было итти. Вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ.» — Для такого обряда выбираютъ обыкновенно урожайной годъ. Здѣшніе поселяне *пашутъ* еще могилы родныхъ во время поминокъ т. е., сметаютъ съ могилы соръ, стелютъ на нее платокъ и потомъ разсказываютъ въ слухъ покойникамъ, что случилось послѣ ихъ смерти (*).

Въ Малороссіи и Россіи, есть свое мнѣніе между простолюдинами; но тамъ и здѣсь, приносятъ кушанья и напитки, и чѣмъ побольше и повкуснѣе, тѣмъ, по мнѣнію простолюдиновъ, пріятнѣе покойникамъ, которые ниспосылаютъ за то благословеніе на ихъ домы.

(*) Дашковъ: Опис. олонецкой губ., помѣщ. въ жур. мин. вн. д. за 1841 г. № 12, с. 429–430.

Въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи, поминованія сопровождаются кутьею на медовой сытѣ, и оканчиваются разными приправами на кореньяхъ, закусками и водкою.—Въ Россіи употребительнѣе, въ таковыхъ случаяхъ, пироги съ яйцами, печеное и тоже водка. Женщины и дѣти пьютъ тогда пиво и медъ. Многія изъ женщинъ не отказываются и отъ крѣпкихъ напитковъ. Изъ важнѣйшихъ поминальныхъ дней, примѣчательна родительская суббота (*).

Въ Галиціи, по погребеніи покойника, всѣ идутъ въ корчму и тамъ совершаютъ по немъ страву. Во время поминокъ, поютъ жалобныя пѣсни, называемыя похоронными.

Oj! umar Maciek, umar,
Iuż sié nić nie rusza ;
Po kacie to taka sprawa,
Wyszla z Maćka dusza,
Oj! a wieząć go wiezą,
Przez śam środek wioski.
Oj! schodzą sie do niego
Z caléj wsi kumoski.
Oj! a wieząc go wiezą,
W marmurowej trumnie.
Oj! a wychodzi harendarz:
«Wróć się Macka do mnie!»

Umar Maciek, umar już ci go nie staje,
Odpuść jemu grzechy, miłościwy Panie,
Boć to czlek grzeczny,
Skoda że nie wieczny.
Umiał nas uciesyć, umiał pięknie spiéwać,
Lubiał często także w karczmie przesiadować,
Piwa często kupił.
Każdy się z nich upił.

(*) Объ ней см. особо въ этомъ сочиненіи, ч. V, статью IV.

Sprawiał nam ochoty i skrzypce najmował,
Czasem do bialego dnia z nami tańcował;
Aż nam wspomnieć miło,
Jakto z Maćkiem biło.

Iuż teraz do karczmy niema po co spiesyć,
Macie już nie przyjdze, kto nas będzie ciesyć;
Już nam nię zaspiéwa,
Już nie kupi piwa.

A w cóz sie obróci karczma jegomośći,
Że w niej nie będze tyle razy gości – !
Któż piwo wypije,
Gdy Maćiec niè żyje!

Już teraz nie będzie takiego odbytu,
Jak przed tym bywało do samego switu.
Z Mackiem się pijało,
Poki piwa stało,

Teraz karcmaz piwem nie biędze kupował?
Kiedy Maćiek umar, któż biędze kupował?
Karcmę chcą porzucić,
Do roli się wrócić.

Oto pożałujmy wszyscy, mili bracia,
Karcmaz z karcmarką i panowie swacia.
Już wszystko ustało,
Gdy Maćka nie stálo.

—

Ojca, matki nie mam,
Przyjacieli nie znam :
Sierota ubogo,
Keń ja sie podzieć mam ?
A moia mamuniu,
Co ty w grobie leżys !
Ja się ponièwiram.
A ty o tém nie wieś !
Ja się ponièwiram.
Jak ptasek po polu :
Nie moge zapłakać,
Od wielkiego bolu!

Od wielkiego żalu,
Padnę do Dunaju;
Od wielkiej litości,
Padnę do chorosci (*).

(*) Żeg. Paul.: Piesń lud. polskiego w Galicyi, cz. 54–57.

V.

ДМИТРІЕВСКАЯ СУББОТА.

Происхожденіе Дмитріевской субботы.

Знаменитая побѣда, одержанная В. К. Дмитріемъ донскимъ надъ татарскимъ ханомъ Мамаемъ, на куликовскомъ полѣ, при р. Донѣ, (*) (въ самую субботу) (6 сент. 1380 г.), послужила основаніемъ къ установленію ежегодного поминовенія, которое, по совѣту преподоб. Сергія, отправлялось между 18 и 26 числами октября, какъ время всеобщаго поминовенія: о падшихъ воинахъ за отечество. — Импер. Екатерины II постановила (указъ 1769 г. авг. 17), чтобы поминовеніе совершилось въ день усѣкновенія главы Іоанна предтечи (авг. 29).

Поминовеніе общее.

Въ россійской исторіи сохранились многіе примѣры поминованія по усопшимъ. Царь Іоаннъ IV. постановилъ, въ 1548 г. іюн. 21, совершать память по вои-

(*) Идѣже отцы и братія наши, испили за насъ горькую чашу смерти.—Русск. лѣт. и описаніе Мамаева побоища.

намъ, падшимъ въ неудачномъ походѣ противу Казани (въ 1547 г.). Въ то время была ужасная зима: люди падали мертвыми отъ холода.—Государь лично всѣхъ ободрялъ: обнажалъ самъ мечъ, и своимъ голосомъ призывалъ воиновъ къ побѣдѣ, но, къ несчастію, сдѣлалась оттепель, пошли сильные дожди, ломался ледъ на рѣкахъ и войско гибло.

Іоаннъ IV еще постановилъ синодики, по умершимъ невинно въ его царствованіе. По нимъ онъ велѣлъ пѣть панихиды и служить литургію соборомъ, въ субботу сыропустную. Кирило-Бѣлоозерской же обители предписалъ, поминать ихъ ежедневно. Монастыри дарилъ большими окладами, чтобы они молили Бога объ усопшихъ и о спасеніи его души.—Въ духовномъ завѣщаніи онъ поставляетъ въ первую обязанность, чтобы поминать прародителей и родителей, коимъ чрезъ то дѣлается отраднѣе, а поминающимъ ниспосылается царствіе небесное. (*)

Царевна Софія, прикрывая несчастливой походъ своего любимца кн. Вас. Вас. Голицына, противу перекопскихъ Татаръ (1686 г.), который растерялъ около 200.000 воиновъ, объявила его *побѣдителемъ славнымъ и никогда не слыханнымъ*, и повелѣла внесть въ синодикъ имена всѣхъ падшихъ воиновъ, для поминованія въ соборныхъ церквахъ и монастыряхъ.—Церковнымъ уставомъ 1668 г., предписывалось посылать въ покровскую субботу (октября 1), священниковъ и архимандритовъ въ убогіе домы, для совершенія общей панихиды, служить обѣдни по всѣмъ церквамъ и раздавать милостыню за упокой.

(*) Устрял. Сказан. кн. Курбскаго, ч. II. с. 307.-338. издан. 1833 г, Тутъ помѣщено 84 синодика Іоанна IV; Карамзинъ: И. Г. Р. т. X. с. 156., см. Духовн. завѣщаніе въ прибавленіи, послѣ примѣчаній.

Разныя названія Дмитріевской субботы и поминовеніе.

Дмитріевская суббота называется въ иныхъ мѣстахъ: *Дмитрія селунскаго* (*), *родительскою поминальною* (**) *и вселенскою* (***). Въ Литвѣ поминки, извѣстные подъ именемъ *дѣдины* и *осенинъ*, отправлялись въ октябрѣ мѣсяцѣ. У латышей они называются *Божій день* или *Велли*,—обрядъ въ честь богини вѣчности *Веллоны*; въ западной Русси *дѣды* (*dziady*). Въ ярославской, вологодской, вятской, костромской и нижегородской губер., удержалось названіе *дѣдовой*, т. е. память по усопшимъ родителямъ, родственникамъ и друзьямъ. —Тамъ говорится *на дѣдовой недѣль, родители отдожнутъ*, это значитъ, когда первые морозы заморозиваютъ землю и потомъ настаетъ оттепель; тогда простой народъ думаетъ, что покойникамъ дѣлается въ могилѣ теплѣе. Простолюдины увѣрены, что самые мертвые терпятъ стужу, и нуждаются въ поминальныхъ пирушкахъ.

Дмитріевская суббота, одна изъ важнѣйшихъ поминальныхъ. Въ это время поминающіе приготовляютъ угощеніе.—Кутья, кисель съ сытою и молокомъ, пироги, блины, коржи, кныши, рѣзки или лепешки, пиво и водка, суть непремѣнныя принадлежности при поминаніи. Многіе не довольствуются этимъ: жарятъ разныя жаркія, варятъ молошную кашу и яйца въ усмятку, пекутъ калачи и сытники, и послѣ панихиды начинаютъ пирушку на могилахъ, полагая, что самые покойники раздѣляютъ ихъ трапезу, и это такъ силь-

(*) По имени великомучен. Димитрія солунскаго, празднуемаго церковью 26 октября. – Это число было днемъ ангела В. К. Димитрія донскаго.

(**) Октября 26 поминаются усопшіе родители и умершіе на полѣ брани.

(***) По причинѣ повсюднаго поминовенія объ всѣхъ усопшихъ.

но вкоренилось во всеобщемъ мнѣніи простолюдиновъ, что считаютъ за грѣхъ, если не попировать надъ прахомъ.

Простой народъ припоминаетъ со слезами добрыя качества усопшихъ, восхваляетъ ихъ добродѣтели и потомъ начинаетъ пить за упокой, отъ чего вошло въ поговорку: *начинаютъ за упокой, а кончаютъ за радость.* Потому что, преисполненные винными парами, забываютъ печаль, и начинаютъ проводить время въ шумныхъ забавахъ. — Въ деревняхъ надѣляютъ церковнослужителей поминальнымъ кушаньемъ, весьма щедро, отъ чего произошла пословица: *не всегда поповымъ ребятамъ, Дмитріева суббота.*

Поминки не всегда оканчиваются мирно: начинаютъ рыданіями, а оканчиваютъ стенаніями. — Наши церковныя постановленія, строго запрещаютъ гулливыя поминовенія.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

I. Времясчисленіе . . . . . 1.
II. Крещеніе . . . . . 39.
III. Похороны. . . . . 65.
IV. Поминки . . . . . 119.
V. Дмитріевская суббота . . . . . 127.

ПОГРѢШНОСТИ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

страницы.	строки.	напечатано.	читать.
3.	2.	лѣтосчисленіе, съ самой	лѣтосчисленіе съ самой
—	16.	71. г., послѣ	71. г. послѣ
4.	17.	Немвродомъ, на берегахъ	Немвродомъ на берегахъ
8.	31.	слѣдуетъ	слѣдуютъ
8.	32–33.	юліянскаго	юліяновскаго
9.	6.	весенне	весеннее
9.	30.	съ нашемъ	съ нашимъ
11.	9.	но	по
13.	28.	12,0000	120,000
14.	25.	равнодѣнствія	равноденствія
17.	11.	Навуходоносѣ	Навуходоносорѣ
18.	21.	подольскіе	польскіе
18.	31.	сснтябрь	сентябрь
27.	24.	ваадемьеръ	вандемьеръ
33	15—16.	ммператоромъ	императоромъ
35.	4.	праздуется	празднуется
35.	7.	по Возневіи	по Вознесеніи
42.	31.	съ надписью	съ надписью
—	32.	быди	были
44.	15—16.	воспріемп-никъ	воспріем-никъ
46.	27.	Леклернъ	Леклеркъ
49.	6.	отдавалъ	отдавалъ
—	21.	раскошные	роскошные
52.	7.	сестры Царевнень	сестры Царицы
—	22.	крещали	крестить
54.	29.	въ мѣщечкѣ	въ мѣшечкѣ
—	30.	нзъ	изъ
55.	9.	родштелей	родителей
59.	10.	и послѣ	и послѣ
—	31.	по сему	по сему
70.	2.	въ половинѣ VIII.,	въ половинѣ VIII вѣка
—	13.	съ его	въ его
—	23.	жертвоприношсніе	жертвоприношеніе
74.	1.	огню тѣло	тѣло огню
31.	33.	хоругви	хоругви
96.	7.	оиъ	онъ
101.	1.	не вѣдащъ	не вѣдашъ
123.	9.	иредполагая	предполагая

ПОПРАВОЧНОСТИ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

страница	строка	напечатано	должно
3.	2.	присоединяющ. ея узлов	присоединяющие ея узлов
—	16.	11. т. поезд	21. т. поезд
4.	17.	Исаврологъ, въ	Исаврологъ въ
8.	31.	ставятся	ставятся
9.	32. 33.	полнаго	полнаго
9.	6.	весомо	весомо
9.	30.	съ помощ.	съ машины
11.	9.	по	по
13.	28.	12,000	120,000
13.	28.	равнодействия	равнодействия
17.	11.	Пьезтодонос.	Пьезтодонос.
14.	21.	полученія	полученія
18.	21.	сжатіе	сжатіе
24.	24.	вакуумъ	вакуумъ
25.	18—19	индикаторомъ	индикаторомъ
28.	1.	прогулки	прогулки
28.	7.	по Волгѣ	по Волгѣ
42.	31.	съ паромъ	съ паромъ
—	32.	отъ	отъ
44.	18—16.	воспріят	воспріят
		ник	ника
46.	27.	Іемтріе	Іемтріе
49.	6	отдавать	отдавать
—	27.	расширение	расширение
52.	7.	систем Перкинс	систем Перкинса
—	22.	крепятся	крепятся
54.	29.	въ цилиндр	въ цилиндръ
—	30	пар	пар
55.	9	водяного	водяного
59.	16.	и поезд	и поездъ
—	31.	по-газу	по газу
70.	2.	въ котлахъ 7 III.	въ котлахъ 7 III. кубъ
—	12.	отъ его	отъ его
—	23.	электромагнитн.	электромагнитное
74.	1	отъ тре	отъ трехъ
31.	33.	говорит	говорит
96.	7.	отъ	отъ
101.	1.	не кругомъ	по кругомъ
122.	9.	прогонятся	прогонятся

15/14, 3-9, 18, 19, 22-25, 34, 43, 49-50,
52-53, 60, 66-69, 87-89, 96, 97, 100, 120,
123-124, 129, Част V - 4, 5, 6, 13-14, 16-17, 18,
Морал чр: 19, 20, 24, 26, 57, 60, 81-83, 101,
228-229,

25, 28, 29, 45, 81-83, 93, 96, 99, 101-102, 112, 160
123, 124-125, 133-134, 136, 153, 154, 156-157, 161, 162,
303-305, 237, 244, 216, 214,